

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина»

На правах рукописи

Хань Хайянь

Хань Хайянь

**Интертекстуальность в русских и китайских медиатекстах:
лингвокультурный аспект**

5.9.8 – Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Диссертация на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор
Китанина Элла Анатольевна

Москва – 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4–13
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ.....	14–55
1.1. Теоретические предпосылки изучения интертекстуальности.....	14–22
1.2. Основные подходы к изучению интертекстуальности.....	23–36
1.2.1. Основные подходы к исследованию интертекстуальности российскими научными школами.....	23–28
1.2.2. Основные подходы к исследованию интертекстуальности в контексте китайской культуры.....	28–36
1.3. Классификация видов интертекстуальности.....	36–40
1.4. Интертекстуальность и прецедентность.....	40–45
1.5. Медиатекст как междисциплинарная сфера исследования интертекстуальности.....	45–53
Выводы по главе 1.....	53–55
ГЛАВА 2. РЕАЛИЗАЦИЯ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ В РУССКИХ И КИТАЙСКИХ МЕДИАТЕКСТАХ.....	56–120
2.1. Схема анализа реализации интертекстуальности в русских и китайских медиатекстах.....	56–59
2.2. Фигуры интертекста в русских и китайских медиатекстах: цитирование.....	59–71
2.2.1. Характерные черты цитирования в русском медиатексте.....	60–63
2.2.2. Характерные черты цитирования в китайском медиатексте.....	63–71
2.3. Фигуры интертекста в русских и китайских медиатекстах: аппликация.....	71–84
2.3.1. Характерные черты аппликации в русском медиатексте.....	72–78
2.3.2. Характерные черты аппликации в китайском медиатексте.....	78–84
2.4. Фигуры интертекста в русских и китайских медиатекстах: аллюзия.....	84–104

2.4.1. Характерные черты аллюзии в русском медиатексте.....	86–92
2.4.2. Характерные черты аллюзии в китайском медиатексте.....	92–104
2.5. Фигуры интертекста в русских и китайских медиатекстах:	
парафраз.....	104–117
2.5.1. Характерные черты парафраза в русском медиатексте.....	105–111
2.5.2. Характерные черты парафраза в китайском медиатексте.....	111–117
Выводы по главе 2.....	117–120
ГЛАВА 3. СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ В РУССКИХ И КИТАЙСКИХ МЕДИАТЕКСТАХ В ЛИНГВОКУЛЬТУРНОМ АСПЕКТЕ.....	121–148
3.1. Особенности исходных текстов интертекстуальности в русских и китайских медиатекстах.....	123–135
3.2. Интертекстуальность и перевод.....	135–146
Выводы по главе 3.....	147–148
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	149–153
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	154–182
Приложение А. Репрезентативная выборка интертекстуальных фрагментов в русском медиатексте.....	183–195
Приложение Б. Репрезентативная выборка интертекстуальных фрагментов в китайском медиатексте.....	196–218

ВВЕДЕНИЕ

В современной лингвистике исследование человеческой коммуникации предполагает комплексный анализ взаимосвязей между языковыми структурами, культурными кодами, психологическими и социологическими факторами. В этом контексте особую значимость приобретает междисциплинарный подход к изучению интертекстуальности. Интертекстуальность демонстрирует лингвокультурную специфику русского и китайского языков, что проявляется при сравнительном анализе современных интертекстуальных практик. В медиатекстах двух стран интертекстуальные элементы выполняют когнитивную функцию, представляя ключевые параметры соответствующих культурных парадигм. В отношении термина *интертекстуальность* мы опираемся на определение Ю. Кристевой: «...любой текст строится как мозаика цитаций, любой текст – это впитывание и трансформация какого-нибудь другого текста» [Кристева, 2004, с. 167], а также понимаем, что «интертекстуальность – включение в текст либо целых других текстов с иным субъектом речи, либо их фрагментов в виде цитат, реминисценций и аллюзий» [Арнольд, 1999, с. 356]. Согласно Синь Биню, «интертекстуальность представляет собой радикальный взгляд на семиотический плюрализм, как с точки зрения отношений между символами, текстами и текстами культуры, так и с точки зрения отношений между текстами и языковыми категориями» [Синь Бин / 辛斌, 2006, с. 119].

Актуальность исследования обусловлена следующим. Во-первых, в условиях усиливающихся межкультурных обменов и углубления двусторонних отношений между Россией и Китаем особую значимость приобретает не только понимание механизмов передачи информации, но и выявление культурных значений и контекстов, транслируемых через медиатексты. Медиаплатформы как ключевой инструмент массовой коммуникации играют центральную роль в формировании общественного мнения, культурных норм и социальных установок. Во-вторых, интертекстуальность, являясь мощным инструментом создания смысловой глубины текста, активно «эксплуатируется» в русских и

китайских медиатекстах. Однако сопоставительный анализ интертекстуальности в медиатексте остаётся недостаточно разработанным, а в лингвокультурном аспекте отсутствует, при этом существующие исследования преимущественно охватывают такие сопоставительные пары, как русско-английская и/или китайско-английская.

Гипотеза данного исследования заключается в том, что интертекстуальность в медиатексте тесно связана с языковой и культурной спецификой социума. Способы реализации интертекстуальности и выбор исходных текстов отражают национальную идентичность, систему ценностей и коллективную память. Различия в историческом опыте, идеологических установках и языковой картине мира формируют культурно-специфические особенности, которые, в свою очередь, определяют различия в использовании интертекстуальности в русских и китайских медиатекстах. Интертекстуальность выступает важным инструментом репрезентации национальной идентичности, усиливает риторическую выразительность медиатекста за счёт обращения к концептуальным метафорам, фразеологизмам и другим элементам культурного кода.

Степень научной разработанности темы. В 1967 году Ю. Кристева опубликовала во французском журнале статью «Бахтин: слово, диалог, роман», в которой впервые ввела понятие интертекстуальности в контексте теории М.М. Бахтина. В последующие годы появились разнообразные теоретические подходы к изучению интертекстуальности – у М. Риффатера (1980), Наоко Нисикавы (2002), Н. Пьеге-Гро (2008), В.Е. Чернявской (2009), И.В. Арнольд (1999), Н.А. Фатеевой (2006), В.П. Московина (2015), Н.А. Кузьминой (2007, 2011), Инь Ципина / 殷启平 (1994), Цинь Хайина / 秦海鹰 (2004), Ли Юпина / 李玉平 (2014) и др.

Исследования в области интертекстуальности и её применения в культурном контексте активно развиваются как в России, так и в Китае. В данной сфере работали исследователи, среди которых Ю.П. Солодуб (2000), А.К. Жолковский (2005), В.Е. Чернявская (2007), Н.А. Кузьмина (2011), В.П. Москвин (2011), Ло Тин / 罗婷 (2001), Ван Цзинь / 王瑾 (2005), Синь Бинь / 辛斌 (2000, 2005, 2015), Ян Яньсун / 杨衍松 (1994), Чжао Цзин / 赵静 (1999), Ли Мин / 李明 (2003),

Чжу Чаовэй / 祝朝伟 (2004) и др.

Отметим, однако, что, несмотря на довольно длительную историю изучения специфики интертекстуальности, сопоставительное изучение интертекстуальности между русской и китайской культурами долгое время находилось на периферии научного описания. В российской науке разрабатывались сопоставления с немецким (А.А. Гордиевский, 2006), английским (К.Ю. Рыбачук, 2020; Е.Г. Нешкова, 2020) языками, а также работы, опирающиеся на китайский языковой материал (Н.Н. Воропаев, 2012). В контексте китайской науки сопоставительные исследования на материале русского и китайского языков остаются единичными, например, исследования переводческой критики с позиций интертекстуальности (Ли До / 李多, 2017; Кан Нин / 康宁, 2022) и анализ интертекстуальности в политическом дискурсе российских лидеров (Ван Цинь / 王钦懿, 2020). В то же время исследования на материале английского и китайского языков представлены заметно шире (например, Сяо Лян / 肖亮, 2022; Лю Чэнь / 刘辰, 2018).

Целью данного исследования является сопоставительный анализ характеристик и способов реализации интертекстуальности в русских и китайских медиатекстах в лингвокультурном контексте.

Цель исследования обусловила необходимость решения следующих **задач**:

- определить основные подходы к изучению интертекстуальности в контексте русских и китайских медиатекстов, а также предложить расширенную трактовку ключевых понятий, таких, как «интертекстуальность», «прецедентность» и «медиатекст» применительно к исследуемой проблематике;
- провести сопоставительный анализ наиболее частотных видов интертекстуальности в русских и китайских медиатекстах, выявить и систематизировать особенности каждого из них;
- установить разницу между интертекстуальностью и прецедентностью, определив их взаимосвязь и уникальные характеристики в рамках медиатекста;
- выявить сходства и различия реализации и функции интертекстуальности в русских и китайских медиатекстах, разделив на четыре фигуры: цитирование,

аппликация, аллюзия и парافраз;

– сопоставить выбор и использование культурно значимых исходных текстов в русских и китайских медиатекстах, выявив их связь с национальным культурным ядром и проанализировать, как интертекстуальность соотносится с национальной языковой картиной мира;

– установить и кратко проанализировать связь между интертекстуальностью и переводом.

Объектом исследования выступает интертекстуальность в русских и китайских медиатекстах.

Предмет исследования составляет лингвокультурная специфика интертекстуальных включений в русских и китайских медиатекстах.

Материалом исследования послужили тексты российских и китайских периодических изданий («Известия», «РБК», «Xinhua Net», «Guangming Daily»), а также новостные сообщения, опубликованные на сайтах или в популярных электронных изданиях («РИА Новости», «Коммерсантъ», «Sina News», «People's Daily Online») за период 2021-2024 гг. общим объёмом более 1800 фрагментов с интертекстуальными элементами. Материал исследования отобран по следующим критериям: наличие интертекстуальности в медиатексте; соответствие рассматриваемому периоду 2021–2024 гг.; культурная значимость.

Методология и методы исследования. В исследовании применялись общенаучные и научные методы: гипотетико-дедуктивный метод для анализа теоретического материала по тематике исследования; описательный метод, включающий анализ, сопоставление и классификацию языковых фактов, представленных в китайско- и русскоязычной культурах; сопоставительный метод для анализа интертекстуальности в русских и китайских медиатекстах; метод семантического и контекстного анализа языковых единиц; метод сплошной выборки при отборе материала исследования; метод лингвокультурологических истолкований и описательно-логические приёмы сопоставления интертекстуальных единиц; метод количественной обработки данных, метод контент-анализа и метод интент-анализа, в совокупности позволившие рассмотреть

и проанализировать большой объём материала, охарактеризовать с точки зрения семантики, статистики, прагматических и функциональных характеристик, сделать достоверные обобщения и получить новые выводы.

Методологической и теоретической основой работы являются исследования

– *в области интертекстуальности и прецедентности* (Ю. Кристевой, Р. Барта, Ж. Женетта, М. Риффатера, И.П. Ильина, Н. Пьеге-Гро, Н.А. Фатеевой, Н.А. Кузьминой, А.Д. Васильева, В.П. Москвина, И.В. Арнольд, Ю.Н. Караулова, В.В. Красных, Д.Б. Гудкова, И.В. Захаренко, Т.Н. Васильчиковой, Г.Г. Слышкина, Инь Ципин / 殷企平, Ло Тин / 罗婷, Цинь Хайин / 秦海鹰, Ван Цзинь / 王瑾, Синь Бинь / 辛斌, Чэн Силинь / 程锡麟, Ли Юпин / 李玉平 и др.);

– *теории текста и медиатекста* (Г.Я. Солганика, Н.С. Валгиной, И.Р. Гальперина, Я.Н. Засурского, Т.Г. Добросклонской, С.В. Ионовой, Н.И. Клушиной, И.В. Ковтуненко, И.В. Рогозиной, М.Р. Желтухиной, С.М. Колесниковой, Н.А. Мишанкиной, Ю.В. Рождественского, М.Ю. Казак, Дэн Цзюнь / 邓军, Чжан Хуэйсэнь / 张会森, Ван Фусянь / 王福祥 и др.);

– *лингвокультурологии* (Н.Д. Арутюновой, В.В. Воробьёва, В.И. Карасика, В.Г. Костомарова, В.А. Масловой, Ю.С. Степанова, Е.Ф. Тарасова, Э.А. Китаниной, Чэнь Цзяньвэй / 陈建伟, Чжао Айгуо / 赵爱国, Хэ Сяньбинь / 贺显斌 и др.);

– *понятия менталитета* (Г.Д. Гачева, Л.Н. Пушкарева, В.В. Колесова, И.А. Ильина, Т.Б. Радбиля, М.В. Татаркиной и др.).

Научная новизна исследования заключается в комплексном сравнительно-сопоставительном анализе интертекстуальности в русских и китайских медиатекстах с акцентом на выявление культурно-специфических особенностей. Особое внимание уделяется интертекстуальным источникам, в которых в той или иной форме отражаются национальная идентичность, система ценностей и коллективная память.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что интертекстуальность рассматривается как глобальный лингвистический и

культурный феномен с акцентом на функции интертекстуальности в медиатексте. Настоящее исследование преодолевает некоторую ограниченность подхода к изучению интертекстуальности в медиа, связанную только с изучением этимологии интертекстуальности, и сосредоточено на практическом применении данного явления в медиатексте. Особое внимание уделяется тому, как интертекстуальные элементы, восходящие к культурно значимым источникам, отражают особенности национальной языковой картины мира в русском и китайском медиадискурсе. В исследовании задействованы концептуальные подходы российских, китайских и западных учёных, что позволяет развить комплексную модель анализа интертекстуальности в условиях современных медиапрактик.

Практическая ценность исследования заключается в том, что результаты работы могут быть использованы для улучшения межкультурной коммуникации, а также в области социолингвистических и прикладных лингвистических исследований. Материалы исследования могут быть полезны для практических занятий, посвящённых анализу интертекстуальности, текста и дискурса, лингвистическому анализу медиатекстов, теории перевода и в других областях. Полученные выводы также могут быть использованы для разработки курсов и учебных материалов по анализу медиадискурса и межкультурной коммуникации.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Интертекстуальность рассматривается как глобальный лингвистический и культурный феномен с акцентом на функции, выполняемые в медиатексте. Следовательно, классификация интертекстуальности должна учитывать её динамичный и когнитивный характер. При анализе интертекстуальных практик в русских и китайских медиатекстах наиболее подходящей является классификация, ориентированная на облигаторную и алеаторную интертекстуальность.

2. Интертекстуальность и прецедентность, являясь базовыми когнитивными категориями медиадискурса, не тождественны – прецедентный феномен может рассматриваться как частное проявление интертекстуальности. Интертекстуальность выступает в роли гиперонима, охватывающего широкий

спектр экстенциональных компонентов.

3. Медиатекст сочетает свойства традиционного текста и медийные характеристики. Интертекстуальность как одна из обязательных категорий медиатекста является его системообразующим свойством, реализующимся через включение культурно значимых элементов, отражающих коллективную память и подчинённых прагматической цели коммуникации.

4. Интертекстуальность представляет собой универсальную и многофункциональную стратегию, широко реализуемую в русских и китайских медиатекстах, и служит инструментом конструирования смысла, укрепления культурной идентичности и усиления риторического воздействия. В медиатекстах двух культур интертекстуальность проявляется преимущественно через четыре фигуры – цитирование, аллюзию, аппликацию и парафраз.

5. Интертекстуальность в медиатексте тесно связана с языковой и культурной спецификой, а реализация интертекстуальности и выбора исходного текста отражают национальную идентичность, систему ценностей и коллективную память общества. Анализ выбора и использования исходных текстов интертекстуальности позволяет в определённой степени выявить ядро национальной культуры.

6. Перевод интертекстуальных элементов требует не только лингвистической эквивалентности, но и учёта социокультурных значений, встроенных в медиатекст. Переводческие стратегии с китайского на русский язык в отношении китайской поэзии, четырёхиероглифных идиом, пословиц и поговорок особенно затруднительны – переводчик сталкивается с задачей выбора между адаптацией и сохранением оригинального культурного кода.

Степень достоверности исследования обеспечена обращением к обширной методологической базе, репрезентативным практическим материалом и применением актуальных общенаучных и частных лингвистических методов.

Личный вклад автора является определяющим и заключается в непосредственном участии во всех стадиях исследования от постановки и решения задач и достижения цели до отражения результатов исследования; включает всесторонние направления научного анализа, позволяющие получить

достоверные выводы об универсальных и специфических характеристиках интертекстуальности в русских и китайских медиатекстах.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертации обсуждались на заседаниях кафедры общего и русского языкознания филологического факультета Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина (2022–2025 гг.) и были представлены на научных мероприятиях разного уровня: международной научно-практической конференции «Чтения имени А.С. Дембовецкого», посвящённой 755-летию г. Могилёва (Белорусско-Российский университет, г. Могилёв, 2022 г.); «Актуальные проблемы русистики: взгляд молодых» (Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова, г. Элиста, 2023 г.); научном семинаре «Социокультурная адаптация и межкультурная коммуникация: русский язык в междисциплинарном поле научных исследований». Тема заседания: «Лингвокультурологические особенности современных текстов различной направленности» (Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва, 2025 г.).

По теме диссертационного исследования автором опубликовано 5 научных работ, в том числе 3 опубликованы в научных журналах, входящих в Перечень рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки Российской Федерации, общим объемом 2,38 п.л.

Соответствие диссертации паспорту научной специальности. Научные положения диссертационного исследования соответствуют пунктам паспорта научной специальности 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика, а именно: п. 8. Язык в контексте культуры. Исследование языка с использованием методов культурологии, этнологии и антропологии, п. 9. Лингвистика языка и лингвистика речи. Речевая деятельность и использование языка. Лингвистика дискурса и лингвистика текста, п. 15. Контрастивная лингвистика и лингвистическая типология. Методы сопоставительного и типологического изучения языков. Типологические классификации.

Структура работы: диссертация состоит из введения, трёх глав, заключения,

списка литературы и двух приложений. Общий объём исследования 218 страницы.

Во **введении** обоснована актуальность темы, сформулированы гипотеза, цель и задачи исследования, определены объект и предмет, охарактеризованы материал, методы и теоретическая база. Кроме того, представлены научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы, положения, выносимые на защиту, степень достоверности, апробация результатов, а также структура диссертации.

В **первой** главе работы рассматриваются теоретические основы и развитие интертекстуальности в русских и китайских медиатекстах. Анализируются теоретические предпосылки, лежащие в основе исследования, а также основные подходы к изучению интертекстуальности, включая классификацию интертекстуальности, её соотношение с понятием прецедентности и необходимость изучения интертекстуальности в медийном языке. Глава формирует теоретический каркас для последующего анализа реализации интертекстуальности в русских и китайских медиатекстах, определяя ключевые концепты и подходы, используемые в эмпирическом исследовании.

Вторая глава посвящена практическому анализу реализации интертекстуальности в русских и китайских медиатекстах. Предлагается схема анализа, позволяющая исследовать, как различные фигуры интертекстуальности: цитирование, аллюзии, аппликации и парафразы – реализуются в медиатекстах. Подробно описаны характерные особенности использования данных фигур в русских и китайских медиатекстах, выявляя сходства и различия в медиапрактике.

Третья глава посвящена анализу различных аспектов исходных текстов, используемых в русских и китайских медиатекстах, что позволяет выявить их особенности. Кроме того, глава содержит краткий обзор взаимосвязи интертекстуальности и перевода, демонстрирующий роль переводческих стратегий в передаче интертекстуальных смыслов.

В **заключении** изложены основные результаты исследования и выводы, сделанные на основе анализа фактического материала, а также сформулированы перспективы дальнейших исследований.

Список источников литературы содержит 281 наименование, в том числе 69 – на иностранных языках.

В **приложениях** представлена репрезентативная выборка интертекстуальных фрагментов, встречающихся в русских и китайских медиатекстах.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ

Интертекстуальность как ключевое понятие современного гуманитарного знания прошла длительный путь развития – от постструктуралистской гипотезы до междисциплинарной категории. В рамках медиадискурса интертекстуальность приобретает особую значимость, проявляясь в разнообразных формах и выполняя важные коммуникативные функции. Данная глава устанавливает теоретический каркас для последующего анализа реализации интертекстуальности в русских и китайских медиатекстах, определяя ключевые концепты и подходы, используемые в эмпирическом исследовании.

1.1. Теоретические предпосылки изучения интертекстуальности

Интертекстуальность (*Intertextuality* / *intertextualité*) – это текстовый феномен, широко распространённый в медиадискурсе, а также выразительный приём, насыщенный подтекстом и смысловой напряжённостью. «Теория интертекстуальности – это текстовая теория, возникшая на основе Западного структуралистского и постструктуралистского мышления» [Чэн Силинь / 程锡麟, 1996, с. 72]. С лексической точки зрения термин «*intertextuality*» можно разделить на две части: приставка *inter* означает ‘взаимный’, а корень *text* восходит к латинскому *textum* (‘ткань’), что отсылает к переплетению нитей при ткачестве. Таким образом, интертекстуальность представляет собой отношения взаимной отсылки, возникающие между двумя или более текстами.

Возникнув в культурном контексте западного постмодернизма, интертекстуальность опирается на лингвистический поворот в «Общей лингвистике» Фердинанда де Соссюра, развита в поэтике М.М. Бахтина, терминологически оформлена Ю. Кристевой, теоретически обоснована Р. Бартом, а концептуальная система детализирована теоретиками литературы и филологами (такими как Ж. Женетт, М. Риффатер, Поль де Ман, Хиллис Миллер и др.).

Понятие интертекстуальности восходит к идее диалога, предложенной М.М. Бахтиным, выдающимся русским философом, культурологом и литературоведом. В книге «Проблемы поэтики Достоевского» М.М. Бахтин предложил теорию диалога, теорию карнавала и теорию полифонии, оказавших непосредственное влияние на формирование теории интертекстуальности. М.М. Бахтин утверждал диалогическую природу человеческой жизни: «Жизнь по природе своей диалогична. Жить – значит участвовать в диалоге: вопрошать, внимать, ответствовать, соглашаться и т.п.» [Бахтин, 1986, с. 337]. М.М. Бахтин считает, что полифонические романы Ф.М. Достоевского трансформируют взаимоотношения сознаний и голосов автора и героя, отличающиеся от традиционных романов. М.М. Бахтин показывает, что полифонический роман воплощает карнавализацию литературы. В карнавале «противоположности сходятся, смотрят друг на друга, отражаются друг в друге, знают и понимают друг друга» [Бахтин, 1972, с. 304]. «Литературные и нелитературные дискурсы, диалекты и фольклорные тексты пересекаются, отсылая друг к другу и представляя различные идеологии и миры в новых отношениях. Таким образом, концепция карнавализации литературы фактически является теорией интертекстуальности» [Ло Тин / 罗婷, 2001, с. 11].

Теория интертекстуальности Ю. Кристевой и диалогическая концепция М.М. Бахтина демонстрируют интертекстуальную взаимосвязь: идеи диалогизма становятся смысловым «интертекстом» для теории интертекстуальности, которая, в свою очередь, вбирает и трансформирует базовые принципы Бахтинской теории.

Ю. Кристева выдвинула свои постструктуралистские идеи, критикуя структуралистскую мысль, содержание концепции Ю. Кристевой тесно связано со структурализмом. Структуралисты стремились применить структуралистские методы лингвистики в области литературы, пытаясь прояснить, углубить понимание поэзии, прозы, в частности романов, и других литературных текстов. Структурализм претендовал на универсальное объяснение культурных и социальных феноменов, выявление «бессознательных условий социальной жизни» (Леви-Стросс). Цель структурализма – выделить реальные структуры и

синхронические причины. Представители структурализма подчёркивали статичность и определённую. Согласно структурализму, текст рассматривался как замкнутая лингвистическая система, чёткая структура, состоящая из символов; считалось, что анализ отдельного текста позволяет выявить правила, управляющие литературными законами в целом. Структуралистский подход к исследованию, широко применявшийся в социальных науках, вскоре был поставлен под сомнение. В 1960-е годы в западной науке возник ряд новых направлений, опровергавших положения структурализма: утверждалось, что структуралистский подход не ведёт к истинному пониманию мира, языковые символы не обладают фиксированными значениями, их смыслы изменчивы, а символические системы представляют собой динамические процессы. В этом контексте семиотические исследования вступили в постструктуралистскую фазу.

Ю. Кристева признаёт вклад структурализма в теорию языка, но предлагает теоретическую систему, отличную от структуралистского подхода к исследованию, который работает не со статичными системами структурализма, а с динамичными, меняющимися текстами. Интертекстуальность была введена Ю.Кристевой в статье «Бахтин: слово, диалог, роман» как термин в этом контексте и вызвала широкий интерес лингвистов во всём мире (1967). При изложении теории М.М. Бахтина, статья Ю.Кристевой впоследствии вошла в её теоретическую монографию «Семиотика: исследования по семанализу». В 1968 году исследователь представила на Симпозиуме по лингвистике и литературе доклад «Проблемы структурирования текста», в котором повторно ввела понятие интертекстуальности, уже без ссылок на М.М. Бахтина. В монографии «Семиотика: исследования по семанализу» Ю. Кристева раскрывает конкретное содержание интертекстуальности, из чего можно сделать вывод о трёх ключевых моментах – это «цитирование, социально-историческая обусловленность, межтекстовая трансформация и генерация» [Цинь Хайин / 秦海鹰, 2006, с. 17].

Во-первых, Ю. Кристева предполагает, что «любой текст строится как мозаика цитаций, любой текст – это впитывание и трансформация какого-нибудь другого текста. Тем самым на место понятия интерсубъективности встаёт понятие

интертекстуальности, и оказывается, что поэтический язык поддаётся как минимум двойному прочтению» [Кристева; пер. с фр. Г.К. Косиков, 2004, с. 167]. Основным смыслом воззрений Ю. Кристевой заключается в том, что каждый текст является зеркалом других текстов, тексты ссылаются друг на друга, имплицитно отсылают друг друга и образуют открытую сеть, представляя собой огромную открытую систему прошлого, настоящего и будущего текста, а также эволюции символов. В монографии «*Revolution in Poetic Language / Революция в поэтическом языке*» (1974) Ю. Кристева вновь подчёркивает понятие интертекстуальности как диалога между текстами. Утверждается, что каждый текст опирается на другие и возникает в процессе интертекстуального взаимодействия. Ю. Кристева основывает свою концепцию интертекстуальности на идее, что любая символическая система или культурный феномен может рассматриваться как текст. Это означает, что текст открыт для любых внешних элементов, которые могут быть не только внешними по отношению к литературному тексту, но и к текстуализированным социальным, политическим, историческим и культурным явлениям.

Во-вторых, по мнению Ю. Кристевой, интертекстуальность обладает социально-исторической природой. «Интертекстуальность – это признак того способа, каким текст прочитывает историю и вписывается в неё» [Цит. по: Ильин, 1996, с. 225]. Социальная история сама рассматривается как масштабный текст, а литературный текст в точном смысле этого слова – как результат прочтения масштабного текста социальной истории. Ю. Кристева включает в интертекстуальность временное и историческое измерение: исторические тексты отсылают к предшествующим текстам, а социальные тексты – к окружающим дискурсам того же времени. Отношения между текстом-реципиентом и предыдущим текстом представляют собой диалог и взаимодействие, взаимная коррекция и нейтрализация, а не одностороннее влияние. Данный подход отличается от традиционной истории литературы.

Третья особенность интертекстуальности, по Ю. Кристевой, – это трансформационная генерация текстов. Согласно Ю. Кристевой, интертекстуальность – это трансформационное порождение социально-

исторических текстов в литературные тексты. Сам роман представляет собой сложную символическую систему, в которой происходит не только процесс внутренней ко-трансформации, но и процесс трансформации между текстом романа и текстом социальной истории и культуры. Ю. Крестева включает литературную структуру в социальное целое, которое рассматривается как текстовое целое. Для Ю. Крестевой два или более текстов, в которых возникает интертекстуальность, не обязательно должны быть текстами на естественном языке, но могут быть также музыкой, живописью, фильмами или любыми социально-историческими культурными явлениями. Как видно, под интертекстуальностью Ю. Крестева понимает превращение одной или нескольких знаковых систем в другую или несколько знаковых систем, подчёркивая трансформацию и взаимодействие между знаковыми системами разной природы.

Также Ю. Крестева определяет три измерения текстового пространства: субъект письма, получатель и внеположные им тексты (три инстанции, находящиеся в состоянии диалога). В этом случае статус слова определяется как горизонтально, так и вертикально. «По горизонтали – это дискурс внутри текста, который принадлежит как субъекту письма, так и получателю, а вертикально – указывает на предшествующий или синхронические литературный корпус, составляющему контекст дискурса» [Крестева; пер. с фр. Г.К. Косиков, 2000, с. 429]. Теория интертекстуальности ломает традиционную схему литературоведческих исследований, вбирая в себя целостное представление о культуре и предлагая обновлённый взгляд на связи между текстами, социальными механизмами и другими текстами.

После Ю. Крестевой многие теоретики литературы заинтересовались интертекстуальностью и начали продолжать интерпретировать интертекстуальность, исходя из собственного понимания и идей, так что в процессе собственного развития интертекстуальность постепенно приняла форму структуралистской тенденции, наиболее репрезентативными представителями которой стали Ж. Женетт и М. Риффатер.

Ж. Женетт – французский литературовед, один из основных представителей

структурализма, один из основателей изучения явления интертекстуальности.

Опираясь на методологические принципы структурализма, Ж. Женетт разработал концепцию «транстекстуальности», которая внесла значительный вклад в развитие теории интертекстуальности, особенно в контексте формального анализа текста. В отличие от подхода Ю. Кристевой, акцентировавшей диалогическую природу текста, Ж. Женетт предлагает системную классификацию интертекстуальных связей, переосмыслив саму структуру текстовых взаимодействий. Ключевым трудом в этом направлении стала монография «Палимпсесты: литература во второй степени (Palimpsests: Literature in the Second Degree)» (1982), где Ж. Женетт не только детализирует типы транстекстуальности (интертекстуальность, паратекстуальность, метатекстуальность и др.), но и создаёт строгую методологическую базу для анализа многоуровневых отношений между текстами. Теория Ж. Женетт стала ключевым инструментом в сравнительном литературоведении.

Ж. Женетт трактует любые связи между текстами как понятие транстекстуальности. Согласно его позиции, такие активные взаимодействия возникают не только между отдельными текстами, но и между более общими формальными типологиями и категориями. По мнению Ж. Женетта, «литература – это не просто собрание произведений, независимых друг от друга или же влияющих одно на другое в процессе случайных и изолированных столкновений; она представляет собой связанное целое, однородное пространство, внутри которого произведения взаимосоприкасаются и взаимопроникают; она также и сама является связанной с другими частью ещё более обширного пространства культуры, где её собственная значимость зависит от целого» [Женетт, 1998, с. 174–175]. У транстекстуальности и интертекстуальности один и тот же объект изучения – отношения между текстами. Разница заключается в том, что Ж. Женетт далее уточняет транстекстуальность до пяти категорий отношений между текстами. Эти пять категорий транстекстуальности не являются абсолютно отдельными друг от друга, но так или иначе связаны и пересекаются. Обозначим их:

1. *Интертекстуальность*. Ж. Женетт даёт этому термину узкое определение:

отношения взаимопроникновения между двумя или несколькими текстами. Частым проявлением является фактическое появление одного текста в другом. Наиболее очевидными и верными проявлениями являются цитаты (с перевёрнутыми запятыми, с указанием авторства или без него), а также плагиат и аллюзия.

2. *Паратекстуальность*. Понятие паратекстуальности включает в себя целый ряд элементов, имеющих отношение к восприятию текста, таких как произведение и его подзаголовки, предисловие, иллюстрации и многие другие сопутствующие знаки. Для Ж. Женетта характер паратекстуальности заключается в том, чтобы направить читателя по пути, предложенному автором и редактором, чтобы максимально реализовать «авторский замысел / author's purpose».

3. *Метатекстуальность* принято рассматривать как отношение комментария, то есть отношение одного текста к другому, о котором текст говорит.

4. *Гипертекстуальность* – это любые отношения, в которых гипертекст связан с предтекстом. Например, «Одиссея» Гомера является предтекстом к роману «Улисс» Джойса.

5. *Архитекстуальность* относится к чисто аналоговым отношениям, таким как «жанровая связь текстов» [Женетт, 1998, с. 338–339].

Давая определение интертекстуальности, Ж. Женетт решает проблему неясных понятий, связанных с интертекстуальностью, подчёркивая связующую и трансформирующую функции интертекстуальности и рассматривая их в разных категориях, что делает понятие интертекстуальности более конкретным. В отличие от широкой интертекстуальности Ю. Кристевой, интертекстуальность, описанная Ж. Женетт, чётко идентифицируема и максимально формализована, что делает понятие интертекстуальности более конкретным и операциональным. Недостатком, однако, является то, что интертекстуальность ограничена малым диапазоном, так что невозможно обнаружить больше интертекстуальных явлений.

В своём развитии интертекстуальность проявила тенденцию к деконструктивизму. В отличие от структурализма, который занимается поиском устоявшихся структур и эпистемологических парадигм в интертекстуальных текстах и стремится демаркировать границы интертекстуальности как

оперативного метода исследования, деконструктивизм фокусируется на том, как интертекстуальные приёмы подрывают определённый центр и смысл текстов.

После того как Ю. Крестева ввела понятие интертекстуальности, Ролан Барт стал одним из первых её авторитетных теоретиков и выразителей. Данная точка зрения основывается на его статье «Теория текста», опубликованной в «Encyclopaedia universalis» в 1973 году.

По мнению Р. Барта, «каждый текст является интертекстом; другие тексты присутствуют в нём на различных уровнях в более или менее узнаваемых формах: тексты предшествующей культуры и тексты окружающей культуры. «Каждый текст является интертекстом; другие тексты присутствуют в нём на разных уровнях в более или менее узнаваемых формах: тексты предшествующей культуры и тексты окружающей культуры. Каждый текст представляет собой ткань, сотканную из старых цитат» [Барт, 2009, с. 24].

Теория текстов Р. Барта во многом является обобщением и пересказом идей Ю. Крестевой, но Р. Барт также заимствовал данную концепцию для постепенного обогащения собственных размышлений о процессе чтения [Цинь Хайин / 秦海鹰, 2008, с. 4]. В таких размышлениях Р. Барт вновь расширяет границы понятия интертекстуальности, заметно смещая его фокус в сторону читателя, и его идеология Р. Барта перешла от структурализма к деконструктивизму.

В 1967 году Р. Барт опубликовал своё знаменитое эссе «Смерть автора», в котором, хотя и не упоминаются термины *интертекстуальность* и *интертекст*, но выражается теоретическая интенция, перекликающаяся с концепцией интертекстуальности Ю. Крестевой. Разница в том, что Р. Барт уделяет больше внимания участию читателя в тексте и опирается на концепцию интертекстуальности, чтобы выразить критику субъекта и авторитета. Данный методологический поворот получает развитие в монографии «S/Z» (1970), где в ходе глубокого анализа романа Оноре де Бальзака (Honoré de Balzac), Р. Барт демонстрирует многочисленные смысловые слои в тексте. Теория Р. Барта изменила подход к изучению литературных текстов, перейдя от авторского замысла к роли читателя в интерпретации текста, и заложила основы для исследований,

рассматривающих интертекстуальность как динамический процесс взаимодействия текста, контекста и интерпретатора.

Теория интертекстуальности Р. Барта приобрела новое звучание в своём развитии. Если у Ю. Кристевой интертексты относятся к ранним и современным текстам, то у Р. Барта интертекстами считаются и «поздние тексты», что делает проблему «источников», основанную на временной последовательности, ещё более неэффективной. Это также облегчает понимание того, почему изучение интертекстуальности нельзя путать с изучением влияния. Классический статус текста может казаться установленным автором, но зачастую определяется прочтением и переписыванием последующими поколениями, в чём и заключается важность «позднего текста» как интертекста [Цинь Хайин / 秦海鹰, 2008, с. 4].

Постструктурализм, деконструирующий закрытую концепцию текста и авторскую авторитетность, обеспечил интертекстуальной теории двойную поддержку – философскую и методологическую. Если структурализм стремился выявить глубинную структуру текста через фиксированные правила, то постструктурализм, разрушая идею «центра» и «детерминированности», раскрыл подвижность и открытость текстового смысла. Этот акцент на динамической природе текста непосредственно способствовал формулировке ключевого тезиса теории интертекстуальности: смысл текста больше не ограничивается его внутренней структурой, а постоянно генерируется через диалог с другими текстами. Таким образом, интертекстуальность, изначально существовавшая как теоретическая гипотеза, постепенно трансформировалась в аналитический инструмент, концептуальное содержание интертекстуальности в этом процессе непрерывно детализировалось и расширялось.

В рамках постоянного развития теории интертекстуальности её сфера применения постепенно расширилась от литературной критики до лингвистики, культурологии, переводоведения и других дисциплин. В области лингвистики теория интертекстуальности активно применяется в анализе дискурса и исследованиях текста. Посредством анализа интертекстуальных связей между текстами исследователи раскрывают многогранность, сложность и разнообразие

употребления языковых средств.

1.2. Основные подходы к изучению интертекстуальности

Ретроспективный анализ генезиса теории интертекстуальности – от концепции диалогичности Ю. Кристевой 1960-х годов, через классификационную систему гипертекстуальности Ж. Женетта, до реконцептуализации текстовой сети в концепции «смерти автора» Р. Барта – позволяет выявить, что теоретический инструмент интертекстуальности сохраняет динамичный характер формирования. Учёные различных периодов, исходя из своих теоретических позиций и дисциплинарных перспектив, последовательно обогащают интертекстуальность новыми интерпретационными измерениями. Данный многоголосый характер определений сам по себе представляет собой научный феномен, обладающий значительной исследовательской ценностью.

Исходное определение интертекстуальности, предложенное Ю. Кристевой, заложило методологический фундамент, позволивший исследователям из разных стран интерпретировать и расширять данную теорию в рамках междисциплинарного диалога. В рамках структурного анализа теории интертекстуальности раздел 1.1 был посвящён рассмотрению концептуальных основ интертекстуальности в контексте западной культуры, а раздел 1.2 фокусируется на сравнительном исследовании основных подходов к исследованию интертекстуальности российскими научными школами и в контексте китайской культуры.

1.2.1. Основные подходы к исследованию интертекстуальности российскими научными школами

Начало систематического изучения интертекстуальности как лингвистического и литературоведческого феномена связано с активной разработкой данной концепции в российской науке на рубеже XX–XXI веков. Теория интертекстуальности, унаследовавшая западные традиции (работы

Ю. Кристевой, Р. Барта), приобрела в российской академической среде уникальную интерпретацию, обогащённую новыми подходами и терминологическим аппаратом. Современные российские учёные стремятся соединить теорию и практику на основе наследования и развития традиционных теорий интертекстуальности. Изучение интертекстуальности российскими учёными можно разделить на три направления: 1) внедрение и представление теории интертекстуальности, 2) исследование интертекстуальности в литературных текстах, 3) исследование интертекстуальности в текстах, отличных от литературных.

Первым значительным этапом стало исследование И.П. Ильина, опубликовавшего в 1989 году статью «Стилистика интертекстуальности: теоретические аспекты». В данной работе И.П. Ильин систематизировал представления о различных научных школах интертекстуальности, заложив основу для дальнейших изысканий. Важный вклад в развитие данной проблематики внесла книга И.В. Арнольда «Семантика. Стилистика. Интертекстуальность» (1999), в которой исследователь рассматривает интертекстуальность как ключевое средство включения текста в сферу культурного общения.

Интересно, что монография Н.А. Фатеевой «Интертекст в мире текстов. Контрапункт интертекстуальности» (2006) вызвала восторженный отклик у российских учёных. Н.А. Фатеева исследует сущность и функции интертекстуальности, а также интертекстуальные единицы на примере художественных текстов, и на основе обобщения результатов предыдущих учёных выдвигает собственные конструктивные идеи. Н.А. Фатеева утверждает, что литературная традиция представляет собой не движение из прошлого в настоящее, а проекцию настоящего на прошлое. По мнению Н.А. Фатеевой, в структуру нового текста инкорпорируется всё пространство поэтической и культурной памяти, которое и выступает в качестве смыслообразующего элемента.

Впоследствии российские учёные стали заниматься исследованием интертекстуальности в литературных текстах. Метод анализа интертекстуальности занимает важное место в изучении литературных текстов. Исследования

интертекстуальности в области литературы в основном сосредоточены на поэзии и романах. За последние годы российский исследователь Н.А. Кузьмина добилась результатов в исследовании интертекстуальности, представленных монографией «Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка» (2006). Н.А. Кузьмина включает физический термин «энергия» в рамки исследования интертекстуальности и разработает концепцию «энергия интертекстуальности». Н.А. Кузьмина также внесла определённый вклад в изучение интертекстуальности в медиадискурсе. В работе «Интертекст: тема с вариациями» (2010) Н.А. Кузьмина различает понятия интертекста и интертекстуальности в своих работах.

Наследуя теорию интертекстуальности Запада, российские учёные ввели термин «прецедентный текст», который является важным понятием в рамках лингвистических и культурологических исследований. В 2010 году А.Д. Васильев опубликовал монографию «Интертекстуальность: прецедентные феномены». В монографии даётся представление об интертекстуальности и прецедентных текстах, при этом отмечается, что прецедентные тексты являются одной из форм реализации интертекстуальности.

В монографии В.П. Москвина «Интертекстуальность: понятийный аппарат, фигуры, жанры, стили» (2011) подробно описаны различные типы интертекстуальных связей (интенциональные, структурные, силовые) и фигуры интертекста (цитирования, аппликация, аллюзия, парафраз и др.).

Опираясь на существующие исследования, В.П. Москвин в соавторстве с другими учёными выпускает книгу «Интертекстуальность и фигуры интертекста в дискурсах разных типов» (2015), включающую исследования интертекстуальности в различных дискурсах, таких как научный дискурс, политический дискурс, эпистолярный дискурс и др. В книге подчёркивается различие между литературным и лингвистическим подходами к исследованию интертекстуальности, «в рамках первого интертекст рассматривается как инструмент герменевтического анализа и зачастую соотносится с понятием ‘мотив’. Если литературоведов интересует прежде всего план содержания интертекстом, то лингвисты исследуют те способы «оязыковлени», которые используют авторы, устанавливая (сознательно или

бессознательно) между текстами ассоциативную связь» [Москвин, 2015, с. 284].

От первоначального заимствования западных концепций исследователи перешли к созданию автономного терминологического аппарата, разработке оригинальных классификаций и применению междисциплинарных подходов. Современные работы (Н.А. Кузьминой, А.Д. Васильева, В.П. Москвина, И.В. Арнольд) подтверждают, что интертекстуальность остаётся актуальным инструментом анализа не только в литературоведении, но и в лингвистике, культурологии и медиадискурсе. Российские учёные, находясь под влиянием отечественных академических традиций и культурных контекстов, также по-разному понимают интертекстуальность.

1. «Интертекстуальность – включение в текст либо целых других текстов с иным субъектом речи, либо их фрагментов в виде цитат, реминисценций и аллюзий» [Арнольд, 1999, с. 356].

2. Интертекстуальность как «связь двух художественных произведений на основе сходства их сюжетов, композиций, героев и пейзажей и т.п.» [Солодуб, 2000, с. 51]

3. «Интертекстуальность – это термин, подразумевающий такое свойство письменного текста, как реализация в нём совокупности ранее созданных текстов, которая может осуществляться даже независимо от воли автора, на подсознательном уровне; воплощает принципы, базирующиеся на множественности интерпретаций» [Дедова, 2001, с. 32].

4. Интертекстуальность – это «формообразующие и смыслообразующие взаимодействия различного рода дискурсов вербальных и невербальных текстов» [Петрова, 2004, с. 66].

5. Интертекстуальность – это «текстовая категория, отражающая соотнесённость одного текста с другим, диалогическое взаимодействие текстов в процессе из функционирования, обеспечивающее приращение смысла произведения» [Баженова, 2006, с. 107].

6. Интертекстуальность может быть осмыслена как «механизм метаязыковой рефлексии, позволяющий автору художественного произведения определить

способ генезиса собственного текста, а читателю – углубить понимание за счёт установления многомерных связей с другими текстами» [Фатеева, 2006, с. 121].

7. Интертекстуальность – это «маркированная определёнными языковыми сигналами переключка текстов, их диалог» [Кузьмина, 2006, с. 20].

8. Интертекстуальность – «взаимодействие текстов и / или их фрагментов как в плане содержания, так и в плане выражения» и представляет собой «способ, которым, один текст актуализирует в своём внутреннем пространстве другой» [Чернявская, 2007, с. 49].

9. Интертекстуальность – это «соотнесённость текста с его типом или другим текстом (текстами), устанавливаемая на основе критериев, очевидных для участников коммуникации» [Литвиненко, 2008, с. 31].

10. Интертекстуальность – «это особое свойство, качество, проявляющееся при включении в текстовый массив как фрагментов прочих словесных текстов, так и элементов иных невербальных семиотических систем» [Головко, 2011, с. 11].

11. Интертекстуальность – это «присущее любому тексту диалогическое взаимодействие между текстами, при котором элементами текста-реципиента. Подобное взаимодействие может проявляться на различных уровнях текста (лексическом, стилистическом, структурном, содержательном и т.д.) и способствует приращению смысла» [Гаврикова, 2012, с. 17].

12. По мнению Т.Н. Васильчиковой, суть интертекстуальности заключается в «диалогическом взаимодействии текстов в процессе их функционирования» [Васильчикова, 2016, с. 193].

Представленные определения интертекстуальности демонстрируют эволюцию и многогранность понятия интертекстуальности в российской науке. От базового понимания как включения цитат, аллюзий или реминисценций до сложных механизмов диалога текстов, охватывающего структурные, семантические и культурные уровни, интертекстуальность рассматривается как динамическая категория, объединяющая формальные, функциональные и прагматические аспекты.

Объединяющий акцент направлен на диалогичность: взаимодействие текстов

рассматривается не только как формальное заимствование, но и как инструмент смыслопорождения. Расширение границ понятия до включения невербальных семиотических систем и культурного контекста подчёркивает его междисциплинарный потенциал. Разногласия в определениях отражают не противоречивость, а функциональную гибкость концепции, адаптируемой под задачи конкретных исследований. Таким образом, интертекстуальность может рассматриваться не только как свойство текста, но и как инструмент анализа, релевантный для изучения широкого спектра дискурсивных практик.

1.2.2. Основные подходы к исследованию интертекстуальности в контексте китайской культуры

Исследования китайских учёных, связанные с интертекстуальностью, включают два аспекта. Первый аспект, интертекст (互文 / *hù wén*), также называется 互辞 / *hù cí*, – это риторический приём, часто встречающийся в классической китайской поэзии. Словарь «Цы Хай / 辞海» («Море слов») характеризует интертекст как «феномен в китайской поэтике, проявляющийся в стратегическом опущении элементов контекста, компенсируемом за счёт взаимной семантической проекции. Классический пример – строка Ван Чанлина «Циньская луна, Ханьская застава» (王昌龄: 秦时明月汉时关), где имплицитное совмещение исторических эпох достигается через синтаксический параллелизм, характерный для жанра парных конструкций (对偶句式)» [Цы Хай / 辞海, 2009, с. 923]. В целом, два предложения (переднее и последующее) каждое формально описывает разные объекты, но фактически взаимно дополняют и уточняют друг друга, раскрывая единый смысл. Учёные обычно изучают данный аспект на примере поэзии, идиом и текстов на древнекитайском языке (вэньянь / 文言文).

Второй аспект исследований – анализ интертекстуальности через призму западных теорий. Теория интертекстуальности, проникнув в китайский академический дискурс в 1990-х годах, постепенно превратилась в ключевой

аналитический инструмент лингвистики, коммуникативистики и литературоведения. В китайском контексте исследователи, учитывая локальные культурные, политические и социальные контексты, осуществили многомерное изучение интертекстуальности в медиадискурсе, что привело к теории концептуальной адаптации с традиционными парадигмами анализа текста. В данном исследовании мы фокусируемся на втором аспекте.

В 1994 году в третьем номере журнала «Foreign Literature Review» была опубликована статья Инь Ципина «Рассуждение об интертекстуальности» – первая статья, полностью изучающая интертекстуальность. После 2000 года теория интертекстуальности, возникшая на Западе, постепенно оказалась в центре внимания учёных. Исследование интертекстуальности в Китае включает три основных направления: онтологические исследования теории интертекстуальности, прикладные аспекты теории интертекстуальности и интеграцию интертекстуальности с другими концепциями.

По сравнению с западными исследованиями, изучение интертекстуальности в Китае значительно отстаёт. Внедрение, перевод и изучение теории интертекстуальности китайскими учёными активизировались после 2000 года. Китайские учёные изучили и адаптировали теории семиологов-постструктуралистов, таких как Ю. Кристева, Р. Барт и др. Данные теории стали теоретической основой для китайских исследований интертекстуальности. Наиболее известны исследователи Инь Ципин / 殷企平, Ло Тин / 罗婷, Цинь Хайин / 秦海鹰, Ван Цзинь / 王瑾.

В статье «Рассуждение об интертекстуальности / 谈互文性» (1994) Инь Ципин рассуждает об основном значении интертекстуальности и её конкретных проявлениях. Данная работа стала первой статьёй в Китае, посвящённой анализу интертекстуальности. Статья посвящена анализу концепции интертекстуальности, её теоретическим основаниям, формам проявления в литературном творчестве и роли в критической практике. Исследование Инь Ципина демонстрирует, что интертекстуальность служит мостом между литературной теорией и практикой,

обогащая методы анализа и способствуя диалогу между дисциплинами. Однако применение интертекстуальности требует учёта диалектики текста и контекста.

В статье «Теория интертекстуальности Ю. Кристевой / 论克里斯多娃的互文性理论» (2001) Ло Тин проводит системный анализ концепции интертекстуальности, разработанной Юлией Кристевой, выделяя три ключевых аспекта: определение интертекстуальности; процесс порождения текста; содержание интертекстуальности в романах. Ло Тин указывает на то, что теория интертекстуальности представляет собой выход за рамки традиционного литературоведения и структуралистской теории текста.

В статье «Происхождение и изменение теории интертекстуальности / 互文性理论的缘起与流变» (2004) Цинь Хайин подробно описывает исторические предпосылки и основные направления западной теории интертекстуальности. Исследование демонстрирует, как теория эволюционировала от идеологического инструмента критики структурализма к классификационным моделям, обогатившим сравнительное литературоведение. Ключевые выводы включают: 1) интертекстуальность как диалектику текста и контекста, 2) её роль в преодолении бинарности «автор-читатель», 3) ограничения концепции, связанные с игнорированием социально-исторических факторов. Работа Цинь Хайин подчёркивает необходимость баланса между «открытостью» постструктуралистского подхода и операциональностью структуралистских методов для комплексного анализа литературных феноменов.

Книга Ван Цзиня «Интертекстуальность / 互文性» (2005) – первая монография, изучающая теорию интертекстуальности в Китае. В работе анализируется роль интертекстуальности в литературоведении, акцентируется роль «предпонимания» (Х.-Г. Гадамера, 1960) и культурного опыта аудитории в активации межтекстовых связей. Согласно Ван Цзиню, интертекстуальность расширяет понятие текста до концепции «мегатекста», включающего социокультурные контексты.

В работах «Теория интертекстуальности в новом взгляде / 互文性新论»

(2006) и «Исследование определения интертекстуальности / 互文性定义探析» (2012) Ли Юйпин систематически исследует сущность интертекстуальности и границы применения интертекстуальности. Ли Юйпин выделяет функциональные различия между литературой и наукой: в литературе «позитивная интертекстуальность» реализует креативный диалог, акцентируя динамическое формирование смыслов, тогда как наука опирается на «негативную интертекстуальность» (цитирование) для точного воспроизведения знаний, подчёркивая их монологический характер. Ли Юйпин предлагает треугольную модель «текст – дискурс – культура», подчёркивающую необходимость баланса между структуралистским (формальный анализ) и постструктуралистским (культурная критика) подходами. Исследование Ли Юйпина предлагает методологические основы для междисциплинарного и кроссмедийного анализа, а также углубляет теоретическое осмысление постмодернистских литературных стратегий.

В статье «Интертекстуальность: нестабильный и стабильный смысл / 互文性: 非稳定意义和稳定意义» (2006) Синь Бинь анализирует принципиальные разногласия между структурализмом и постструктурализмом в трактовке смысла текста, опираясь на теорию интертекстуальности. Автор подчёркивает важность теории диалога, осуществляя сравнительный анализ идей различных теоретиков. По мнению Синь Биня, ценность текста заключается в его взаимосвязи с другими текстами, причём эта взаимосвязь может интерпретироваться по-разному [Синь Бинь / 辛斌, 2006, с. 119].

Изучение интертекстуальности и языковых явлений, связанных с интертекстуальностью, имеет разнообразный и междисциплинарный характер.

Китайские учёные объединили интертекстуальность с исследованиями дискурса, в частности, в работах Синь Бинь / 辛斌, У Цзяньго / 武建国: «Анализ интертекстуальности в исследовании дискурса / 语篇研究中的互文性分析» (Синь Бинь, 2008), «Обзор исследований дискурсной интертекстуальности / 篇际互文性研究述评» (У Цзяньго, 2012).

Кроме того, китайские учёные исследовали интертекстуальность в аспектах: идеологии, метафоры, ценностей и китайских риторических моделей, но широта и глубина этих исследований значительно нуждаются в дальнейшем расширении. Интертекстуальность определяется китайскими учёными следующим образом:

1) «С точки зрения создания текста, интертекстуальность проявляется в переписывании текстов: любой автор, который пишет, сознательно или бессознательно переписывает другие тексты» [Инь Ципин / 殷企平, 1994, с. 40].

2) «Теория интертекстуальности подчёркивает отношения между текстами и другими текстами, а также отношения между текстами и репрезентативными практиками культуры, таким образом подчёркивая отношения между культурой и литературными текстами, а также другими художественными текстами» [Чэн Силинь / 程锡麟, 1996, с. 78].

3) «Теория интертекстуальности расшатывает субъективность отдельного автора и его власть над текстом, порывает с традиционным представлением об автономном и самодостаточном тексте, тем самым перенося творчество и продуктивность с автора на взаимосвязи между текстами» [Лю Тин / 罗婷, 2001, с. 14].

4) «Интертекстуальность, во-первых, – это диалог одного текста с другими текстами, но это также и поглощающая, пародийная и критическая деятельность. Во-вторых, интертекстуальность предполагает, что особые приёмы, на которые опирается литература, в некоторой степени искусственны или обманчивы» [Чэнь Юнго / 陈永国, 2003, с. 80].

5) «Интертекстуальность – это явление включения текстом других текстов (интертекстов) в себя, а также характеристика отношений между текстом и другими текстами. Отношения могут устанавливаться как в процессе написания текста через явное цитирование, неявное цитирование, переписывание, пародию, адаптацию, аппликацию и другие приёмы, так и в процессе чтения текста через субъективные ассоциации читателя, эмпирическое исследование и интертекстуальный анализ исследователя и другие методы. Другими текстами может быть всё литературное

наследие, а также они могут относиться к общественно-историческим текстам в целом» [Цинь Хайин / 秦海鷹, 2004, с. 24].

6) «Интертекстуальность помогает нам признать тот факт, что значение текста существует в его взаимосвязи с другими текстами и что эта взаимосвязь сама по себе может быть понята по-разному. Интертекстуальность представляет собой радикальный взгляд на семиотический плюрализм, как с точки зрения отношений между символами, текстами и текстами культуры, так и с точки зрения отношений между текстами и языковыми категориями» [Синь Бин / 辛斌, 2006, с. 119].

7) «Мы определяем интертекстуальность как отношения и процесс взаимосвязи и трансформации между текстами и другими текстами, идентичностями, смыслами, субъектами и социально-историческими реалиями. Таким образом, центр исследований сместился с треугольника «автор – произведение – традиция» на треугольник «текст – дискурс – культура», что ярко подчёркивает междисциплинарные, межкультурные и межмедийные характеристики исследований интертекстуальности» [Ли Юпин / 李玉平, 2012, с. 22].

Хотя академические дискуссии вокруг определений интертекстуальности ярко демонстрируют её концептуальную динамику, словари как нормативные инструменты дисциплинарного знания стремятся кристаллизировать подвижные идеи посредством лаконичных формулировок, фиксируя их в статичной форме.

Словарь «The New Oxford Dictionary of English» определяет интертекстуальность как «взаимосвязь между текстами, особенно художественными: каждый текст является продуктом интертекстуальности» [The New Oxford Dictionary of English, 2001, p. 956]. В словаре «The Columbia Dictionary of Modern Literary and Cultural Criticism» интертекстуальность характеризуется следующим образом: «Ни один текст не может быть воспринят вне его взаимосвязей с другими уже существующими текстами. Ни сам текст, ни его читатель не способны выйти за пределы этой интертекстуальной сети отношений, которая формирует у реципиента определённые ожидания как в отношении

содержания, так и в отношении формальных характеристик воспринимаемого произведения» [The Columbia Dictionary of Modern Literary and Cultural Criticism, 1995, p. 159]. Американский учёный G. Prince в словаре «A Dictionary of Narratology» предлагает следующую трактовку: «Интертекстуальность – это отношения, возникающие между данным текстом и другими текстами, которые цитируются, переписываются, поглощаются, продлеваются или в целом трансформируются и в терминах которых текст становится понятным» [A Dictionary of Narratology, 2003, p. 46].

В российские словари слово «интертекстуальность» было включено достаточно поздно, упоминание этой лексемы встречается только в словарях, изданных в начале XXI века. Согласно дефиниции «Большой российской энциклопедии», интертекстуальность – «термин литературоведения, обозначающий соотносённость литературного текста с другими текстами. <...> В современной практике литературоведческого анализа интертекстуальность нередко трактуется как совокупность всех возможных форм взаимоотношений между текстами (*аллюзия, пародия, подражание, цитата* и др.). Как результат интертекстуальных отношений (т.е. как «интертекст») может рассматриваться и отдельное произведение, и корпус текстов, связанных общностью автора, жанра, литературного направления и т.п.» [Большая российская энциклопедия, 2008, с. 457]. Слово «интертекстуальность» также включено в другие специализированные словари, например: «Постмодернизм: Словарь терминов» (2001), «Литературная энциклопедия терминов и понятий» (2001). В словарях данного типа дефиниции интертекстуальности сосредоточены на реконструкции её генезиса и эволюции, однако не предоставляют лаконичной формулировки, которая бы эксплицировала сущность данного феномена.

В онлайн-версии третьего издания «Большой китайской энциклопедии» интертекстуальность определяется как «концепция в теории литературы, которая описывает литературные произведения как пересекающиеся и зависящие друг от друга» [Большая китайская энциклопедия / 中国大百科全书]. В «Большом словаре мировой поэтики» интертекстуальность определяется следующим образом:

интертекстуальность акцентирует ту основу текста, которая формируется культурной аккумуляцией – процессом, не зависящим от субъективной воли автора и даже не осознаваемым им самим. Без этой основы текст становится непостижимым, а знаки превращаются в бессмысленный шум [Большой словарь мировой поэтики / 世界诗学大辞典, 1993, с. 214]. В китайской лексикографии термин «интертекстуальность» фиксируется преимущественно в специализированных словарях, связанных с литературоведением. В словаре «Ключевые понятия западной литературной теории» интертекстуальность определяется как стратегия литературной интерпретации, представляющая собой общее поле для процессов письма и чтения. Во-первых, интертекстуальность связана с диалогом текста с другими текстами, одновременно выступая формой их поглощения, пародийного воспроизведения и критического осмысления. Во-вторых, интертекстуальность демонстрирует, что специфические приёмы, на которые опирается литература, а также механизмы её интерпретации обладают определённой искусственностью или иллюзорностью [Ключевые понятия западной литературной теории / 西方文论关键词, 2006, с. 219].

Сопоставляя научные взгляды на интертекстуальность западных, российских и китайских учёных, можно сказать, что интерпретация теории интертекстуальности лингвистами Запада, России и Китая, глубоко обусловленная локальными академическими традициями и культурными контекстами, демонстрирует ярко выраженную методологическую дивергенцию. В западной лингвистике теоретическое конструирование интертекстуальности зародилось на стыке структурализма и постструктурализма, причём определение и направленность интертекстуальности развивались вместе с эволюцией академического мышления, формируя многомерный путь интерпретации. В отличие от российского и китайского подходов, западная школа тяготеет к теоретической абстракции и критической рефлексии, а не к прагматической классификации риторических приёмов. Российская академическая традиция, унаследовавшая советский синтез лингвистики, семиотики и литературной критики, акцентирует системность текстовой структуры и её взаимозависимость с

социально-историческим контекстом. В свою очередь, китайские исследования интертекстуальности эволюционируют от первоначальной теоретической рецепции к литературоцентричному анализу и прагматической ориентации, отражая специфику местной филологической парадигмы.

Фокусируясь на репрезентативных определениях интертекстуальности в рамках лингвистики, можно наблюдать онтологическую напряжённость данной теории: от идентификации чисто формальных маркеров межтекстовых связей до конструирования социально-когнитивных рамок дискурсивной практики. Смещение акцентов в дефинициях интертекстуальности предоставляет исследователям уникальный взгляд для наблюдения за трансформацией лингвистических парадигм. Постоянная полемика вокруг концептуального ядра демонстрирует присущую теории интертекстуальности способность к самореферентности – сама дискуссия об интертекстуальности по сути становится актом академической интертекстуальной практики, транслируемой сквозь временные и пространственные измерения.

В завершение обзорного анализа представленных научных подходов уместно сформулировать определение интертекстуальности, значимое для исследований медиатекста. На основе обобщения исследовательских позиций предлагается следующая трактовка интертекстуальности: интертекстуальность в медийном языке определяется как процесс формирования многоуровневых смыслов через динамические связи медиатекстов с другими текстами или знаковыми системами. Указанные связи реализуются посредством цитирования, аллюзии, аппликации, парафраза и других методов. С одной стороны, такие механизмы проявляются в заимствовании и переосмыслении существующих культурных символов, с другой – зависят от дифференцированной интерпретации аудитории в конкретном социальном контексте.

1.3. Классификация видов интертекстуальности

Учёные предлагают различные классификации интертекстуальности с

разных точек зрения. Важно отметить, что интертекстуальность сама по себе является сложным понятием для определения, и поэтому классификация интертекстуальности вряд ли является исчерпывающей.

Классифицируется по размеру объекта исследования и может быть разделена на *широкую интертекстуальность* и *узкую интертекстуальность*. Широкая интертекстуальность подразумевает взаимодействие литературных произведений и социальной истории (литературные тексты являются прочтениями и переписываниями социальных текстов) [Цинь Хайин / 秦海鹰, 2004, с. 26]. Часто в качестве текстов рассматриваются нелитературные произведения искусства, различные области человеческого знания, идеологические практики. Даже общество, история и культура рассматриваются как тексты. Следует отметить, что широкая интертекстуальность изучает участие произведения в дискурсивном пространстве культуры, связь между текстом и значимыми практиками различных языков или культур. Широкая интертекстуальность представлена Ю. Кристевой, Р. Бартом, Ж. Дерридом и др. Узкая интертекстуальность относится к отношениям между текстом и другими текстами, указывается на структуралистский или риторический путь, который стремится ограничить интертекстуальность критикой языковой формы. Данная теория представлена Ж. Женеттом, М. Риффатерром, Син Бином и другими. Ж. Женетт уточнил и прояснил классификацию интертекстуальности: *transtextuality*, *paratextuality*, *paratext*, *architextuality*, *metatextuality*, *hypotextuality* [Genette, 1982].

Китайский лингвист Ван Миньюй даёт подробное объяснение *макроинтертекстуальности* и *микроинтертекстуальности*. «Макроинтертекстуальность означает, что весь текст похож на предыдущий в композиционном и идеологическом плане и представляет собой макроскопическую связь между текстами. Иными словами, макроинтертекстуальность – это факт влияния на литературное произведение других произведений с точки зрения их идей и художественных приёмов, а также их сходство или родство между собой» [Ван Миньюй / 王铭玉, 2010, с. 20]. Например, рассказы «Голодающий артист» Кафки и «Кун Ицзи» Лу Синя. Оба рассказа сосредоточены на изображении

сложной социальной ситуации переходного периода между старой и новой культурой, формируя систему художественных образов, метафорически и метонимически отражающих жизненное пространство и положение старой интеллигенции в обществе того времени. Создание такой литературной картины позволяет соотнести художественную структуру произведений с историко-культурным контекстом эпохи. «Микроинтертекстуальность означает согласованность вариантов, поддерживаемых или связанных друг с другом в конкретных предложениях дискурса; конкретно, микроинтертекстуальность относится к релевантности слов и фраз произведения по отношению к другим произведениям в терминах аллюзии, цитирования, переформулирования, пародии и т.д.» [Ван Миньюй / 王铭玉, 2010, с. 20]. «Всем кревет» – реклама Burger King. (Всем привет). Данный пример представляет собой микроинтертекстуальность в действии.

Интересно, что Н. Фэйрклоу (Norman Fairclough) разделяет интертекстуальность на *явную интертекстуальность (manifest intertextuality)* и *конститутивную интертекстуальность (constitutive intertextuality)*. «Явная интертекстуальность – это открытое использование в одном тексте других текстов, как явно обозначенное кавычками, так и подразумеваемое; конститутивная интертекстуальность, с другой стороны, строит текст в соответствии с различными жанрами или типами дискурса» [Fairclough, 1992, с. 119]. В целом, явная интертекстуальность относится к конкретным ссылкам, а конститутивная интертекстуальность – прежде всего к жанровой интертекстуальности.

Например, «Где-то, когда-то, давно-давно тому назад, я прочёл одно стихотворение. Оно скоро позабылось мною... но первый стих остался у меня в памяти: Как хороши, как свежи были розы...» – стихотворение Ивана Тургенева. В данном примере присутствуют цитаты из других текстов, что является признаком явной интертекстуальности. Для новостных корпораций, очевидно, характерна конститутивная интертекстуальность. Авторы новостей объединяют материалы из разных источников, поэтому в их текстах заметно сочетание различных дискурсивных стратегий и жанровых форм.

Синь Бинь, китайский лингвист, предложил схожую категоризацию, разделив интертекстуальность на «*specific intertextuality* (конкретную интертекстуальность) и *generic intertextuality* (жанровую интертекстуальность)» [Синь Бинь / 辛斌, 2000, с. 14] в зависимости от цели использования языка. Конкретная интертекстуальность означает явную связь текстов с другими конкретными текстами посредством цитирования, переписывания, пародирования и т.д., с акцентом на прослеживаемые текстовые источники и поверхностные лингвистические маркеры. Под жанровой интертекстуальностью понимается неявная связь текстов с другими текстами путём следования или нарушения жанровых норм (например, структуры, языкового стиля, способа повествования), опираясь на жанровые уставы и когнитивные рамки читателей. Данная классификация подчёркивает явную взаимосвязь и неявный структурный диалог между текстами, и в то же время обращает внимание на формирование интертекстуальных отношений социальными факторами.

Основываясь на влиянии интертекстуальности на смысл текста, китайский лингвист Ли Юпин разделил интертекстуальность на *позитивную интертекстуальность* и *негативную интертекстуальность*. Позитивная интертекстуальность означает, что, когда интертекстуальный элемент входит в текущий текст, происходит «творческая измена» (*creative treason*, Escarpit), порождающая новые смыслы по сравнению с оригинальным текстом и образующая диалог с текущим текстом. Негативная интертекстуальность, с другой стороны, означает, что «интертекстуальные элементы входят в новый текст без изменения смысла по сравнению с оригинальным текстом» [Ли Юпин / 李玉平, 2006, с. 112]. Интертекстуальность в литературе и искусстве почти всегда является проявлением позитивной интертекстуальности, в то время как феномен интертекстуальности в научных текстах почти всегда является проявлением негативной интертекстуальности.

По мнению В.П. Москвина, интертекстуальность можно разделить на *облигаторную* (эксплицитную) *интертекстуальность* и *алеаторную* (имплицитную) *интертекстуальность*. «Особенностью облигаторной

интертекстуальности следует считать независимость от прецедентной компетентности адресата, основой: цитирование; особенностью алеаторной интертекстуальности – зависимость от прецедентной компетентности адресата, а значит необязательность возникновения, основой: аппликацию, аллюзию и травестирование» [Москвин, 2011, с. 27]. Иными словами, облигаторная интертекстуальность характеризуется высокой степенью распознаваемости, тогда как идентификация алеаторной интертекстуальности требует от реципиента определённого уровня культурной компетенции. Мы считаем, что классификация В.П. Москвина является более подходящей основой для анализа интертекстуальности в русских и китайских медиатекстах.

1.4. Интертекстуальность и прецедентность

Прецедентный феномен берёт своё начало в изучении прецедентных текстов. Понятие ‘прецедентный текст’ было впервые введено известным советским и российским лингвистом Ю.Н. Карауловым в 1986 году. Ю.Н. Караулов считает, что «Человек живёт в мире текстов. Тексты эти разнообразны по содержанию, по жанрам, тематическим сферам, объёму, и т.д. Назовём прецедентными – тексты, (1) значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, (2) имеющие сверхличностный характер, т.е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая предшественников и современников, и, наконец, такие, (3) обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [Караулов, 2007, с. 216]. Проще говоря, прецедентный текст не только играет ключевую роль в когнитивных и аффективных аспектах личности, но и обладает трансперсональным качеством, которое известно всем членам лингвокультурного сообщества.

С тех пор как Ю.Н. Караулов предложил концепцию прецедентного текста, всё больше и больше российских учёных проявляют значительный интерес, в том числе В.В. Красных, Д.Б. Гудков, Ю.Е. Прохоров и другие учёные, чтобы на основе предыдущих исследований по теории прецедента уточнить и дополнить

концепцию. Согласно мнению В.В. Красных, прецедентный феномен обладает следующими характеристиками: «(1) известные значительной части представителей национально-лингвокультурного сообщества; (2) актуальные в когнитивном плане; (3) обращение к которым обнаруживается в речи представителей соответствующего национально-лингвокультурного сообщества» [Красных, 2003, с. 169]. По мнению Г.Г. Слышкина, «прецедентные тексты существуют в сознании представителей языкового коллектива в виде текстовых концептов. Под прецедентным текстом в этом случае понимается любая, характеризующаяся цельностью и связностью последовательность знаковых единиц, обладающая ценностной значимостью для определённой культурной группы» [Слышкин, 2000, с. 28]. Ю.Е. Прохоров считает, что «прецедентные феномены целесообразно соотнести с уровнями сознания языковой личности» [Прохоров, 2004, с. 14]. В соответствии с уровнями языковой личности Ю.Е. Прохоров выделяет четыре уровня прецедентного феномена: автопрецедентный, социумно-прецедентный, национально-прецедентный и универсально-прецедентный.

В 1998 году в Институте языкознания Российской академии наук состоялся симпозиум на тему «Прецедентность», который подтвердил важность прецедентного феномена в изучении языка и культуры. «Прецедентные феномены могут быть как вербальными (тексты в самом широком смысле этого слова), так и невербальными (произведения живописи, скульптуры, архитектуры, музыкальные творения и т.д.)» [Красных; Гудков; Захаренко; Багаева, 1997, с. 82]. Прецедентный феномен, функционируя в речи, имеет дело с личностью языка, и поэтому для завершения анализа прецедентного феномена необходимо соотнести прецедентный феномен с сосуществующей внешней системой. Что касается медиатекстов, необходимо совместить языковую личность текстового субъекта с внешними факторами, чтобы исследовать влияние текущего контекста на текст.

В настоящее время российские лингвисты сходятся во мнении, что прецедентный феномен можно разделить на следующие четыре типа: прецедентный текст, прецедентное высказывание, прецедентная ситуация,

прецедентное имя (Красных, 1998; Гудков, 1999; Прохоров, 2004).

Прецедентный текст (далее – ПТ) является «законченным и самодостаточным продуктом речемыслительной деятельности; (поли) предикативной единицей; сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу. К числу прецедентных текстов принадлежат произведения художественной литературы тексты песен, рекламы, анекдотов, политические публицистические тексты и т.д.» [Красных, 2002, с. 47]. *Пр.: 和而不同, 推动文明交流互鉴。 (Стремиться к гармонии, сохраняя различия, и способствовать обмену и взаимному обогащению цивилизаций.) («People's Daily Online», 26 декабря 2024 г.)*

Прецедентное высказывание (далее – ПВ), которое понимается как «репродуцируемый продукт речемыслительной деятельности; законченная и самодостаточная единица, которая может быть или не быть предикативной; сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу; последний всегда «шире» простой суммы значений; в когнитивную базу входит само прецедентное высказывание как таковое [Красных, 2002, с. 48]. *Пр.: Умом Россию не понять. Но мы хотя бы попытались. («ТАСС», 10 июня 2022 г.)*

Прецедентную ситуацию (далее – ПС) В.В. Красных характеризует как «некую “эталонную”, “идеальную” ситуацию, связанную с набором определённых коннотаций, дифференциальные признаки которой входят в когнитивную базу» [Красных, 2002, с. 47]. *Пр.: 以愚公移山精神接续推进治沙工程 (Продолжать продвигать проекты по борьбе с опустыниванием с духом Юй Гуна, который двигал горы.) («People's Daily Online», 2 декабря 2024 г.)*

Прецедентное имя (далее – ПИ) – «индивидуальное имя, связанное или с широко известным текстом, как правило, относящимся к прецедентным, или с прецедентной ситуацией; это своего рода сложный знак, при употреблении которого в коммуникации осуществляется апелляция не к собственно денотату (референту), а к набору дифференциальных признаков данного ПИ; может состоять из одного или более элементов, обозначая при этом одно понятие» [Красных, 2002, с. 48]. *Пр.: 尹锡悦遇“滑铁卢” 韩国乱局仍难平。 (Юн Сок Ёль столкнулся с*

«Ватерлоо», а хаос в Южной Корее всё ещё не утихает.) («Xinhua News Agency», 14 декабря 2024 г.)

Исходя из общей характеристики прецедентного феномена, принято считать, что прецедентный феномен можно разделить на две основные категории: лингвистическую и нелингвистическую. Только прецедентные высказывания и прецедентные имена имеют языковую форму и могут непосредственно вступать в речевую коммуникацию, существуя в сообществе национально-культурных представлений, прецедентную ситуацию и прецедентный текст могут быть как языковыми, так и неязыковыми. Следует отметить, что не существует строгой границы между ПТ, ПС, ПВ и ПИ, которые находятся в активных и перекрёстных отношениях и могут преобразовываться друг в друга в определённых контекстах. ПИ и ПВ активно функционируют в коммуникативном процессе, непосредственно закрепляясь в языковом и когнитивном сознании носителя языка и выступая в качестве означающего для ПТ и ПС. ПС может быть порождена как текстовым произведением, так и реальным событием, вследствие чего часть ПС восходит к ПТ, образуя с ними частичное пересечение. Таким образом, один и тот же ПТ или ПС способны порождать различные ПИ или ПВ, тогда как «одно и то же высказывание или прецедентное имя может соотноситься как с прецедентным текстом, так и с прецедентной ситуацией» [Ван Чжэнь / 王臻, 2011, с. 59]. Взаимосвязь четырёх элементов представлена на рисунке 1.

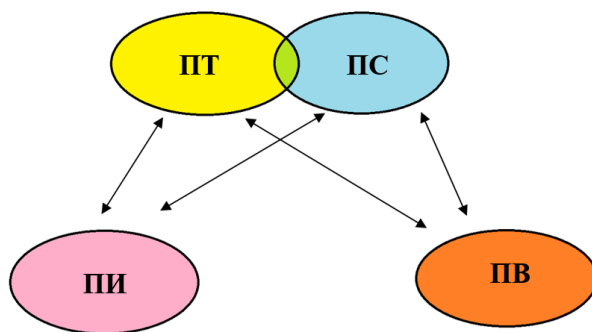

Рисунок 1 – Взаимосвязь четырёх элементов

В соответствии с исследованием интертекстуальности, проведённым в предыдущих разделах, можно сделать следующий вывод. Интертекстуальность и

прецедентный феномен обладают некоторыми общими чертами. Во-первых, интертекстуальность и прецедентный феномен представляют собой воплощение предшествующей идеи, выступая связующим звеном между старым и новым знанием. Во-вторых, для реализации обоих феноменов необходим носитель языка, обладающий определённой культурно-языковой компетенцией. В-третьих, каждое из этих двух явлений имеет определённую форму выражения, которая может быть как эксплицитной, так и имплицитной.

Интертекстуальность отличается от прецедентного феномена следующими особенностями: 1) интертекстуальность означает взаимосвязь текстов, взаимопревращение символов, берёт своё начало в постструктурализме и деконструктивизме и подчёркивает динамическую сеть взаимоотношений между текстами, а прецедентный феномен относится к языковым единицам, которые встречаются в тексте и известны национально-культурному сообществу, основывается на когнитивной лингвистике и теории культурной памяти. В концептуальном плане оба данных понятия различаются; 2) различие наблюдается и на когнитивном уровне: интертекстуальность основана на активном построении текстовых сетей читателями, тогда как прецедентный феномен опирается на общую базу культурной памяти группы; 3) различается и порог узнаваемости между интертекстуальностью и прецедентным феноменом, поскольку интертекстуальные тексты допускают неявные отсылки к текстам (например, фрагментарные цитаты из литературных текстов), в то время как прецедентные тексты должны быть хорошо узнаваемы (например, «Евгений Онегин» становится архетипическим текстом для образа лишнего человека); 4) что касается проявления диахронии, то интертекстуальные цепочки могут разрываться и реконфигурироваться (например, подрыв классических текстов с помощью интернет-мемов), в то время как прецедентные феномены имеют тенденцию к устойчивой передаче (например, устойчивое влияние библейского замысла в западной литературе); 5) как показано в предыдущей классификации, прецедентный феномен сходен с узкой интертекстуальностью и микроинтертекстуальностью, поскольку все они ссылаются на конкретно соотносимые текстовые единицы. Тем не менее

прецедентные феномены не обладают качествами макроинтертекстуальности, и поэтому их широта отличается.

Таким образом, прецедентный феномен может быть рассмотрен как частный случай интертекстуальности. В свою очередь интертекстуальность выступает её гиперонимом.

1.5. Медiateкст как междисциплинарная сфера исследования интертекстуальности

Прежде чем дать характеристику медiateкста, хотелось бы показать наш подход к тексту. Текст – средство сохранения и передачи культуры и традиций, комплексное явление, сочетающее в себе лингвистические и экстралингвистические факторы. «Текст – объединённая смысловой связью последовательность знаковых единиц, основными свойствами которой являются связность и цельность» [Лингвистический энциклопедический словарь, 1990, с. 507]. Текст как средство передачи и сохранения культуры и традиций, является первичной данностью соответствующих гуманитарных дисциплин. Традиционное понятие текста связано с языком и текстом. По мнению русского лингвиста Г.Я. Солганика, «текст – сложная, иерархически организованная многоплановая структура, представляющая собой речевое произведение, характеризующееся целостностью, связностью и завершённой» [Солганик, 2005, с. 15]. Н.С. Валгина думает, что феномен текста заключается в его многоаспектности, поэтому можно допустить и различные определения его. «В филологии, в частности языкознании, под текстом понимается последовательность вербальных (словесных) знаков. Поскольку текст несёт некий смысл, то он изначально коммуникативен, поэтому текст представляется как единица коммуникативная» [Валгина, 2003, с. 9]. Известный отечественный лингвист И.Р. Гальперин давал следующее определение текста: «Текст – это произведение речетворческого процесса, обладающего завершённой, объективированное в виде письменного документа; произведение, состоящее из названия и ряда особых языковых единиц

(сверхфразовых единств), объединённых разными типами лексической, грамматической, стилистической связи, имеющих определённую целенаправленность и прагматическую установку» [Гальперин, 1981, с. 18]. В общем, мы понимаем, что текст – это высший уровень языковых единиц, система систем, текст тоже можно рассматривать не только как речевой продукт, но и как коммуникативную единицу, отражающую цель говорящего и адресата, и обладающую цельностью на семантическом и формальном уровне.

На основе текста возникает медиатекст с помощью средств массовой коммуникации. Средства массовой информации играют огромную роль в жизни современного общества и в развитии языка. В трудах Г.Я. Солганика подчёркивается, что «практически всё то, что касается проблем языка как феномена, в наиболее полной и, пожалуй, в острой форме отражается в языке СМИ, ибо нигде нет такой тесной связи с жизнью общества, как в СМИ» [Солганик, 2010, с. 130]. С первой половины XX века средства массовой информации развиваются в геометрической прогрессии: стремительно растёт влияние традиционных каналов – газет, радио и телевидения. С распространением Интернета начался новый этап, связанный с формированием глобального информационного пространства. Интернет, изначально ориентированный на накопление и быстрый обмен научно-технической информацией, «в настоящий момент превратился в конструктивную платформу для самых разнообразных коммуникативных практик, новую форму взаимодействия собеседников» [Шаклеин; Ковтуненко, 2021, с. 162]. Такое преобразование способствовало формированию современного «информационного общества», в котором информационные технологии оказывают значительное влияние на различные сферы социальной жизни. Сегодня массовая коммуникация является одной из самых интенсивных сфер функционирования языка. Постоянный рост количества медиатекстов подчёркивает необходимость анализа интертекстуальности в медиатексте как важного направления лингвистических исследований. Язык формирует привычки мышления и поведения человека, а средства массовой информации, в свою очередь, оказывают заметное влияние на развитие самого языка. СМИ не только информируют общество, но и формируют

мышление, мировосприятие и культурные ценности человека.

При определении понятия «медiateкст» обнаруживаются различные подходы. Я.Н. Засурский определяет медiateкст как «новый коммуникационный продукт. Возникает новое понятие медiateкста. Сегодня медiateкст в каком-то смысле больше, чем текст. Это и графика, которую используют для того, чтобы сделать текст более разносторонним и более точным, это и звуковое его воплощение, и связанность его с объектом рассмотрения, о котором идёт речь» [Засурский, 2005, с. 5]. Данная идея дополняется позицией Т.Г. Добросклонской подчёркивающей, что медiateкст как «актуализированное в определённом медиаформате и объединённое общим смыслом последовательное сочетание знаковых единиц вербального и медийного уровней» [Добросклонская, 2020, с. 26]. Сочетая единицы вербального и медийного ряда, медiateкст в качестве родового термина объединяет такие понятия, как газетная статья, теле- и радиотекст, интернет-реклама и другие виды продукции СМИ [Добросклонская, 2008]. По мнению Г.Я. Солганика, «медiateкст – разновидность текста, принадлежащая массовой информации, характеризующаяся особым типом автора (принципиальное совпадение производителя речи и её субъекта), специфической текстовой модальностью (открытая речь, многообразное проявление авторского я), рассчитанная на массовую аудиторию» [Солганик, 2005, с. 15]. Г.Я. Солганик акцентирует внимание на массовой природе медiateкста, что требует использования универсальных культурных кодов. По определению И.В. Рогозиной, «медiateкст представляет собой вербальное речевое произведение, созданное с целью осуществления опосредованной коммуникации в сфере средств массовой информации и характеризующееся явно выраженной прагматической направленностью, основной целью которой является социальная регуляция» [Рогозина, 2003, с. 192]. При этом, как отмечает М.Р. Желтухина (2004), медiateкст функционирует как «сеть», где пересекаются социальные, технологические и исторические дискурсы, а его смысл рождается через взаимодействие с другими текстами. М.Р. Желтухина определяет медiateкст – «связный, вербальный или невербальный, устный или письменный текст в совокупности с прагматическими,

социокультурными, психологическими и другими факторами, выраженный средствами массовой коммуникации, взятый в событийном аспекте, представляющий собой действие, участвующий в социокультурном взаимодействии и отражающий механизм сознания коммуникантов» [Желтухина, 2003, с. 152].

«Медиа – это дискурсивное пространство, которое отличается особой динамичностью, что последовательно отмечают все исследователи, обращающиеся к его изучению» [Мишанкина, 2003, с. 702]. Данная динамичность отражается в характере медиатекста, который функционирует как интертекстуальное пространство взаимодействия различных дискурсов, жанров и культурных практик. Смысл медиатекста формируется не изолированно, а через постоянное взаимодействие с другими текстами и контекстами. Реализация интертекстуальной сущности медиатекста проявляется в непрерывном диалоге форм, контекстов и аудиторий, что подтверждает концепцию «мозаики цитат» Ю. Кристевой.

Сравнивая определения медиатекста и текста, можно сделать вывод, что медиатекст – это разновидность текста, текст в сфере массовой информации и важная часть текста. Медиатекст сочетает в себе лингвистические элементы и медийные элементы, обращённые к широкой аудитории и авторство, и содержит модальность.

Концепция медиатекста основана на понятии «текст» в традиционной лингвистике, поэтому медиатекст обладает характеристиками целостности и связности, присущими тексту в традиционном понимании. Кроме того, медиатекст выходит за рамки традиционного текста и представляет собой сочетание языка и медиаэлементов, следовательно, лингвистических особенностей недостаточно для его полного анализа – необходимо комплексное рассмотрение взаимодействия языковых и медийных компонентов.

Характеристики медиатекста определяются условиями его внешнего существования, которые включают следующие аспекты:

1) распространение информации с помощью средств массовой информации. СМИ как средство передачи информации кардинальным образом меняют способы

конструирования информации об объективной реальности современного общества и представления людей о мире. СМИ – это инструмент власти, орудие навязывания информации и когнитивный способ формирования определённой картины мира у социальных групп и отдельных людей;

2) массовое производство с одноразовыми и невозпроизводимыми характеристиками. Теоретически аудитория не читает медиатекст снова и снова, и внимание аудитории быстро переключается на другой, более актуальный текст. В современном обществе, где информация устаревает с огромной скоростью, жизнь новостей связана с цикличностью медиатекста.

3) коллективное производство. Созданием и обработкой любого медиатекста занимается множество людей, включая журналистов, редакторов, фотографов и т.д.;

4) косвенность коммуникации и ограничения обратной связи. В сфере массовой коммуникации передача информации обычно осуществляется с помощью средств массовой информации, между отправителем и адресатом существует дистанция во времени и пространстве, поэтому коммуникация носит опосредованный и относительно однонаправленный характер, и хотя развитие современных медиатехнологий создаёт условия для обратной связи, это кардинально не меняет общую ситуацию;

5) выбор инструментов информационно-коммуникационных технологий. Информация может быть представлена в различных формах, например, в виде газет, радиопередач, телепередач и т.д.

Разумеется, внешних условий существования медиатекста больше, чем пять вышеперечисленных аспектов; выше приведены лишь основные.

Внешние условия существования медиатекста определяют основные характеристики, включающие три аспекта: «медийность, массовость и открытость» [Казак, 2011, с. 68].

1. Медийность. Медийность означает, что медиатекст имеет чёткий и строгий канал коммуникации и что каждое медиа обладает специфическими медиа-характеристиками, которые определяют особенности лингвистического формата

текста. Например, в текстах печатных СМИ предпочтение отдаётся диаграммам и иллюстрациям, на радио в основном используется звук, а на телевидении – сочетание текста, видео и аудио. Интернет предлагает возможность многоканального распространения информации. «Медийность текста связана с новыми форматами его существования: современные СМИ – это мультимедийный контент онлайн-изданий и онлайн-версий печатных медиа» [Моисеенко; Хервилья, 2021, с. 454]. Формат, содержание и технические элементы медиатекста также тесно связаны с идеологией.

2. Массовость. Массовость медиатекста отражается как на авторе, так и на аудитории. Прежде всего, субъект общения обладает двойственностью. «С одной стороны, непосредственно осуществляет такое общение, как правило, один человек как личность. Это может быть университетский преподаватель, лектор общества «Знание», телекомментатор и т.п. Но, с другой стороны, по существу, субъектом такого общения всегда является тот или иной коллектив или общество в целом: «в социально ориентированном общении коммуникатор всегда представляет, репрезентирует мнения, убеждения, информацию социального коллектива или общества. ... Да и тот коллектив или группа, на которые направлено такого рода воздействие, лишь частично представлен данной конкретной аудиторией» [Леонтьев, 2005, с. 250]. Кроме того, с учётом того, как строится медиатекст, это коллективный творческий продукт, результат совместной работы, даже если медиатекст подписан именем автора.

С точки зрения аудитории, получателями медиатекста являются неопределённые масштабные группы людей. Для таких групп характерны анонимность, временная и пространственная разбросанность и разнообразие.

3. Открытость. Медиатексты открыты на содержательно-смысловом, композиционно-структурном и знаковом уровнях, концепция совпадает с определением интертекстуальности в широком смысле.

Как в форме создания, так и в форме воспроизведения, медиатекст объединяет различные компоненты (текстовые компоненты, диаграммы, звук, видео и т.д.) в единое пространство смысла. Разумеется, традиционный медиатекст

не ограничивается только текстовыми формами, но и включает в себя графику, цвета и другие важные элементы.

Сложность медиатекста способствует разнообразию его функций. С макроскопической точки зрения, основной функцией медиатекста является коммуникативная функция; с точки зрения коммуникативной цели, наиболее важными функциями медиатекста являются функция сообщения и влияния, а также, конечно, функция просвещения, контроля, развлечения и т.д.

1. Коммуникативная функция.

Медиатекст относится к сфере массовой коммуникации, поэтому его основной функцией является коммуникативная функция, но коммуникация не ограничивается передачей информации от отправителя к получателю, «коммуникация имеет два аспекта» [Дэн Цзюнь / 邓军, 1997, с. 82], включая как передачу мысли от отправителя к получателю, так и получение информации получателем и обратную связь.

2. Функция сообщения и влияния.

С точки зрения коммуникативных целей, функции сообщения и воздействия являются наиболее важными функциями медиатекста. Основная цель медиапродукции – сообщать широкой аудитории о текущих событиях. Современные СМИ – это не просто средство получения информации, это идеологический инструмент.

3. Функция контроля.

Средства массовой информации привлекают внимание общественности к определённым вопросам, отбирая и комментируя информацию так, чтобы общественность могла эффективно реагировать на данные события.

4. Образовательная функция.

Люди могут получить всевозможные знания из медиатекста, и эти знания влияют на взгляды людей на жизнь и мир.

5. Развлекательная функция.

Коммерциализация и маркетингизация средств массовой информации привели к тому, что им пришлось взять на себя задачу по привлечению широкой аудитории. В

этих условиях развлекательная функция СМИ возросла, предоставляя публике всё более насыщенный информационный контент и становясь важным символом повышения уровня жизни людей.

«Категория интертекстуальности для текстов массовой коммуникации является его онтологическим свойством и гибким исследовательским конструктом, высвечивающим специфику медиатекста на содержательном, структурном и знаковом уровнях» [Казак; Махова, 2011, с. 181]. Будучи продуктом массовой коммуникации, медиатекст аккумулирует в своей структуре интертекстуальные элементы, составляющие важную часть национального культурного кода. По мнению Ю.В. Рождественского, «тексты массовой коммуникации отличаются от других видов текстов тем, что в них используются, систематизируются и сокращаются, перерабатываются и особым образом оформляются все другие виды текстов, которые считаются *первичными* [Рождественский, 1979, с. 166]. Данное свойство приобретает особую значимость в современных медиатекстах, где интертекстуальность реализуется через механизм инкорпорации прецедентных текстов в новое семиотическое пространство. Важным дифференцирующим признаком выступает функциональная специфика интертекстуальности: «Если художественный интертекст характеризуется совмещением позиций «автор» – «читатель» и открыт для многочисленных интерпретаций, то медиальный интертекст обусловлен прагматической интенцией автора и допускает только те интерпретации, которые отражают авторскую позицию» [Моисеенко; Хервилья, 2021, с. 457].

Применение интертекстуальности позволяет медиа усиливать коммуникативный эффект, отражая и одновременно формируя социальные смыслы и модели взаимодействия. В результате формируется открытая сеть смыслов, границы которой определяются: интенциями создателей, технологическими особенностями медиаформатов, культурной компетенцией аудитории.

В рамках данного исследования интертекстуальность медиатекста проявляется в двух ключевых формах реализации: 1) прямое воспроизведение высказываний – цитирование мнений политиков, экспертов или публичных фигур;

2) использование интертекстуальных маркеров с культурно-языковой спецификой – символов, аллюзий или реминисценций, функционирующих как «культурные коды». Первый тип отражает облигаторную интертекстуальность, где связь между текстами явно выражена и не зависит от знаний или культурного контекста читателя, формируя высокую степень интертекстуальной связанности. Второй тип предполагает, что понимание интертекстуальных элементов (например, аллюзий на классическую литературу или исторические события) зависит от субъективных факторов – образовательного бэкграунда, культурного опыта и индивидуального восприятия читателя, что подчёркивает контекстуальную зависимость интертекстуальности. Вопросы реализации интертекстуальности в медийном языке, включая её ключевые формы (цитирование, аллюзия, аппликация, парафраз), будут детально проанализированы во второй главе настоящего исследования.

Выводы по главе 1

Первая глава, выстраиваясь вокруг теории интертекстуальности как вокруг центральной оси, систематизирует академическую генеалогию и теоретическое ядро интертекстуальности. Посредством переплетения диахронического и синхронического ракурсов анализа формулируются следующие выводы:

1. Опираясь на историческую логику развития, исследование обобщает эволюцию теории интертекстуальности – от теории диалогичности М. Бахтина до постструктуралистской концепции текста. Анализ подходов Ю. Кристевой, концепта «смерти автора» Р. Барта и модели гипертекстуальности Ж. Женетта показывает, что в переходе от структурализма к постструктурализму интертекстуальность постепенно выходит за рамки литературоведческого термина и получает более широкое толкование. Такое переосмысление текста делает возможным междисциплинарное исследование интертекстуальности.

2. Сравнительный анализ интерпретаций концептуального ядра интертекстуальности в западной, российской и китайской академических традициях подчёркивает её культурную обусловленность. Западные исследователи

преимущественно сосредоточены на теоретическом осмыслении самой категории, российская школа – на анализе диалога культурных кодов, тогда как китайские учёные – на прагматической интерпретации интертекстуальности в национальном контексте. Различие в дефинициях отражает расхождение исследовательских парадигм и одновременно показывает, как в каждой традиции складывается собственная линия развития понятия, что создаёт основу для междисциплинарного сравнения и последующего анализа интертекстуальности в медиатекстах.

3. Теоретическое конструирование классификаций интертекстуальности неизменно пребывает в напряжении между динамической адаптацией и контекстуальной реконструкцией. Макроинтертекстуальность и микроинтертекстуальность, широкая и узкая интертекстуальность, конкретная и жанровая интертекстуальность, позитивная и негативная интертекстуальность – все лингвистические классификации разрабатываются с различных методологических позиций. Каждая классификационная модель обладает собственными преимуществами и ограничениями, цель классификации заключается в формировании операциональных аналитических единиц для объекта исследования. Автор полагает, что классификационный подход лингвиста В.П. Москвина (облигаторная интертекстуальность и алеаторная интертекстуальность) демонстрирует наибольшую применимость для анализа интертекстуальности в китайских и российских медиатекстах.

4. Интертекстуальность и прецедентные явления соотносятся как общее и частное. Сравнение двух категорий показывает, что их объединяют опора на предшествующее знание, необходимость культурно-языковой компетенции и наличие эксплицитных либо имплицитных форм выражения. При этом интертекстуальность обладает более широким объёмом и смысловым потенциалом, поскольку отражает динамическую систему взаимодействий между текстами, тогда как прецедентные явления опираются на устойчивые когнитивные структуры и механизмы культурной памяти, требующие высокой степени узнаваемости. В этом смысле прецедентный феномен может быть рассмотрен как частный случай интертекстуальности. В свою очередь интертекстуальность выступает её

гиперонимом.

5. Медiateкст, являясь органическим синтезом традиционного дискурса и медиасреды, характеризуется не только свойствами классического текста – целостностью и связностью, – но и специфическими медийными атрибутами: медийностью, массовостью и открытостью. Используя интертекстуальность, медиа усиливают коммуникативный эффект, в результате формируется открытая сеть смыслов, границы которой определяются: интенциями создателей, технологическими особенностями медиаформатов, культурной компетенцией аудитории.

ГЛАВА 2. РЕАЛИЗАЦИЯ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ В РУССКИХ И КИТАЙСКИХ МЕДИАТЕКСТАХ

В данной главе рассматриваются особенности реализации интертекстуальности в русских и китайских медиатекстах на основе конкретных примеров. Основное внимание уделяется четырём основным формам интертекстуальных включений – цитированию, аллюзии, аппликации и парафразу. Анализ строится на сопоставлении языковых и культурных особенностей, что позволяет выявить как общие черты, так и различия в функционировании интертекстуальности в русских и китайских медиатекстах. Предложенный в данной главе аналитический подход способствует более точному наблюдению за проявлением интертекстуальности в медиатексте и более глубокому пониманию её роли в формировании медиаречи.

2.1. Схема анализа реализации интертекстуальности в русских и китайских медиатекстах

Производство и потребление интертекстуальности невозможно без взаимных отсылок между текстами. Реконтекстуализация интертекстов, осуществляемая субъектом в соответствии с его коммуникативными задачами, формирует новые смысловые акценты и задаёт их функционирование в медиадискурсе. Основываясь на общей методологии изучения интертекстуальности, автор стремится разработать схему анализа проявления интертекстуальности в русских и китайских медиатекстах.

Данное исследование сочетает анализ текста с социальным контекстом для изучения роли интертекстуальности в медиатексте. Исследование не только описывает характеристики интертекста внутри текста, но и объединяет социально-исторические и культурные параметры, сочетая синхронный и диахронный подходы. Данный подход позволяет объяснить трансформацию интертекста при переходе из исходного контекста в актуальный, а также проанализировать

взаимосвязь интертекстуальности с национальной языковой картиной мира.

Как отмечалось в первой главе, понятие интертекстуальности в научной традиции прошло сложную эволюцию. Опираясь на лингвокультурологический подход, интертекстуальность в русских и китайских медиатекстах трактуется как многоуровневый механизм репрезентации культурных кодов и элементов коллективной памяти, реализуемый прежде всего через фигуры интертекста – «цитирование, аллюзию, аппликацию и парафраз» [Москвин, 2011]. Анализ медиатекстов проводится в соответствии с указанными четырьмя категориями текстовых взаимодействий и основывается на методологических положениях В.П. Москвина. По его мнению, «актуальной задачей интертекстологии являются: а) разграничение и точное определение фигур интертекста, описание их разновидностей; б) выявление связанных с этими фигурами речевых жанров и стилей» [Москвин, 2011, с. 78].

Интертекстуальный анализ осуществляется путём анализа фигур интертекста. В.П. Москвин анализирует интертекстуальность в следующих аспектах: «1. выявление: а) инотекстовых вкраплений в анализируемом тексте; б) прецедентного текста, которому эти вкрапления принадлежат; 2. определение фигуры, вводящей инотекстему; 3. определение функций выявленных фигур интертекста; 4. определение типа прецедентного текста; 5. изучение семантических трансформаций, которые могут происходить в тексте, и дополнительных смыслов, которые интертексты придают тексту-реципиенту» [Москвин, 2015, с. 116].

Прецедентный феномен – важная часть интертекстуальности, и этапы анализа прецедентного феномена также являются важными ориентирами для анализа данной работы. В соответствии с концепцией В.В. Красных, Д.Б. Гудкова, И.В. Захаренко, и Д.Б. Багаевой в качестве культурных знаков интертекстуальности могут использоваться следующие виды прецедентных феноменов: прецедентный текст, прецедентное высказывание, прецедентная ситуация, прецедентное имя [Красных; Гудков; Захаренко; Багаева, 1997]. Анализ прецедентного феномена включает в себя следующие этапы: «1. выявление прецедентных феноменов в речи; 2. определение источника прецедентного феномена; 3. интерпретация культурных

смыслов, передаваемых данным прецедентным феноменом; 4. анализ особенностей функционирования прецедентного феномена в данной ситуации» [Линькова; Кадоло, 2014, с. 56].

Исходя из особенностей интертекстуальности в медиатекстах и в сочетании с анализом прецедентных феноменов, в данном исследовании определены соответствующие аналитические шаги: 1. выявление интертекстуальных вкраплений в тексте-реципиенте, определение источника и типа текста-источника; 2. определение языковых трансформаций, происходящих в текущем контексте интертекста, анализ авторских намерений, и выявление поверхностных и глубинных смыслов интертекста; 3. определение функции интертекста. С помощью описанных выше шагов выясняются характеристики интертекстуальности в медиатекстах и устанавливается её связь с социальным контекстом.

Чтобы облегчить последующий анализ, необходимо пояснить следующие понятия: 1. Текст-реципиент (当前文本): Интертекстуальность является атрибутом текста, фрагментом одного текста, который включает в себя другие тексты, что проявляется в той или иной форме разметки, и в настоящее время учёные называют «текст-реципиент» конкретного изучаемого и читаемого текста. 2. Текст-источник (源文本): Текст, из которого заимствуются элементы интертекстуальности или фрагменты, цитируемые в тексте-реципиенте, называется текстом-источником. В научной литературе также используются термины «предтекст», «текст-прототип», «исходный текст».

L.R. Waugh считает, что прагматическое исследование медиатекстов должно основываться на реальных данных, используя как закрытые (closed corpora), так и открытые (open corpora) материалы [Waugh, 1995, с. 131]. Закрытые материалы представляют собой полные наборы данных из одного или нескольких источников, охватывающие все материалы или определённые разделы, что позволяет выявить статистически значимые тенденции или устойчивые паттерны. Открытые материалы предполагают постоянное внимание к тем же источникам данных, а также сбор новых, различных или редких примеров исследуемого явления для повторной проверки или корректировки выдвинутых гипотез и выводов. Исходя из

этого подхода, в данном исследовании были собраны и систематизированы необходимые материалы. Анализируемые материалы в данной работе включают тексты российских и китайских периодических изданий, а также новостные сообщения, опубликованные на сайтах или в популярных электронных изданиях за период 2021-2024 гг. общим объёмом более 1800 фрагментов с интертекстуальными элементами.

2.2. Фигуры интертекста в русских и китайских медиатекстах: цитирование

В лингвистическом анализе цитирование или цитата, как один из ключевых элементов интертекстуальности, демонстрирует широкий спектр интерпретаций – от широких до узких. Термин ‘цитата’ в исследовании Р. Барта и Ю. Кристевой приобретает чрезвычайно широкое и неопределённое толкование. Р. Барт и Ю. Кристева рассматривают любой текст как «раскавыченную цитату», «мозаику цитат», что означает фактически отождествление интертекстуальности с цитированием, без проведения между ними чётких границ.

В противоположность рассмотренному выше широкому подходу Р. Барта и Ю. Кристевой, традиционно узкое толкование цитат как «дословная выдержка из какого-либо текста» [Современный толковый словарь русского языка, 2008, с. 917]. Современный лингвист В.П. Москвин определяет цитирование как «дословное воспроизведение фрагмента какого-либо текста, сопровождаемое ссылкой на источник» [Москвин, 2002, с. 63]. Именно посредством трёх ключевых особенностей данной концепции цитирование отличается от других фигур (аппликации, парафраза и аллюзии): 1) буквальное воспроизведение фрагмента исходного текста; 2) максимальная дословность; 3) обязательная атрибуция источника. В отличие от взглядов В.П. Москвина, точка зрения Г.С. Саловой расширяет сферу цитирования, различая прямое и косвенное цитирование. Косвенное цитирование рассматривается как «передача чужой мысли в косвенной речи или своими словами» [Салова, 1989, с. 107].

В рамках анализа реализации интертекстуальности в медиатексте

цитирование можно понимать как способ передачи чужой речи, а принципиальное значение приобретает исследование передачи чужой речи как одного из ключевых механизмов реализации межтекстовых связей. Передача чужой речи не просто воспроизводит чужое слово, но и неизбежно подвергает его семантической и формальной трансформации через новую коммуникативную ситуацию. Leech G. и Short M. (1981) классифицируют способы передачи чужой речи на пять категорий: прямая речь (direct speech / DS), косвенная речь (indirect speech / IS), свободная прямая речь (free direct speech / FDS), несобственно-прямая речь (free indirect speech / FIS) и нарративный отчёт о речевом акте (narrative report of speech act / NRSA) в зависимости от степени вовлечённости рассказчика в текст. Представленная степень передачи чужой речи: «FDS → DS → FIS → IS → NRSA» – отражает градуальную шкалу интервенционности говорящего субъекта, где степень трансформации исходного высказывания прогрессивно усиливается слева направо. Свободная прямая речь (FDS) характеризуется максимальной миметичностью как в формальном, так и содержательном аспектах, демонстрируя минимальную интервенционность субъекта пересказа. В противоположность этому, «нарративный отчёт о речевых актах (NRSA) перефразирует речевой акт, совершённый в оригинальной речи, и в основном передаёт голос перефразировавшего» [Синь Бинь / 辛斌, 2019, с. 29]. Наиболее распространёнными в материалах русских и китайских медиатекстах, проанализированных в данном исследовании, являются прямое и косвенное цитирование.

2.2.1. Характерные черты цитирования в русском медиатексте

В современном русском медиатексте прямая речь часто оформляется с помощью тире и кавычек (–, «»), что создаёт чёткую визуальную дифференциацию между авторским текстом и цитируемым высказыванием. С точки зрения синтаксической организации, структура «цитата + источник» приобрела статус канонической модели в медиатексте. Принципиально важным аспектом является

сохранение временных и модальных характеристик глаголов в цитируемом высказывании. Данная лингвистическая стратегия выполняет двойную функцию: с одной стороны, стратегия обеспечивает точность передачи информации, с другой – создаёт эффект коммуникативной непосредственности, позволяя читателю воспринимать высказывание как живой голос источника. Именно благодаря данному приёму достигается усиление эмоционального воздействия и повышение уровня доверия к сообщению. Прямая цитата часто используется для ключевых высказываний, сенсационных заявлений или мнений, которые важно передать дословно, и тоже доминирует в жанрах интервью (особенно политического характера), репортажей с места события, а также в аналитических материалах, где прямое цитирование экспертов или очевидцев служит средством верификации информации. Рассмотрим следующие примеры.

Пр. 1: Появление вертолётчиков – охотников за беспилотниками – это ожидаемая вещь, – сказал «Известиям» заслуженный лётчик-испытатель Герой России Игорь Маликов. (Известия, 7 сентября 2023 г.)

Пр. 2: «Нам нужны новые люди из Ирана и Туркмении. Нам бы желательно двух самок и двух самцов. Если бы вы нам помогли, общаясь с руководителями этих стран, было бы хорошо», – сказал министр. (Известия, 7 сентября 2023 г.)

Пр. 3: «До последнего времени это явление не носило столь массовый характер, и все нюансы, в том числе нормативные, связанные с пребыванием человека на СВО, решались в индивидуальном порядке, – пояснил сенатор. – Сейчас же возникла необходимость и в этой сфере навести порядок». (Парламентская газета, № 4, 2023)

В первых двух примерах используется тире, а в третьем – сочетание тире и двойных кавычек. С функционально-семантической точки зрения тире и кавычки при оформлении прямой речи в русском медиатексте не обладают принципиальными различиями в передаче смысла. Оба графических средства выполняют идентичную дискурсивную задачу – маркируют границу между авторским текстом и цитируемым высказыванием, сохраняя при этом семантическую нейтральность.

Косвенная цитата в русском медиатексте также имеет свои особенности. Рассмотрим их при комментировании следующих примеров:

Пр. 4: По его словам, в этом году планируется увеличить ввод жилья и дорог – построить более 31 тыс. км и отремонтировать ещё 180 млн кв. м дорожного полотна. (Известия, 13 сентября 2023 г.)

Пр. 5: В Белом доме назвали это решение «экстремистской политикой в её худшем проявлении». (Известия, 13 сентября 2023 г.)

Пр. 6: В департаменте здравоохранения Москвы РБК сообщили, что на сегодняшний день для иммунизации детей против кори в детских городских поликлиниках доступна живая коревая моновакцина. Поставки комбинированной вакцины против кори, краснухи и паротита ожидаются в ноябре. (РБК, 5 октября 2023 г.)

В отличие от прямой речи, косвенная речь в русском медиатексте характеризуется отсутствием кавычек и пересказом содержания от третьего лица, что предполагает грамматическую трансформацию исходного высказывания – типичным является смещение временных форм глаголов в прошедшее время. Использование косвенной речи выполняет двойную функцию: с одной стороны, косвенная речь обеспечивает тексту нейтральность тона и компрессию информации, с другой – предоставляет автору значительную свободу интерпретации, но потенциально снижает уровень доверия к сообщению при отсутствии явной атрибуции источника или неточной передаче смысла. В редких случаях кавычки используются в косвенных цитатах, как правило, чтобы выделить ключевую информацию. Как в примере 2 выше, хотя есть кавычки, это не прямая речь, а пересказ позиции Белого дома с использованием косвенной конструкции.

Структурно косвенная речь оформляется через глаголы речевой деятельности (сообщить, объяснить, отметить, рассказать, признаться, заявить и др.) в сочетании с подчинительными союзами «что» и «чтобы», что позволяет реконструировать содержание высказывания без дословного цитирования. Данный приём приобретает особую значимость в аналитических жанрах – обзорах, комментариях экспертов, новостных сводках – где требуется лаконичное изложение позиций

участников коммуникации с акцентом на смысловую квинтэссенцию, а не на вербальную аутентичность.

2.2.2. Характерные черты цитирования в китайском медиатексте

Цитаты относятся к категории облигаторной интертекстуальности, интертекстуальность можно идентифицировать посредством использования пунктуации (двоеточие «:», кавычки «“”») и специфических глагольных конструкций (говорить, подчеркнуть, заявить и др.). В китайском медиатексте кавычки служат не просто пунктуационным знаком, но ключевым инструментом реализации интертекстуальности. Кавычки в китайском языке используются в основном для: (а) прямого цитирования чужой речи, (b) выделения ключевого объекта обсуждения, (с) обозначения специальных названий / терминов, (d) маркировки слов с особым значением, (е) выражения иронии, сарказма или отрицания, (f) обозначения устойчивых выражений (поговорок, идиом, поговорок, исторических цитат и т.д.). В рамках анализа интертекстуальности в китайском медиатексте кавычки категорий (b) – (f) используются для реализации интертекстуальности через аллюзию, аппликацию и парафраз. В данном разделе основное внимание сосредоточено на категории (a) – цитировании, то есть на способах передачи чужой речи.

Прямая и косвенная речь являются наиболее распространёнными лингвистическими явлениями в китайском медиатексте. Рассмотрим следующие примеры прямого цитирования.

Пр. 1: “京东集团通过服贸会与各界密切交流合作，希望持续增强产品竞争力，为全球客户提供高品质服务。” 京东集团副总裁高礼强说。（新华每日电讯，2023年9月7日） «Компания использует возможности Китайской международной ярмарки торговли услугами (CIFTIS) для укрепления партнёрских связей и повышения конкурентоспособности своей продукции, стремясь предоставлять клиентам по всему миру качественные услуги», – заявил Гао Лицян,

вице-президент JD. (Xinhua Daily, 7 сентября 2023 г.)

Пр. 2: 习近平总书记指出, “能源低碳发展关乎人类未来” “要把促进新能源和清洁能源发展放在更加突出的位置”。(人民日报, 2023年8月17日) Генеральный секретарь Си Цзиньпин подчеркнул, что низкоуглеродное развитие энергетики имеет решающее значение для будущего человечества», «продвижение новых и чистых источников энергии должно занимать приоритетное место». (People's Daily, 17 августа 2023 г.)

Пр. 3: “发展是解决一切问题的总钥匙。” (新华每日电讯, 2023年9月21日) «Развитие – это главный ключ к решению всех проблем». (Xinhua Daily, 21 сентября 2023 г.)

Примеры 1–3 демонстрируют три различных структурных типа прямой речи в китайском медиатексте. В примере 1 источник помечен после цитаты, а в примере 2 источник написан перед цитатой, и в обоих случаях можно чётко определить как источник, так и содержание. В примере 3 в двойных кавычках заключено только содержание цитаты, и источник цитаты необходимо определять по контексту.

Как правило, данный вид интертекстуальности, не требующий от читателя специальных культурных знаний, отличается высокой степенью распознаваемости. Однако существует специфический феномен, требующий отдельного рассмотрения. Приведём ряд иллюстративных примеров: прямое цитирование содержания статьи в новостном заголовке.

Пр. 4: 【光明时评】努力创造新时代中国防沙治沙新奇迹 (光明日报, 2023年9月15日) «Гуанмин Шипин» (колонка мнений): Упорно создавать новые чудеса в борьбе с опустыниванием Китая в новую эпоху (Guangming daily, 15 сентября 2023 г.)

Пр. 5: 全国新能源汽车保有量达1821万辆 (人民日报, 2023年10月11日) Парк новых энергетических автомобилей в Китае достиг 1,821 миллиона единиц. (People's Daily, 11 октября 2023 г.)

Пр. 6: 贵州茅台: 捐资助学12载 助23万学子圆梦大学 (光明日报, 2023年9月15日) Компания «Гуйчжоу Маотай»: уже 12 лет финансирует

образовательные программы, благодаря которым 230 тысяч студентов получили возможность поступить в вуз (*Guangming daily*, 15 сентября 2023 г.)

Несмотря на использование косвенного цитирования, интертекстуальность в примерах 4–6 обладает низкой идентифицируемостью: заголовок использует фразу из медиатекста, которая обобщает ключевую идею и привлекает внимание читателя. Однако имплицитный характер такой связи затрудняет её распознавание без полного прочтения текста.

Косвенные цитаты можно рассматривать как концентрацию и краткое изложение текста-источника. При примерах интертекстуальности с косвенными цитатами почти никогда не используются кавычки, но применяются речевые глаголы: выражать, подчёркивать, указывать, предлагать, просить, рассматривать, и др. (表示, 强调, 指出, 提出, 要求, 认为等)

Пр. 7: 阿卜杜拉希扬表示, 当前中东地区形势危险, 战争正在不断扩大。应尽快采取行动阻止对加沙平民的袭击, 缓解加沙人道局势。(人民日报, 2023年10月16日) Абдоллахиян **заявил**, что ситуация на Ближнем Востоке остаётся крайне напряжённой, а масштаб боевых действий продолжает расти. По его словам, необходимо принять срочные меры для прекращения нападений на мирных жителей Газы и смягчения гуманитарного кризиса в регионе. (*People's Daily*, 16 октября 2023 г.)

Пр. 8: 赵乐际表示, 中委关系历经半个世纪国际风云变幻考验, 不惧风雨, 坚如磐石。(人民日报, 2023年9月15日) Чжао Лэцзи **заявил**, что за полвека китайско-венесуэльские отношения выдержали испытания переменами международной обстановки и сегодня сохраняют устойчивость и прочность. (*People's Daily*, 15 сентября 2023 г.)

Пр. 9: 李强强调, 中国与东盟是拆不散、离不开的好邻居、好兄弟、好伙伴。(新华每日电讯, 2023年9月7日) Ли Цян **подчеркнул**, что Китай и АСЕАН – хорошие соседи, хорошие братья и хорошие партнёры, которых нельзя разорвать или разделить. (*Xinhua Daily*, 7 сентября 2023 г.)

Кроме того, в китайском медиатексте фиксируются случаи сочетания прямой

и косвенной речи. В данном исследовании подобные примеры классифицируются как случаи косвенной речи.

Пр. 10: “当漫步在杭州亚运会博物馆时，我一直在思考杭州乃至中国为本届亚运会的成功举办所做的努力” 亚奥理事会代理主席辛格表示，杭州亚运会堪称有史以来最好的一届亚运会，它传递的价值与声音将对未来亚运会的举办起到示范作用。(人民日报，2023年10月9日) «Когда я проходил по залам Музея Азиатских игр в Ханчжоу, я всё время думал о тех усилиях, которые Ханчжоу и вся страна приложили для успешного проведения этих Игр». – сказал исполняющий обязанности председателя Олимпийского совета Азии Раджив Сингх. Он отметил, что Игры в Ханчжоу можно считать лучшими в истории Азиады, а их ценности и идеи станут примером для будущих соревнований. (People's Daily, 9 октября 2023 г.)

Пр. 11: “习近平主席的贺信为进一步巩固提升中欧班列高质量发展水平、深化中国与沿线国家互利合作指明了方向，提供了根本遵循” 国家发展改革委区域开放司司长徐建平表示，我们将进一步完善中欧班列集结中心布局。(新华网，2023年9月15日) «Поздравительное письмо председателя КНР Си Цзиньпина указывает направление и служит основополагающим ориентиром для дальнейшего укрепления и повышения высококачественного уровня развития Китайско-европейских железнодорожных перевозок и углубления взаимовыгодного сотрудничества между Китаем и странами, расположенными на этом маршруте». Сюй Цзяньпин, глава Управления регионального развития и открытости Госкомитета по развитию и реформам, подчеркнул, что мы будем и дальше совершенствовать расположение центров сбора лайнеров Китай-Европа. (Xinhua Net, 15 сентября 2023 г.)

В приведённых двух примерах наблюдается гибридизация прямой и косвенной речи: кавычками выделен пересказ оригинального высказывания с указанием источника, тогда как последующая часть предложения представляет собой авторскую интерпретацию цитируемого материала. Прямое цитирование служит для передачи ключевой информации и повышения достоверности

высказывания, тогда как косвенная речь выполняет дополнительную экспликативную функцию. Семантически завершающий фрагмент может трактоваться как комплементарное дополнение к исходной цитате, или реинтерпретация цитирования.

В статье «Сравнительное исследование интертекстуальности в русских и китайских новостных заголовках (на материале периодических изданий «Известия» и «Guangming Daily»)» был сделан вывод о том, что «доля облигаторной интертекстуальности в новостных газетах «Известия» и «Guangming Daily» была практически одинаковой, составляет около 30%. Данную часть интертекстуальности можно распознать, не полагаясь на собственные лингвистические и культурные знания читателя, а только через использование очевидной пунктуации» [Хань Хайянь, 2024, с. 423]. При включении контента новостных материалов доля облигаторной интертекстуальности возрастает. Следовательно, исследование позволяет заключить, что облигаторная интертекстуальность более характерна для основного текста новостей, встречаясь с существенно более высокой частотой, чем в заголовках.

На основе комплексного анализа материала, собранного в рамках данного исследования, и для обеспечения сопоставимости данных и повышения научной достоверности, в данном разделе была сформирована тематическая выборка медиатекстов из трёх функциональных сфер: политической, экономической, общественной. Методом случайной выборки из каждой категории было отобрано по 30 текстов на китайском и русском языках, что составило в общем 180 текстов (по 90 на каждом языке). Статистический анализ частотности цитирования в отобранных материалах позволил выявить следующее: в русскоязычных текстах зафиксировано 348 случаев цитирования, тогда как в китайскоязычных текстах обнаружено 335 примеров цитирования. Результаты анализа показаны в таблице 1.

Таблица 1 – Структура выборки и результаты анализа цитирования в рамке интертекстуальности

	Категория	Количество текстов	Количество примеров цитирования	Всего примеров цитирования
Русский	Политика	30	144	348
	Экономика	30	123	
	Общество	30	81	
Китайский	Политика	30	148	335
	Экономика	30	102	
	Общество	30	85	

Процентное соотношение цитирования в русскоязычном и в китайскоязычном материалах по категориям показано на рисунках 2 и 3.

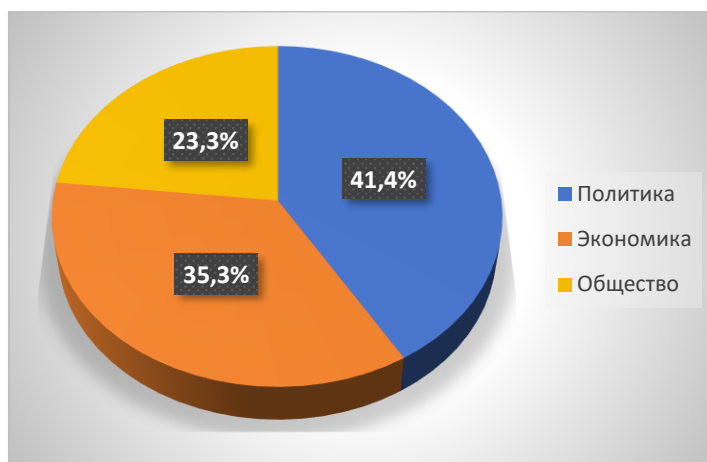

Рисунок 2 – Процентное соотношение цитирования в русскоязычном материале по категориям

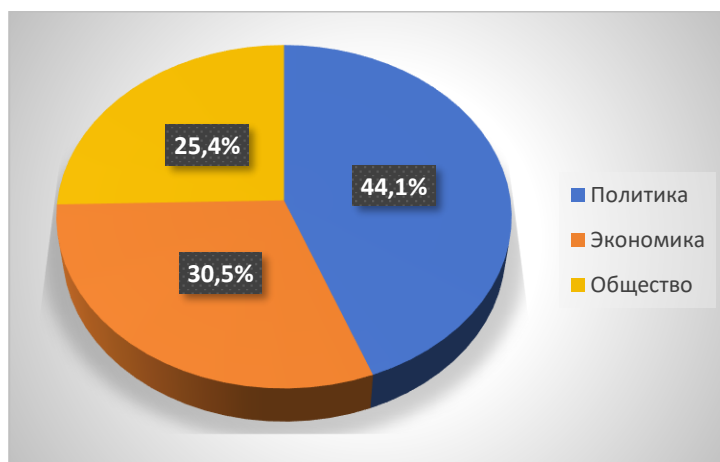

Рисунок 3 – Процентное соотношение цитирования в китайскоязычном материале по категориям

Проведённый анализ медиатекстов демонстрирует сопоставимую частоту цитирования в русских и китайских медиатекстах – в среднем 4 случая цитирования на одну статью. Согласно расчётам, распределение цитат по тематическим категориям (политика, экономика, общество) имеет незначительные различия – разброс показателей составляет около 3 процентных пунктов. Наибольшая интенсивность цитирования наблюдается в политических материалах (максимальный показатель), затем следуют экономические тексты, а замыкают рейтинг материалы общественной тематики (наименьший показатель).

Теперь обратимся к распределению прямой и косвенной речи по тематическим категориям текстов, которая представлена в таблице 2.

Таблица 2 – Распределение прямой и косвенной речи по тематическим категориям текстов

Категория		Количество случаев (прямая речь / косвенная речь)	Процентное соотношение (прямая речь / косвенная речь)
Политика	Русский	48 / 96	33,3% / 66,7%
	Китайский	70 / 78	47,3% / 52,7%
Экономика	Русский	54 / 69	43,9% / 56,1%
	Китайский	46 / 56	45% / 55%
Общество	Русский	42 / 39	51,9% / 48,1%
	Китайский	69 / 16	81,1% / 18,9%

В русском медиатексте в политической категории преобладает косвенная речь (66,7%), что характерно для аналитического пересказа официальных позиций. В то время как в китайских текстах этой категории чаще используется прямая речь (47,3%), для усиления авторитетности путём цитирования государственных документов. В экономических текстах оба языка демонстрируют схожее соотношение типов речи, что отражает общую тенденцию к балансу между цитированием данных и их аналитической интерпретацией. Наиболее значительный контраст наблюдается в категории «общество»: китайский медиатекст активно применяет прямую речь (81,1%), акцентируя голоса участников событий через интервью, тогда как русскоязычные материалы сохраняют почти

равное распределение (51,9% прямая речь), сочетая цитирование с авторским анализом.

Формирование медийного языка не может быть объяснено единым фактором, однако среди всех элементов именно источники информации играют ключевую роль. Первым шагом в создании медиатекста является взаимодействие отправителя информации с источником: цитирование чужих высказываний позволяет описать события, недоступные для непосредственного восприятия аудиторией. Источники могут быть представлены как физическими лицами, так и институциями, публикациями или государственными документами. На основе анализа материалов русских и китайских медиатекстов выделены следующие категории источников: государственные органы и их представители (официальные заявления, нормативные акты, выступления чиновников), журналисты и медиаорганизации (ссылки на материалы других СМИ), эксперты и учёные, коммерческие и общественные организации, граждане.

Результаты анализа представлены в таблице 3.

Таблица 3 – Результат источников цитирования в русских и китайских медиатекстах

	Примеры цитирования в русском медиатексте (количество примеров / процентное соотношение)	Примеры цитирования в китайском медиатексте (количество примеров / процентное соотношение)
Государственные органы и их представители	150 / 43,1%	147 / 43,9%
Журналисты и медиаорганизации	33 / 9,5%	17 / 5,1%
Эксперты и учёные	75 / 21,5%	69 / 20,6%
Коммерческие и общественные организации	42 / 12,1%	57 / 17%
Граждане	48 / 13,8%	45 / 13,4%
Итоги	348 / 100%	335 / 100%

Сравнительный анализ источников цитирования в русских и китайских медиатекстах выявил как общие тенденции, так и значимые различия,

обусловленные культурными и институциональными особенностями. В обеих странах доминируют цитаты из государственных органов и их представителей (43,1% в русских и 43,9% в китайских текстах), что подчёркивает ключевую роль официальных источников в формировании информационной повестки. Эксперты и учёные занимают второе место по частоте упоминаний (21,5% и 20,6% соответственно), отражая универсальную потребность в авторитетных мнениях для аналитических материалов. Однако в распределении других категорий источников проявляются различия: российские медиа активнее цитируют журналистов и медиаорганизации (9,5% против 5,1%), что указывает на сетевой характер взаимодействия внутри медиасферы, тогда как китайские тексты чаще обращаются к коммерческим и общественным организациям (17,0% против 12,1%), что может быть связано с ростом их социально-экономического влияния. Цитирование граждан демонстрирует схожие показатели (13,8% и 13,4%), подтверждая важность «народного голоса» в освещении социальных тем. Эти различия отражают специфику медийных культур: российские СМИ склонны к аналитической интерпретации и взаимным ссылкам, в то время как китайские делают акцент на прямом цитировании институциональных источников, что соответствует нормативным требованиям и стратегиям укрепления доверия аудитории. Результаты исследования свидетельствуют, что выбор источников цитирования функционирует не только как инструмент передачи информации, но и как маркер социокультурных особенностей медиасистем.

2.3. Фигуры интертекста в русских и китайских медиатекстах: аппликация

Вопрос о природе текстовой аппликации как интертекстуальной фигуры освещается в работах различных исследователей. В словаре А.П. Квятковского находим следующее определение: «Аппликация (лат. *applicatio*, букв. – прикладывание) – стилистический приём вмонтирования в текст литературного произведения общеизвестного выражения (пословицы, поговорки, прозаического или поэтического отрывка и т.п.) в качестве прямой цитаты – ссылки или в ином,

деформированном виде» [Квятковский, 1998, с. 53].

Более детальную характеристику аппликации предлагает В.П. Москвин. По мнению В.П. Москвина, аппликация «представляет собой приём, состоящий в использовании в качестве строительных блоков для текста: устойчивых выражений; фрагментов текста без указания на источник» [Москвин, 2011, с. 90]. Важным уточнением здесь является принципиальное отличие аппликации от цитирования: при аппликации отсутствует ссылочная часть, что позволяет автору интегрировать «чужое слово» в свой текст более органично и имплицитно.

Функциональный аспект раскрывается в работе В.П. Москвина далее. Как отмечает исследователь, «функция текстовой аппликации состоит в обогащении авторской речи ассоциативными отсылками к опорным текстам» [Цит. по: Москвин, 2011, с. 91]. При этом задача аппликации – не просто воспроизведение заимствованных элементов, а «интеграция разнородных фрагментов в новое произведение», «создание из них оригинального целого» [там же]. В медиатексте аппликация выполняет функцию смысловой интеграции, способствуя объединению традиционных и новых элементов в рамках информационно-коммуникативного пространства.

2.3.1. Характерные черты аппликации в русском медиатексте

В современном русском медиатексте аппликация выступает как фигура интертекста, основанная на полном или фрагментарном включении устойчивых выражений из Библии, пословиц, литературных произведений и других источников. Данная фигура выполняет не только стилистическую функцию, придавая тексту выразительность и эмоциональную насыщенность, но и когнитивную, облегчая восприятие информации через активацию прецедентных культурных кодов. Механизм аппликации предполагает не механическое цитирование, а семантическую трансформацию исходных текстов, при которой культурно маркированные элементы адаптируются к новому дискурсивному контексту с сохранением ассоциативных связей с источником-прецедентом.

В русском медиатексте выражения из Библии часто используются для усиления выразительности текста, например:

Пр. 1: Считаю, что не надо специально искать символизма и усложнять этот вопрос. Вполне можно совместить участие в голосовании со следованием церковному календарю. Ведь в Евангелии нам заповедано отдавать «кесарево кесарю, а Божие Богу», – сказал Легойда. (12 марта 2024 г., РИА Новости)

Фраза «кесарево кесарю, а Божие Богу» является прямой цитатой из Евангелия от Матфея (22:21), где Христос формулирует принцип разделения светской власти и веры. В оригинальном контексте ответ на провокационный вопрос о налогообложении, который подчёркивает необходимость баланса между гражданскими обязанностями и религиозной идентичностью. В медиадискурсе данное высказывание приобретает новое звучание: цитирование служит инструментом смысловой нейтрализации возможного конфликта между участием в голосовании и соблюдением религиозных предписаний. Реконтекстуализация сакрального источника позволяет представить оба действия как не противоречащие друг другу, подчёркивая возможность их гармоничного сосуществования.

Однако подобная интерпретация сознательно игнорирует исторический контекст библейского текста, в котором «кесарь» обозначал внешнюю, иноземную, по отношению к еврейскому народу, властную структуру, не ассоциированную с религиозной легитимностью. В современном употреблении происходит переосмысление этой категории: под «кесарем» подразумевается уже национальная государственность, что противоречит изначальной идее разграничения сакрального и светского. Апелляция к авторитету Священного Писания здесь служит инструментом символической легитимации сближения церковного и государственного дискурсов. Таким образом, в данном случае интертекстуальность выполняет манипулятивную функцию: сакральная цитата используется для нейтрализации возможного конфликта между религиозной и гражданской обязанностью, одновременно подменяя оригинальный смысл новым политически целесообразным прочтением.

Пр. 2: Тарасова заявила, что Кремлев просто «неумный человек». «Есть

такая поговорка: не судите, да не судимы будете. Считаю, что его высказывание очень вредное для всех русских атлетов – для тех, кто поедет на Игры, и для тех, кто останется не по своей вине», – заключила она. (РБК, 5 июля 2024 г.)

Пр. 3: На израильском телевидении теперь открыто говорят, что раз Ирану можно покушаться на Биби, то и Али Хаменеи легитимная цель. А если так, то боюсь, что ликвидация Синвара может остаться лишь малозначимым эпизодом в бесконечном ближневосточном «око за око». (Коммерсантъ, 21 октября 2024 г.)

Во втором примере речь идёт об известной цитате из Евангелия от Матфея (7:1): «Не судите, да не судимы будете». Это высказывание традиционно воспринимается как нравственное наставление о воздержании от осуждения других людей. В устах Тарасовой оно используется как моральный аргумент против осуждения спортсменов, тем самым повышая этическую значимость её позиции. Использование священного текста усиливает авторитет мнения и вызывает у получателя ассоциативную реакцию, основанную на общепринятых моральных ценностях. В третьем примере: «око за око» – выражение происходит из Ветхого Завета, «око за око, зуб за зуб», что отражает древний принцип возмездия. В контексте ближневосточного конфликта оно приобретает образ ярко выраженной цикличности насилия и отсутствия перспектив на примирение. Использование данного библейского выражения помогает отправителю лаконично и метафорично передать суть сложной политической и гуманитарной ситуации, опираясь на общеизвестный культурный код. Эти три примера усиливают аргументацию, встраивая высказывание в традицию морального дискурса, что делает текст более убедительным и культурно значимым для широкой аудитории.

Фрагментарные цитирования, связанные с литературой, также регулярно встречаются в русском медиатексте, например:

Пр. 1: Не верь глазам своим: в Россию пришла мода на блюда-обманки (Известия, 16 декабря 2023 г.)

Пр. 2: «На мой взгляд, очередная слабая игра «Спартака». Вратарь «Динамо» помог команде. Но в целом играли красно-белые «кто в лес, кто по дрова». По-прежнему они не показывают хорошей игры. (Football.ru, 7 апреля

2024 г.)

Пр. 3: «Там, где появляется дорога, жизнь бьет ключом», – подчеркнул президент в эфире телеканала «Россия 24». (21 декабря 2023 г., Смотрим)

В примере 1 фраза «Не верь глазам своим» отсылает к афоризму Козьмы Пруtkова из сборника «Плоды раздумья» (1854): «Если на клетке слона прочтёшь надпись “буйвол”, не верь глазам своим», где ироничный призыв к сомнению трансформируется в заголовок о гастрономических мистификациях, вызывая у получателя ассоциации с критическим отношением к внешности и формальному восприятию реальности.

Во втором примере – «кто в лес, кто по дрова» – фраза отсылает к басне Ивана Крылова «Музыканты», где дисгармония музыкального ансамбля метафорически переносится на хаотичную игру футбольной команды, за счёт узнаваемого культурного элемента отправитель создаёт выразительную образность. Данное выражение опирается на культурный стереотип и придаёт тексту живость и оценочность. «Впервые понятие стереотипа использовал У. Липпман ещё в 1922 г., который считал, что это упорядоченные, схематичные детерминированные культурой “картинки мира” в голове человека, которые экономят его усилия при восприятии сложных объектов мира» [Маслова, 2001, с. 84]. Такое понимание стереотипа встречаем в работах Е. Бартминского и его школы; «языковая картина мира и языковой стереотип соотносятся у него как часть и целое, при этом языковой стереотип понимается как суждение или несколько суждений, относящихся к определённому объекту внеязыковой картины мира, субъективно детерминированное представление предмета, в котором сосуществуют описательные и оценочные признаки и которое является результатом истолкования действительности в рамках социально выработанных познавательных моделей» [Цит. по: Маслова, 2001, с. 84]. Под языковым стереотипом мы понимаем не только суждения или их комбинации, но и любое устойчивое выражение, состоящее из нескольких слов. Культурные стереотипы, несмотря на их редуционистский характер, нередко имеют эмпирическую основу и отражают определённые элементы коллективного опыта. Тем не менее они представляют собой упрощённые

и стабилизированные образы, не способные адекватно отразить сложность и динамику культурной реальности.

В примере 3 – «жизнь бьёт ключом» – восходит к фразе Дона Аминадо (Аминада Петровича Шполянского): «Жизнь бьёт ключом. И всё по голове». Первоначальный смысл был сатирическим, фраза может использоваться для выражения пессимизма о том, что жизнь более сложная и трудная, чем может казаться со стороны. В медиатексте фраза используется в редуцированном виде, лишаясь иронического конца, чтобы обозначить позитивную динамику и оживление в связи с развитием инфраструктуры. Это показывает, как фрагмент литературного текста может быть переосмыслен и адаптирован к текущему официальному нарративу, меняя при этом своё эмоциональное и смысловое наполнение.

Таким образом, во всех трёх случаях литературные интертексты выполняют функцию культурного посредника между текстом и получателем. Интертексты в медиатексте активируют коллективную память, усиливают эмоциональную окраску сообщения и способствуют формированию устойчивых смыслов, легко воспринимаемых аудиторией. Аппликация в этих примерах служит инструментом культурной интеграции, обеспечивая связь между современным медиатекстом и исторически сложившейся языковой картиной мира.

Мы наблюдаем, что использование аппликации, основанной на пословицах, также выполняет важную интертекстуальную и культурную функцию в русском медиатексте. Рассмотрим следующие примеры:

Пр. 1: Европейские компании надолго потеряли российский рынок и теперь кусают локти, подсчитывая убытки, но из-за трусости перед заокеанским сюзереном молчат, заявил зампред Совбеза РФ Дмитрий Медведев. (РИА Новости, 2 июля 2023 г.)

Пр. 2: Бобы до добра не довели (14 декабря 2023 г., РБК)

Пр. 3: «Это явно был враждебный акт, совершенно ясно, что без ведома хозяев киевские террористы совершить его не могли бы. Мы будем отвечать не разговорами о том, casus belli это или нет, а будем отвечать конкретными

действиями. У нас терпения много – есть такая пословица: “*Русские долго запрягают*” и так далее», – сказал господин Лавров на брифинге. (Коммерсантъ, 5 мая 2023 г.)

В примере 1 фраза «кусают локти» – образ, восходящий к пословице «Близок локоть, да не укусишь». Данная фраза выражает сожаление об утраченной возможности. В медиаконтексте высказывание Д.А. Медведева описывает досады европейских компаний – такой приём создаёт ироничный контраст между народной мудростью о смирении и современной реальностью экономических потерь.

Интертекст в примере 2 – фраза «До добра не доведёт», часто применяемая для обозначения действий, чреватых негативными последствиями. Здесь описываются результаты употребления бобов, служащие предупреждением.

В третьем примере «Русские долго запрягают» отсылка к широко известной пословице «Русские долго запрягают, да быстро едут», которую приписывают разным авторам, но особенно она укоренилась в общественном сознании благодаря её использованию Александром III. Данная фраза отражает архетип русского характера: внешняя медлительность, кажущаяся нерешительность, за которой стоит собранность и готовность к решительным действиям. В данном медиатексте С.В. Лавров, используя такую пословицу, не только оправдывает временную паузу в действиях, но и транслирует образ стратегической выдержки как черты российской политической культуры, укрепляя национальную идентичность через отсылку к коллективному представлению о стратегическом потенциале и выдержке русского народа.

Предыдущие три примера показывают, что пословицы, как вербальные коды коллективного опыта, передают не только смысловые оттенки, но и отражают черты национального характера, устойчивые ценности и модели восприятия мира. Аппликация на основе пословиц в российской медиасреде служит не только стилистическим приёмом, но и способом поддержания национального нарратива и коллективной самоидентификации.

В заключение следует отметить, что аппликация в русском медиатексте представляет собой устойчивый и многозначный интертекстуальный приём,

активно используемый для усиления выразительности и культурной насыщенности высказывания. Цитаты и отсылки к Библии, пословицам, литературным произведениям не только придают текстам риторическую силу и эмоциональную глубину, но и выполняют важные когнитивные и идеологические функции. Интертекстуальные элементы помогают аудитории распознавать знакомые культурные коды, формируют ассоциативные связи с коллективной памятью и транслируют ценности, укоренённые в национальной традиции. Использование аппликации усиливает аргументацию, придаёт сообщениям символическую значимость и способствует формированию устойчивых смыслов, благодаря чему медиатексты становятся более убедительными, узнаваемыми и органично встроенными в историко-культурное пространство российской языковой картины мира.

2.3.2. Характерные черты аппликации в китайском медиатексте

В китайском медиатексте интертекстуальность выходит за рамки простого цитирования и обретает новые измерения через текстуальную аппликацию. Данный приём превращает новостной текст в гибридное пространство культурной памяти. Аппликация становится не просто стилистическим приёмом, а стратегией смыслопорождения, где каждое «наложение» текстов активизирует диалог между эпохами, идеологиями и культурами, формируя уникальный язык китайской медиареальности XXI века. В китайских СМИ использование аппликации – органического сочетания различных элементов – создаёт новые формы выражения, которые не только обогащают способы представления медиаконтента, но и усиливают культурную идентичность и интерактивность аудитории.

В китайском медиатексте одной из наиболее распространённых форм аппликации является использование пословиц как интертекстуального элемента. В словаре Синьхуа пословицы описываются как «устоявшиеся выражения, широко распространённые в народе, которые через простые и доступные формулировки передают глубокие жизненные истины» [Словарь Синьхуа, 2013, с. 1034].

Китайские пословицы, являясь кристаллизацией народной традиционной мудрости, представляют собой важную составляющую идеологической системы китайской культуры, глубоко воплощая ключевые ценности и философию выживания традиционного китайского общества. Данные лаконичные лингвистические формы, передаваемые через межпоколенческую трансмиссию, осуществляют не только трансляцию практического жизненного опыта, но и реализуют функцию этических норм и социальной интеграции. Их языковая структура характеризуется лаконичностью, образной насыщенностью и семантической многогранностью, где метафоры, параллельные конструкции и иные риторические приёмы служат инструментами передачи эмпирического знания и ценности.

Пр. 1: 天上不会掉馅饼, 努力奋斗才能梦想成真。(人民网, 2023年1月1日) *Пироги с неба не падают – лишь упорный труд претворяет мечты в реальность (People's Daily Online, 1 января 2023 г.)*

Пр. 2: 三亚旅游怎样避免“一只苍蝇坏了一锅粥” (人民网, 2024年04月01日) *Как избежать ситуации, когда «одна муха портит всю кашу» в туризме Санья (People's Daily Online, 1 апреля 2024 г.)*

Пр. 3: 1840年鸦片战争成为“压倒骆驼的最后一根稻草”。(新华网, 2024年12月31日) *Опиумная война 1840 года стала «последней соломинкой, сломавшей спину верблюда» (Xinhua net, 31 декабря 2024 г.)*

Приложение в примере 1 взято из новогоднего послания председателя КНР Си Цзиньпина. Интертекстуальным элементом в высказывании является фраза «пироги с неба не падают / 天上不会掉馅饼» – распространённая китайская пословица, выражающая прагматический принцип невозможности незаслуженного успеха и необходимости приложения усилий для достижения целей. Китайская пословица «пироги с неба не падают» пробуждает в коллективном сознании народа моральные принципы трудолюбия и усердия, развеивая скучное морализаторство через народную мудрость.

Пословица «одна муха портит всю кашу» (в примере 2) репрезентирует

когнитивную модель, при которой локальные дисфункции приводят к каскадным нарушениям системной целостности. Использование данной пословицы служит механизмом визуализации корреляционных связей между микрорисками и макроэкономическими последствиями. В контексте туристической индустрии Санья применение пословицы подчёркивает необходимость имплементации превентивных стратегий, направленных на минимизацию пассивных эффектов в отраслевом масштабе.

Пословица «последняя соломинка, сломавшая спину верблюда» (в примере 3) изначально происходит из арабских пословиц, стала популярной в китайской культуре, где используется для обозначения кризиса, возникшего после множества маленьких трудностей. Использование выражения в данном контексте адаптировано для описания процессов накопления социально-политических напряжений. В контексте Опиумной войны 1840 года данный образ иллюстрирует переход количественных изменений (экономические санкции, территориальные уступки) в качественно новое состояние – трансформацию государственного устройства в полуколониальный формат.

Поэзия, являясь уникальным культурным наследием Китая, часто выступает в качестве интертекстуального элемента аппликации. Согласно определению «Цы Хай», поэзия представляет собой древнейший китайский литературный жанр, который, следуя строгим требованиям слоговой структуры, тональных паттернов и ритмических правил, концентрированно отображает социальную реальность и духовный мир человека посредством лаконичного языка, эмоциональной насыщенности и богатого воображения [Цы Хай / 辞海, 2009, с. 2039]. Классическая китайская поэзия, являющаяся ключевой художественной формой китайской цивилизации, сочетает формальную строгость с философской глубиной. Структурная основа классической китайской поэзии формируется через систему ровных и ломаных тонов и параллелизмов, которые в сочетании с правилами рифмовки создают уникальную музыкальность. Лаконичный и аллюзивный язык реализует полисемантическую выразительность через систему символических образов. Классическая поэзия отражает преемственность культурной традиции,

формирует эстетические принципы китайской письменности и укрепляет историческую идентичность общества. Рассмотрим следующие примеры:

Пр. 1: 真人互动新鲜有趣，而搭载了新技术的场馆则凭借高科技带领游客“一日看尽长安花”。（内蒙古日报，2024年8月20日）Интерактив с реальными людьми свежо и интересно, а павильоны, оснащённые новыми технологиями, позволяют посетителям «увидеть все цветы Чанъяня за один день». (Inner mongolia daily, 20 августа 2024 г.)

В предложении фраза «увидеть все цветы Чанъяня за один день» отсылает к древней поэзии «После успешной сдачи экзаменов / 登高» поэта эпохи Тан Мэн Цзяо: «Ветер весны окрыляет копыта коня, увидеть все цветы Чанъяня за один день / 春风得意马蹄疾，一日看尽长安花». Оригинальные строки выражают восторг от успеха на императорских экзаменах. Гипербола «объять за день» подчёркивает триумфальное чувство – будто бескрайние весенние сады столицы можно мгновенно охватить взглядом. В современном контексте метафора переосмыслена: технологические достижения позволяют туристам «сжать время», воссоздавая эффект полного погружения в историческую атмосферу. Классическая поэтическая образность нивелирует культурную поверхностность туризма по принципу «фастфуда». Посредством использования классической поэзии современным технологиям придаётся культурная глубина, одновременно вызывая эмоциональный резонанс у читателей.

Пр. 2: 水稻博物馆里感受“粒粒皆辛苦”（新华网，2023年08月27日）Почувствовать «каждое зёрнышко требует тяжкого труда» в Музее риса (Xinhua net, 27 августа 2023 г.)

Фраза «粒粒皆辛苦 / каждое зёрнышко требует тяжкого труда») является цитатой из классического стихотворения Ли Шэня / 李绅 династии Тан «悯农 / Жалобы земледельцу». В стихотворении описывается тяжёлый труд крестьянина, который каждый день, на поле, в поте лица, трудится, собирая зерно. В данном контексте фраза ссылается на труд, который вложен в выращивание риса, подчёркивая не только физическую трудоёмкость сельского труда, но и культурное

значение риса как основного продукта питания в Китае. Интертекстуальность здесь создаётся через использование этой культурно значимой фразы, которая активизирует в сознании читателя ассоциации с традициями китайской крестьянской жизни, акцентируя внимание на важности каждого элемента в процессе сельского производства. Использование данной фразы не только усиливает выразительность заголовка, но и создаёт культурный диалог между историческим и современным восприятием труда в сельском хозяйстве.

Пр. 3: 山重水复疑无路，柳暗花明又一村。不论前路多么难行，坚定信心，勇于开拓，京剧必将走向一个充满光明和希冀的新境界。（人民网，2024年11月26日）*«Горные хребты громоздятся, река извивается изгибами, кажется, пути уже нет...И вдруг среди цветущих ив и персиков село».* Независимо от того, как трудно будет идти вперёд, следует твёрдо верить в себя, быть готовым к новым вызовам, и пекинская опера непременно достигнет нового, светлого и полного надежды горизонта. (People's Daily Online, 26 ноября 2024 г.)

«山重水复疑无路，柳暗花明又一村 / Горные хребты громоздятся, река извивается изгибами, кажется, пути уже нет...И вдруг среди цветущих ив и персиков село» является аллюзией на знаменитые строки из стихотворения «游山西村 / Путешествие по деревне на запад от гор», написанное Ли Шицзы (李时中), поэтом династии Сун. В стихе поэт описывает трудности путешествия, но также и неожиданные открытия, которые могут возникнуть, если продолжать двигаться вперёд, несмотря на препятствия. В данном контексте выражение используется для передачи идеи о том, что, несмотря на трудности и преграды, которые стоят на пути пекинской оперы, всегда существует надежда на светлое будущее. Такой способ использования культурного стиха позволяет связать текущие события (развитие пекинской оперы) с многовековой традицией и создаёт ощущение преемственности и надежды на будущее, что придаёт тексту дополнительную глубину и символизм.

В этих трёх примерах мы видим аппликацию как стратегию интертекстуальности, где традиционные выражения и метафоры применяются к современным событиям и явлениям, образуя новый контекст и предоставляя более

глубокое восприятие этих явлений для аудитории.

Помимо упомянутых классических литературных стихов и пословиц, некоторые современные популярные элементы, знакомые широкой аудитории, также часто используются в качестве интертекстов в аппликации, например строки из песен, цитаты из фильмов и телесериалов и тому подобное. Рассмотрим следующие примеры:

Пр. 1: 财经观察: 时间都去哪了? 户外运动点亮民众新生活。(人民网, 2024年11月7日) Финансово-экономическое наблюдение: куда уходит время? Активный отдых на открытом воздухе трансформирует повседневную жизнь населения. (People's Daily Online, 7 ноября 2024 г.)

Интертекст в данном предложении берёт начало из песни «Куда уходит время?» (时间都去哪儿了), исполненной Ван Чжэнляном на Гала-концерте CCTV к празднику Весны в 2014 году (традиционная телепрограмма, транслируемая по всей стране в день китайского Нового года). В песне через образы вроде «старое дерево у ворот снова даёт побеги» передаётся тревога о быстротечности времени. В анализируемом фрагменте этот культурный образ становится связующим звеном между экономической темой и эмоциональной памятью. Используя знакомый слушателям символ, высказывание превращает вопрос распределения времени в точку эмоционального отклика: ностальгическое настроение песни смещается к более светлому, жизненному смыслу, связанному с «занятиями спортом на свежем воздухе».

Пр. 2: “道路千万条，安全第一条。” 无论机动车还是非机动车，无论暴走还是骑行，各行其道，遵守规则，才是对自己的最好保护。(人民网, 2024年8月14日) «Дорог тысячи, но безопасность – первая». Будь то автомобиль или велосипед, будь то бег или езда – соблюдение правил и движение по своей полосе являются лучшей защитой для себя. (People's Daily Online, 14 августа 2024 г.)

Пр. 3: “蝶后” 张雨霏7天摘9金，这是努力克服先天性脊柱侧弯后的破茧成蝶，此刻，青春是永不言弃，是我命由我不由天。(人民网, 2024年04月30日) Чжан Юйфэй за 7 дней завоевала 9 золотых медалей. Это её преобразование из

кокона, достигнутое упорным преодолением врождённого сколиоза. Сегодня молодость – это отказ сдаваться, это «моя судьба зависит от меня, а не от судьбы». (People's Daily Online, 30 апреля 2024 г.)

В примерах 2 и 3 интертекстуальными элементами выступают реплики из кинематографических произведений, пользующихся широкой популярностью. Подобный выбор интертекстов позволяет осуществить семантическое соединение реальности с художественным вымыслом, что привносит нарративную занимательность и сюжетную динамику в медиатекст.

Аппликация в китайском медиатексте является важным и эффективным инструментом интертекстуальности, который позволяет создавать новые смысловые слои и усиливать воздействие на аудиторию. Через органическое сочетание разнородных текстов, от классических литературных произведений до современных фильмов и песен, китайские СМИ используют аппликацию для создания гибридных форм выражения, которые обогащают восприятие информации и повышают культурную значимость сообщения. Данный приём не только делает медийные материалы более яркими и многозначными, но и укрепляет культурную идентичность, формируя диалог между историей и современностью.

2.4. Фигуры интертекста в русских и китайских медиатекстах: аллюзия

В современной лингвистике аллюзия как ключевой элемент интертекстуальности получает различные интерпретации в зависимости от исследовательского подхода. Традиционно аллюзия определяется как «стилистическая фигура, заключающаяся в соотнесении описываемого или происходящего в действительности с устойчивым понятием или словосочетанием литературного, исторического или мифологического характера» [Словарь иностранных слов современного русского языка, 2014, с. 31].

Как отмечает А.Г. Мамаева, аллюзии представляют собой «приём преднамеренного использования в тексте определённых слов (словосочетаний, предложений), косвенно соотносящихся с засвидетельствованными фактами

культуры» [Мамаева, 1977, с. 1]. Н.Н. Романова определяет аллюзию как «стилистическую фигуру, содержащую явное указание или отчётливый намёк на некий литературный, исторический, мифологический или политический факт, закреплённый в текстовой культуре или в разговорной речи. Такие элементы называются маркерами, или репрезентантами аллюзии, а тексты и факты действительности, к которым осуществляется отсылка, называются денотатами аллюзии» [Романова, 2009, с. 34]. Анализ приведённых определений позволяет сделать вывод, что аллюзии функционирует как элемент, несущий имплицитную информацию и всегда отсылает к культурно значимым феноменам.

Говоря о языке и культуре, невозможно не упомянуть термин «*логоэпистема*» – концепт, отражающий системную взаимосвязь лингвистических структур и культурных кодов. Термин *логоэпистема* был предложен В.Г. Костомаровым и Н.Д. Бурвиковой в 1996 году. В.Г. Костомаров и Н.Д. Бурвикова понимают под логоэпистемой «языковое выражение закреплённого общественной памятью следа отражения действительности в сознании носителей языка в результате постижения (или создания) ими духовных ценностей отечественной и мировой культур» [Костомаров, 2001, с. 42]. Логоэпистема, дополняя категорию интертекстуальности, формирует методологический мост между лингвистикой и культурологией, что особенно актуально в эпоху глобализации.

Использование крылатых выражений – представляет собой ключевое проявление аллюзии в системе интертекстуальности. По мнению В.М. Мокиенко, крылатые выражения – «это сочетание слов, обладающее относительной устойчивостью, воспроизводимостью в готовом виде, экспрессивностью и целостным значением» [Мокиенко, 1975, с. 26]. Как отмечает И.А. Кудряшов, «изучение имплицитных смыслов как основы разграничения факта и мнения в СМИ способствует выявлению причинных связей между социально-экономическими и языковыми явлениями и оценочного характера речи как орудия общения» [Кудряшов, 2005, с. 241].

Наиболее распространёнными формами в русских и китайских медиатекстах являются: прецедентные имена, исторические события, символические объекты. В

данном разделе будет рассмотрено функционирование аллюзии в русских и китайских медиатекстах с акцентом на формы проявления и прагматические функции. Будет проведён анализ того, как аллюзия способствует передаче информации, формированию общественного мнения и культурной идентичности.

2.4.1. Характерные черты аллюзии в русском медиатексте

В русском медиатексте аллюзия выступает важным инструментом, обогащающим содержание и усиливающим воздействие на аудиторию. Через обращение к историческим событиям, культурным и литературным образам, а также известным личностям, СМИ создают многослойные сообщения, которые находят отклик у зрителей и читателей. Аллюзия не только усиливает выразительность текста, но и формирует культурный контекст, способствуя глубокому пониманию и восприятию информации. В данном разделе будет рассмотрено использование аллюзий в русском медиатексте, их виды и функции, а также их влияние на восприятие и интерпретацию сообщений аудиторией. В русском медиапространстве можно выделить несколько ключевых типов аллюзий:

1. Аллюзии, связанные с греческой мифологией и Библией, например:

*Пр. 1: Временами приток оказывается существенно ниже оттока, и работа HR-специалиста становится похожа на **сизифов труд** или попытку наполнить дырявое ведро, из которого всё время вытекает вода. (РБК, 3 июля 2024 г.)*

*Пр. 2: Ориентация американской промышленности на производство по схеме «точно в срок» (Just In Time, JIT) — «**ахиллесова пята**» США. (РБК, 17 февраля 2023 г.)*

*Пр. 3: Он отметил, что немало обращений и от деятелей культуры, не желающих вмещать своё творчество в **прокрустово ложе** квот и критериев, созидать с оглядкой на соответствие чуждым им неолиберальным стандартам. (РИА Новости, 12 сентября 2024 г.)*

*Пр. 4: Если мы будем также продолжать надеяться на **манну небесную***

с федерального центра, то рано или поздно этот вопрос справедливо может встать на повестке дня. (Коммерсантъ, 10 июня 2024 г.)

Пр. 5: НБД-Банк собрал предпринимателей на информационной встрече «7 смертных грехов собственника в HR», посвящённой кадровой политике и работе с персоналом. (Коммерсантъ, 19 декабря 2023 г.)

В примере 1 метафора «сизифов труд» (отсылка к греческому мифу о Сизифе, обречённом вечно вкатывать камень на гору) актуализирует идею бессмысленности усилий HR-специалистов в условиях кадровой текучки, проецируя архетип абсурдности на корпоративную реальность. В примере 2 эксплуатируется образ «ахиллесовой пяты» (уязвимое место Ахилла из «Илиады» Гомера) для критики уязвимости американской системы ИТ, тем самым мифологизируя экономические риски через призму эпического фатализма. В примере 3 «прокрустово ложе» (из мифа о разбойнике Прокрусте, подгонявшем жертв под размер ложа) становится символом искусственного ограничения творческой свободы бюрократическими квотами, где античный сюжет служит аргументом против неолиберальной стандартизации. В примере 4 используется библейский образ «манны небесной» (чудесной пищи, ниспосланной Богом израильтянам в пустыне). Использование данной фразы символизирует надежду на внешнюю помощь, но с негативным оттенком, намекая на пассивность и отсутствие самостоятельных усилий. В примере 5 семь смертных грехов – классическое христианское учение о семи основных грехах (гордыня, зависть, гнев и др.). В контексте кадровой политики эта аллюзия используется для метафорического описания ошибок и слабых мест владельцев бизнеса в управлении персоналом, что создаёт связь между моральными и профессиональными просчётами.

Эти примеры аллюзии работают как инструменты усиления эмоционального воздействия на читателя, а также как культурные маркеры, с помощью которых текст приобретает дополнительную глубину и многозначность, используют античные и библейские аллюзии как «смысловые мосты» между архаикой и современностью. С религиозными и мифологическими аллюзиями связано большое количество моральных и философских значений, что позволяет создавать

более насыщенные и многозначные образы. В контексте русского языка и культуры такие интертекстуальные элементы служат своего рода кодами, понятными широкому кругу читателей, знакомых с библейскими и мифологическими сюжетами, что делает их сильным средством воздействия на общественное мнение.

2. Аллюзия, связанная с русской классической литературой, например:

Пр. 1: Отнюдь не милосердным толстовством, но мрачной Достоевщиной пропитаны многие страницы «Чисто российского преступления». (Известия, 30 июня 2024 г.)

*Пр. 2: В словаре главы WADA это слово означает «не вызывающее доверия». Главе МОК для того, чтобы его, как **Остана Бендера** «понесло», пранкеры не понадобились. Но итог тот же – мы продолжаем избавляться от иллюзий. (РИА Новости, 30 марта 2024 г.)*

Пр. 3: В конце прошлого года некоторые международные организации – ООН, Комиссия США по международной религиозной свободе – прямо указали Киеву на необходимость сменить курс. Но политики, по мнению эксперта, дошли «до гоголевского абсурда». (РИА Новости, 29 февраля 2024 г.)

*Пр. 4: **Ковёр и самолёт**: за что бывшему топ-менеджеру «Ростеха» дали 8 лет колонии. (Известия, 27 ноября 2023 г.)*

*Пр. 5: «Все угрозы политического и военного руководства Украины сродни лаю **Моськи** из всем нам хорошо известной басни», – сказал Гемпель. (РИА Новости, 26 ноября 2023 г.)*

Представленные примеры иллюстрируют активное использование российскими СМИ аллюзий на классическую литературу и басни как инструмента концептуализации современных политических и социальных явлений. Эти аллюзии, основанные на известных произведениях и персонажах, позволяют углубить смысл и усилить эмоциональное воздействие текста. В первом примере используется отсылка к Л.Н. Толстому и Ф.М. Достоевскому, двум великим русским писателям, чьи работы глубоко влияли на восприятие человеческой природы и моральных дилемм. Упоминание этих авторов создаёт контекст, в котором произведение «Чисто российского преступления» воспринимается как нечто

мрачное и философски сложное, что несёт в себе тяготы и противоречия человеческой души, присущие произведениям Ф.М. Достоевского, в то время как элементы морализма и идеализма можно увидеть в работах Л.Н. Толстого.

Во втором примере речь идёт о персонаже Остапе Бендере из произведений И.А. Ильфа и Е.Н. Петрова, который символизирует обман и комические элементы хитрости. В данном контексте его имя используется для иллюстрации политической ситуации, где персонажи, как Бендер, оказываются в ситуации, когда их действия кажутся неискренними или абсурдными, что добавляет ироничности в описание политической реальности.

Третий пример с упоминанием «гоголевского абсурда» отсылает к произведениям Н.В. Гоголя, в частности к его комедиям, где абсурдность и гротеск являются основными чертами мира, созданного писателем. В данном случае это использование подчёркивает нелепость и парадоксальность ситуации в политике, высмеивая абсурдные элементы официальных решений и действий, что усиливает критику власти.

В четвёртом примере отсылка идёт к русской народной сказке, где часто встречаются волшебные предметы, такие как ковры-самолёты, символизирующие магию и недоступные возможности. Выражение используется для связывания современных преступлений с архетипами волшебных обманов.

Интертекст в примере 5, связанный с басней Крылова «Моська и слон», представляет собой отсылку к русской фольклорной традиции, где маленькие и слабые существа пытаются бросать вызов тем, кто значительно сильнее. Данная аллюзия используется для осмеяния угроз и амбиций, что служит критикой внешнеполитической ситуации, где власти Украины представляются как нечто несущественное и чрезмерно громкое.

Все эти 5 примеров показывают, как использование классических литературных произведений и басен в российских СМИ позволяет углубить смысловые слои текста, усиливая критику и иронию, а также помогает читателю быстро ориентироваться в сложных и многозначных политических и социальных ситуациях. Интертекстуальные элементы в таких случаях не только делают тексты

более выразительными, но и создают пространство для культурной идентификации, поскольку они опираются на общие культурные и литературные коды, знакомые широкой аудитории.

3. Аллюзия, связанная с историческими событиями, например:

*Пр. 1: **Есть такая партия**: Артемьев обошёл Грищука на «Шахматных звездах 3.0» (Известия, 20 декабря 2023 г.)*

*Пр. 2: Во время переговоров по восстановлению экономики блока после пандемии Рютте получил прозвище **Мистер Нет** у южных и восточных европейцев. (РБК, 1 октября 2024 г.)*

*Пр. 3: Путин заявил, что Россия не собирается закрывать **окно в Европу**. (РИА Новости, 17 ноября 2023 г.)*

Приведённые примеры демонстрируют, как российские СМИ активно используют исторические аллюзии для концептуализации современных событий, создавая смысловые параллели между прошлым и настоящим. Фраза «Есть такая партия» в примере 1 отсылает к знаменитой речи В.И. Ленина на Первом Всероссийском съезде Советов (1917), где он провозгласил: «Есть такая партия!» – использование этой фразы не связано с политикой, но подчёркивает завершение соревнования.

Во втором примере, прозвище «Мистер Нет» для М. Рютте отсылает к известному прозвищу советского министра иностранных дел А.А. Громыко, который приобрёл этот титул за свою непреклонную позицию в международных делах, особенно в период Холодной войны. Это использование аллюзии подчёркивает настойчивость и жесткость позиции М. Рютте, отражая его аналогичную роль в переговорах по восстановлению экономики после пандемии. Использование этого исторического контекста в медиатексте создаёт дополнительный слой восприятия, в котором М. Рютте предстаёт как фигура, не готовая к компромиссам, переносящая образ дипломата эпохи холодной войны на современных европейских политиков.

В примере 3 используется фраза «окно в Европу», которая является отсылкой к известной концепции Петра Великого, основавшего Санкт-Петербург и

обозначившего его как «окно в Европу», символизируя стремление России быть частью европейской цивилизации и развивать связи с Западом. В контексте заявления В.В. Путина данная аллюзия служит для подчёркивания позиции России о продолжении политического и экономического взаимодействия с Европой, несмотря на текущую международную напряжённость. Это также может быть реакцией на критику Запада в отношении России, укрепляя легитимность российского курса и подчёркивая историческую преемственность внешней политики. Эти три примера иллюстрируют, как использование интертекстуальности через отсылки к русской истории помогает не только усилить выразительность текста, но и придаёт дополнительный культурный и политический контекст, который способствует формированию общественного мнения и культурной идентичности. Через данные аллюзии медийные тексты связывают текущие события с историческими процессами, создавая тем самым более насыщенные и многослойные коммуникации.

Аллюзия в русском медиатексте выполняет важные функции, которые значительно обогащают коммуникацию. Аллюзия не только связывает абстрактные идеи с архетипами, что облегчает понимание сложных понятий, но и придаёт тексту риторическую силу, обращаясь к каноническим источникам и таким образом усиливая его авторитетность. Кроме того, аллюзии выполняют идеологическую функцию, транслируя ценности, укоренённые в традиционных нарративах, и укрепляя связь с историческим и культурным контекстом.

Данный приём позволяет повысить выразительность текста и усилить его эмоциональное воздействие. Каждая аллюзия вызывает у читателя ассоциации с известными культурными и историческими контекстами, что помогает создать более многослойное и насыщенное восприятие событий. Связь с мифами, литературными произведениями и историческими событиями не только обогащает текст, но и создаёт дополнительный культурный контекст, который способствует более точному и быстрому восприятию информации аудиторией.

Аллюзия, в свою очередь, способствует установлению параллелей между современными событиями и историей, что усиливает восприятие актуальности

обсуждаемых тем. Аллюзия не только служит инструментом передачи информации, но и становится важным элементом формирования общественного мнения, укрепляя национальную идентичность и культурную преемственность.

2.4.2. Характерные черты аллюзии в китайском медиатексте

В китайском медиатексте аллюзия является одной из важнейших фигур проявления интертекстуальности и широко распространена. Аллюзия не только представляет собой риторическое средство выражения, но и служит важным мостом для передачи культуры и формирования общественного сознания. Аллюзия вызывает у аудитории ассоциации с существующими культурными, историческими, литературными или социальными событиями, что углубляет и наполняет текст множественными смыслами. Использование аллюзии помогает создать резонанс с аудиторией, обогащая способы передачи информации. Данная фигура интертекста сохраняет традицию китайской культуры, при этом адаптируется к революции в средствах массовой информации в эпоху новых технологий и играет незаменимую роль в производстве культурной памяти. В китайском медиатексте одной из наиболее распространённых форм реализации аллюзии выступает эксплуатация прецедентных имён. Рассмотрим следующие примеры:

Интертекст, связанный с реальными персонажами в китайском медиатексте:

Пр. 1: 长沙东塘街道政院社区：“诸葛亮”会议集众智 基层治理聚合力 (人民网, 2024年08月15日) Сообщество Чжэньюань района Дунтан (г. Чанша): Совещание «Чжугэ Лян» как механизм коллективного интеллекта для консолидации ресурсов низового управления (People's Daily Online, 15 августа 2024 г.)

Чжугэ Лян (181–234 гг.), премьер-министр царства Шу эпохи Троецарствия, выдающийся политический деятель и военный стратег древнего Китая, олицетворяет дуальную культурно-семиотическую парадигму «преданности» и «стратегической мудрости». В современном китайском социокультурном дискурсе

образ «Чжугэ Лян» сохраняет статус культурного символа коллективной мудрости и моральной добродетели. Как центральный интертекстуальный символ в тексте, «Чжугэ Лян» не указывает на физическое существование исторической личности, но активизирует «архетип мудреца» в коллективной памяти. В тексте имя «Чжугэ Лян» реализует метонимический перенос: образ военного советника, «планирующего победу в шатре» (运筹帷幄) из исторического контекста Троецарствия, проецируется на современные практики общественных дискуссий, формируя метафорическую корреляцию «исторический стратег – современный управленец». Данная стратегия семантической аппликации, преодолевающая временные и пространственные границы, выполняет двойственную функцию. С одной стороны, она минимизирует ригидность прямого политического дискурса, с другой – конструирует систему управления, основанную на народном консенсусе и диалоге, посредством активации культурных символов. Этот процесс дискурсивного конструирования реализуется через семантическую трансплантацию культурных кодов.

Пр. 2: 湖南浏阳: “电雷锋” 助力浏阳花炮产业高质量发展 (人民网, 2024 年 12 月 5 日) Люян, провинция Хунань: «Энергетический Лэй Фэн» как катализатор устойчивого развития пиротехнической промышленности (People's Daily Online, 5 декабря 2024 г.)

Наибольшее влияние Лэй Фэна на последующие поколения воплотилось в «духе Лэй Фэна» (雷锋精神), названном в его честь. В 1963 году председатель КНР Мао Цзэдун сделал надпись «Учиться у товарища Лэй Фэна». Дух Лэй Фэна – это своего рода бескорыстная преданность, основанная на исполнении собственных обязанностей, упорном труде и стремлении внести свой вклад в дух упорного труда, в конечном счёте, данный дух искреннего служения народу. В данном контексте выражение «электрический Лэй Фэн» переносит данный образ в сферу современной энергетики. Так называют работников электросетевых компаний, которые обеспечивают бесперебойную подачу энергии и незаметно для большинства людей выполняют важную работу. Такой приём усиливает

эмоциональный отклик и делает медиатекст более близким и понятным широкой аудитории.

Пр. 3: 合肥有个“包青天” (人民网, 2023年11月22日) В Хэфэе есть «**Бао Цинтянь**». (People's Daily Online, 22 декабря 2023 г.)

Пр. 4: 今天, **郑和**精神焕发着新的光彩, 成为中马关系深化发展的宝贵财富。 (云南日报, 2024年5月27日) Сегодня дух **Чжэн Хэ** излучает новый свет и рассматривается как ценное достояние, способствующее дальнейшему развитию китайско-малайзийских отношений. (Yunnan daily, 27 мая 2024 г.)

Пр. 5: 如今, 传承**白求恩**精神已经成为我的心灵归属和毕生追求。 (人民网, 2024年07月10日) Сегодня наследие духа **Нормана Бетюна** стало моим духовным домом и жизненной целью. (People's Daily Online, 10 июля 2024 г.)

Бао Цинтянь, судье, знаменитому своей справедливостью и решимостью в наказании преступников. Использование его имени в СМИ вызывает ассоциации с идеями справедливости и борьбы с коррупцией. Ссылка на Бао Цинтяня в данном контексте может не только напоминать о героическом образе, но и усиливать восприятие сообщения о справедливости и правосудии, символом которых Бао Цинтянь является.

Ссылка в примере 4 на Чжэн Хэ, известного китайского адмирала и исследователя. Образ Чжэн Хэ выступает символом мужества, мудрости и открытости. Более 600 лет назад Чжэн Хэ посетил более 30 стран и регионов Азии и Африки, способствуя обмену между китайской цивилизацией и другими цивилизациями мира, укрепляя и расширяя Морской шёлковый путь и внося большой вклад в прогресс мировой цивилизации, что находит отражение в устойчивых и дружественных отношениях между Китаем и Малайзией в наши дни.

В примере 5 происходит отсылка к Норману Бетюну, канадскому врачу, который во время Японо-китайской войны оказывал медицинскую помощь китайским солдатам и гражданским. Норман Бетюн стал символом самоотверженности. Употребление данного элемента в предложении отражает культурные и исторические ценности, связанные с его именем. В китайской

культурной парадигме имена исторических персонажей функционируют не как статичные лексические единицы, но как динамичные семиотические знаки в коллективной памяти.

Интертекст, связанный с литературными персонажами в китайских медиатекстах:

Пр. 1: 损失30多万元后，她当起了安全宣讲“祥林嫂” (人民网，2023年11月16日) Потеряв более 300 тысяч юаней, она стала «Сянлинь Сао» на встречах, посвящённых безопасности, рассказывая о своём опыте. (People's Daily Online, 16 ноября 2023 г.)

Образ «Сянлинь Сао (祥林嫂)» восходит к рассказу Лу Синя «Благословение (祝福)». Персонаж представляет собой женщину, жизнь которой проходит в условиях нищеты, общественного презрения и духовных страданий. Постоянные рассказы о собственных бедах становятся для неё единственной формой общения с окружающими, но не вызывают сочувствия и понимания. В примере 1 образ «Сянлинь Сао» приобретает новое значение. В нём проявляется настойчивость и стремление предостеречь других, что превращает героиню из страдальцы в человека, приносящего пользу обществу. В данном контексте рассказы героини касаются не личных страданий, а заботы о других и стремления предупредить их об опасности. Такое переосмысление показывает, каким образом отрицательный литературный образ может быть представлен в позитивном свете, хотя при этом частично утрачивается первоначальный критический смысл произведения.

Пр. 2: 让“闰土” 昂起头——助农村孩子阳光成长(人民网，2024年07月12日) Пусть «Жунь Ту» поднимет голову – Помогаем сельским детям расти под солнечным светом. (People's Daily Online, 12 июля 2024 г.)

Пр. 3: “科技红娘帮助真的大！” 浙江斯普智能科技股份有限公司的负责人感叹。(人民网，2024年12月13日) «Роль “технологических Хун-нян” действительно велика!» – говорит руководитель Zhejiang Spu Intelligent Technology Co., Ltd. (People's Daily Online, 13 декабря 2024 г.)

В примере 2 образ Жунь Ту из рассказа Лу Синя «Родная деревня»

используется как символ простого сельского ребёнка. В оригинальном произведении герой вырастает и становится безразличным и усталым человеком, что символизирует утрату жизненной энергии и мечты. В медиатексте данный образ получает новое значение: фраза «пусть Жунь Ту поднимет голову» выражает надежду на то, что дети из сельской местности смогут изменить свою судьбу и развиваться в более благоприятных условиях. В данном примере старый литературный образ переосмысливается в позитивном, вдохновляющем контексте современности.

В примере 3 используется образ Хун-нян — свахи из классической китайской пьесы «Западный флигель». В данном контексте традиционный персонаж получает новое значение: «технологический Хун-нян» помогает компаниям устанавливать связи и находить партнёров с помощью современных технологий. Такое сочетание старого и нового отражает, как культурные образы прошлого продолжают жить и меняться в современном обществе.

Использование аллюзий в китайском медиатексте также связано с географическими образами. Например:

*Пр. 1: 4年建成1.8个三峡水电站! 新能源“陆上三峡”崛起陇原 (新华网, 2025年1月20日) За четыре года были построены энергетические объекты суммарной мощностью, в 1,8 раза превышающей мощность ГЭС «Три ущелья»! Новый энергетический проект «Наземные **Три ущелья**» активно развивается в провинции Ганьсу. (Xinhua net, 20 января 2025 г.)*

Три ущелья – это три ущелья реки Янцзы, расположенные на границе муниципалитета Чунцин и провинции Хубэй в Китае, включая ущелье Кутан, ущелье У и ущелье Силин. Под «Тремя ущельями» в данном контексте подразумевается гидроэлектростанция «Три ущелья», расположенная на главном русле реки Янцзы, является крупнейшей в мире гидроэнергетической системой, интегрирующей функции контроля над наводнениями, генерации электроэнергии и судоходства. «Три ущелья» – это инженерное чудо, созданное по государственной воле, воплощает в себе концепцию решимости человека и превосходства системы, которая концентрирует ресурсы для достижения великих целей. В данном

предложении используется двойная интертекстуальная стратегия: трансформация символа «Трёх ущелий» и пространственная реконструкция географической метафоры. Интертекст «Наземные Три ущелья» опирается на аналогию географических символов, связывая кластер ветряных электростанций в Ганьсу с Тремя ущельями на Янцзы. Однако смысловое наполнение данного интертекста не ограничивается позитивным образом, связанным с улучшением условий жизни населения, но также включает более сложные и противоречивые аспекты — историческую травму, связанную с миграционной проблемой «Трёх ущелий», экологическую деградацию пастбищ, вызванную строительством ветряных и солнечных электростанций, и споры о правах пастухов на землю. В контексте примера 1 при этом акцентируется преимущественно положительное значение, тогда как иные смысловые пласты оказываются вытесненными на периферию интерпретации. Это позволяет рассматривать интертекстуальность как феномен, который в процессе исторического развития подвергается выборочному переосмыслению, а её смысловое наполнение формируется в зависимости от изменяющихся социокультурных контекстов.

*Пр. 2: 2013年11月, 习近平总书记视察临沂时指出, 沂蒙精神与延安精神、井冈山精神、西柏坡精神一样, 是党和国家的宝贵精神财富, 要不断结合新的时代条件发扬光大。(人民网, 2024年4月19日) В ноябре 2013 года, когда генеральный секретарь Си Цзиньпин посетил Линьши, он отметил, что дух **Имэн**, как и дух **Яньань**, дух **Цзинганшань** и дух **Сибайпо**, является ценным духовным богатством партии и страны, и необходимо постоянно развиваться с учетом условий новой эпохи. (People's Daily Online, 19 апреля 2024 г.)*

В данном предложении представлены четыре интертекста: названия гор «Цзинганшань», «Имэншань», названия местности «Яньань», «Сибайпо». Дух Имэн, дух Яньань, дух Цзинганшань и дух Сибайпо – всё это революционные духи, сформированные Коммунистической партией Китая в разные исторические периоды, каждое из которых имеет свою специфическую историческую подоплёку и символическое значение. Дух Имэн символизирует органичное единство партии

и народа, основанное на солидарности перед лицом угроз, дух Яньань олицетворяет трудолюбие и негибкость, дух Цзинганшань воплощает стратегическую инновационность концепции «окружения городов сельской местностью», дух Сибайпо отражает новаторский и предприимчивый подход, выражающийся в готовности бороться и побеждать. Путём сочетания интертекстуальных элементов, относящихся к четырём историческим этапам, данный приём показывает, что увеличение плотности интертекстуальных связей способствует укреплению авторитета и обеспечивает идеологическую преемственность. В новой эпохе семиотика революционно-военных лет приобретает новое звучание: утрачивает сугубо историко-идеологическую функцию и превращается в духовный ресурс, питающий модернизационное развитие.

Пр. 3: 凡尔赛宫“遇见”紫禁城一场双向奔赴的文明交融盛举 (新华网, 2024年04月03日) «Встреча Версаля и Запретного города: грандиозное взаимное слияние цивилизаций». (Xinhua net, 3 апреля 2024 г.)

В примере 3 используется метафора встречи двух величайших культурных и исторических символов – Версаля и Запретного города, которые представляют собой культуру и цивилизацию Франции и Китая соответственно. Такой интертекстуальный приём, где городские архитектурные символы олицетворяют историко-культурное наследие стран, часто встречается в новостных текстах.

В китайском медиатексте распространён ещё один тип аллюзии – использование четырёхиероглифных идиом (чэньюй / 成语), способных замещать целые классические сюжеты. Четырёхиероглифная идиома – уникальное явление китайского языка, глубоко укоренённое в культурной памяти и широко узнаваемое аудиторией.

В словаре «Цы Хай» чэньюй определяется как «разновидность фразеологизмов: устоявшиеся словосочетания фиксированной структуры. В китайском языке большинство из них состоят из четырёх иероглифов. Их структура разнообразна, а происхождение неоднородно. Как правило, они имеют устоявшееся переносное значение» [Цы Хай / 辞海, 2009, с. 285].

Чэньюй, уникальный феномен китайского языка, представляет собой высококонцентрированные семантические единицы в лексико-семантической системы. Чэньюй — это особый тип устойчивых выражений китайского языка, традиционно состоящих из четырёх иероглифов, через которые проявляются характерные для китайской цивилизации способы мышления и система ценностей, складывавшиеся в течение тысячелетий. Являясь лингвистическими «ископаемыми», большинство чэньюев восходит к историческим событиям, философским трактатам и народному опыту. Состав и порядок иероглифов в чэньюе не подлежат произвольному изменению. Через метафоры и метонимии чэньюй конституирует семиотическую систему, объединяющую образность и философскую глубину, обладая неразложимой семантической целостностью. Упрощённо говоря, «чэньюй – это фиксированное словосочетание с устоявшимся употреблением, смысловой насыщенностью и литературной стилистикой» [Хуан Божун; Ляо Сюйдун / 黄伯荣; 廖旭东, 2017, с. 249].

*Пр. 1: 毛泽东评价他有“大禹治水之功” — 马克思主义理论家翻译家吴亮平的治学之道 (人民网, 2023年1月11日) Мао Цзэдун, высший руководитель страны, охарактеризовал вклад У Лянпина как «**подвиг Великого Юя в усмирении потоков**» — методология научной деятельности теоретика-переводчика марксизма У Лянпина. (People's Daily Online, 11 января 2023 г.)*

«Усмирение потоков Великим Юем / 大禹治水» – событие из древнекитайской истории, описывающее подвиг легендарного правителя Юя, который за тринадцать лет системной борьбы с наводнениями не только остановил стихию, но и заложил основы ирригационной системы, ставшей прообразом государственного управления. Во время работ Великий Юй проявил настойчивость и умение использовать природные условия с пользой для людей, преодолевая множество трудностей. Этот опыт кристаллизовался в «духе усмирения потоков Великим Юем»: самоотверженное служение общему благу, приоритет национальных интересов, синтез традиционного опыта и рационального знания. Данное событие является важной вехой древнекитайской истории и ключевым

символом развития китайской цивилизации. В примере 1 достижения У Лянпина в переводе марксистской теории изображаются как подвиг, подобный деянию Великого Юя по управлению водами. Такая интертекстуальная стратегия преобразует абстрактный процесс перевода в историческое деяние уровня «управления государством», демонстрирует преемственность между китаизацией марксизма и традиционной мудростью управления, отражает трудности, с которыми столкнулся У Лянпин в переводческой работе, и его выдающийся вклад.

Пр. 2: 英国政治危机：四面楚歌之下，约翰逊下一步怎么走？（中国新闻网，2019年9月26日） Политический кризис в Британии: оказавшись в «окружении со всех сторон», каким будет следующий шаг Джонсона? (China News, 26 сентября 2019 г.)

«四面楚歌 / Быть окружённым со всех сторон» – впервые зафиксирован в «Исторических записках / 史记» Сыма Цяня (Ханьская эпоха), в главе «Основные записи о Сян Юе / 项羽本纪». Идиома описывает заключительный этап противостояния государств Чу и Хань (202 г. до н.э.), когда войска Сян Юя, окружённые армией Лю Бана у Гайся, услышав ночью народные песни родного царства Чу, потеряли боевой дух. В настоящее время выражение используется как метафора критической ситуации, в которой человек остаётся в изоляции и встречает сопротивление со всех сторон. В данном случае образ поражения Сян Юя используется для описания политического кризиса Джонсона. Такая параллель помогает читателю сразу понять характер ситуации и воспринимать её через призму исторического опыта. Коллективная память китайской аудитории, связанная с этим выражением, превращается в инструмент понимания британской политики. Подобный приём усиливает выразительность новости и показывает, как интертекстуальные образы помогают сблизить разные культурные и политические контексты.

Пр. 3: 崔天凯称，如果对中国毫无了解，仅是凭想象甚至怀疑来定位中国，那就是“杯弓蛇影”，害了自己。（人民网，2023年10月29日） Цуй Тянькай заявил, что если определять позицию Китая, не имея о нём никаких знаний,

а лишь полагаясь на домыслы и подозрения, то это подобно «змея в кубке, отражённая луком» – такой подход лишь вредит самому себе. (People's Daily Online, 29 октября 2023 г.)

Пр. 4: 记者在采访中了解到, 尽管明知道会浪费, 但多数新人及其家庭还是骑虎难下, 担心档次低了丢面子。 (人民网, 2024年5月10日) Как выяснилось в ходе интервью, хотя многие понимают, что это приводит к излишним расходам, большинство молодожёнов и их семей оказываются в положении «оседлавших тигра»: они боятся, что более скромное торжество будет воспринято как признак бедности и «потери лица». (People's Daily Online, 10 мая 2024 г.)

В примере 3 используется чэньюй «杯弓蛇影» (отсылка к притче из «История Цзинь / 晋书», в которой человек, приняв отражение лука в винной чаше за змею, заболел от страха). Эта китайская идиома описывает ситуацию, когда человек сам создаёт проблемы из-за необоснованных страхов. В своём выступлении Цуй Тянькай обратил внимание на то, что восприятие Китая через призму стереотипов может привести к искажённому пониманию и неблагоприятным последствиям. Здесь культурный образ подчёркивает проблему непонимания и добавляет смысловой акцент на необходимости объективного подхода.

В примере 4 использован чэньюй «сесть на тигра / 骑虎难下» из «Стратегии Сражающихся царств / 战国策», описывающий ситуацию, когда слезть с тигра опаснее, чем продолжать движение. Идиома применена к новобрачным, которые, осознавая бессмысленность трат на роскошные свадьбы, не могут отказаться от них из-за страха «потерять лицо». Это выражение стало метафорой социального давления, подчёркивая противоречие между здравым смыслом и нормами общества.

В китайском медиатексте существует ещё одна форма аллюзии – отсылка к историческим событиям или символическим объектам, выступающим в роли интертекстов.

Пр. 1: 一块固态电池背后的“设备长征路” (证券时报网, 2024年8月24日) За созданием твердотельного аккумулятора стоит «Великий поход» разработки

оборудования» (*Securities Times*, 24 августа 2024 г.)

Великий поход / 长征 (1934–1935) – ключевое событие под руководством Коммунистической партии Китая, в ходе которого Красная армия, пройдя около 25 000 ли ($\approx 12\,500$ км) через 11 провинций от Цзянси до Шэньси, проложила путь к войне сопротивления против японских захватчиков. Данный исторический контекст трансформировался в символ преодоления трудностей. В современных технологических сообщениях выражение «Великий поход разработки оборудования» реализует дискурсивную функцию через временную и пространственную аналогию. Данная метафора уподобляет процесс разработки аккумуляторов историческому событию, позволяя читателям, далёким от технических деталей, оценить масштаб исследовательских трудностей.

Пр. 2: 年轻一代跨太平洋 “以球会友” , 重温 “破冰之旅” , 续写中美人民半个多世纪的 “乒乓友谊” 新篇。(新华网, 2024年04月10日) Молодое поколение через Тихий океан «завязывает дружбу через мяч», возрождает «ледокольную миссию» и продолжает писать новую главу «пинг-понг дружбы» между народами Китая и США, которая длится уже более полувека. (*Xinhua net*, 10 апреля 2024 г.)

Пр. 3: 全球市场短期会否再遇 “黑色星期一” (新华网, 2024年08月07日) Будет ли мировой рынок снова сталкиваться с «чёрным понедельником» в краткосрочной перспективе? (*Xinhua net*, 7 августа 2024 г.)

В примере 2 используется отсылка к известной «пинг-понговой дипломатии», которая началась в 1971 году, когда американская и китайская сборные по настольному теннису встретились, что стало символом разморозки отношений между двумя странами после периода напряжённости. «Пинг-понг дружба» также отсылает к прошлому, подчёркивая, что спорт всё ещё играет ключевую роль в укреплении отношений между народами.

В примере 3 «чёрный понедельник» – отсылка к историческим событиям, когда мировые финансовые рынки переживали крупные кризисы. Выражение используется как метафора возможных экономических проблем или

нестабильности на мировых рынках, что создаёт контекст ожидания повторения трагических событий на рынке, акцентируя внимание на финансовых рисках и неопределённости. В обоих случаях текст использует исторические и культурные отсылки для создания контекста и подчёркивания значимости событий в рамках более широкой исторической или экономической перспективы.

Пр. 4: 北京大学国家发展研究院副院长余淼杰表示, 如果各个国家两两之间签署贸易协定, 各协定的不同规则就会出现 “意大利面碗” 现象。 (新华网, 2022 年 1 月 1 日) Юй Мяоцзе, вице-президент Национального исследовательского института развития при Пекинском университете, считает, что если страны будут заключать торговые соглашения исключительно на двусторонней основе, то различные правила каждого соглашения приведут к появлению феномена «клубка спагетти». (Xinhua Net, 1 января 2022 г.)

Пр. 5: 摆脱 “长衫” 焦虑 不只是大学生的事 (人民网, 2023年03月17日) Избавиться от тревоги «длинного халата» – задача не только студентов. (People's Daily Online, 17 марта 2023 г.)

В примере 4, интертекст «клубка спагетти» восходит к теории, предложенной экономистом Джагдиш Бхагвати в 1995 году. Изначально Дж. Бхагвати обозначал феномен усложнения торговой системы, возникающий из-за различий в правилах определения страны происхождения и преференциальных режимах между отдельными соглашениями в рамках преференциальных торговых договорённостей. Данное явление характеризуется невозможностью эффективной координации нормативных положений. Юй Мяоцзе, используя интертекстуальный образ «клубка спагетти» в качестве визуальной метафоры, демонстрирует сложность многосторонних соглашений, что позволяет широкой аудитории интуитивно воспринять хаотичное состояние нормативных конфликтов.

В примере 5, образ «длинного халата» из рассказа Лу Синя «Кон Ицзи / 孔乙己 », первоначально символизировавший маргинального интеллигента эпохи упадка империи, в современном китайском медиатексте трансформировался в метафору кризиса идентичности образованной молодёжи. Использование

интертекста в данном предложении отражает стремление к освобождению от общественных стереотипов и устаревших представлений о карьере и жизни, что является важным аспектом современного китайского общества.

Таким образом, в китайском медиатексте использование аллюзий не только делает язык более выразительным и многозначным, но и придаёт новостным материалам эмоциональную насыщенность и концептуальную глубину. Благодаря использованию классических элементов из истории, культуры и литературы, СМИ могут передавать сложные эмоции и значения в ограниченном пространстве, одновременно вызывая отклик и размышления у читателей. Например, четырёхсложные китайские идиомы, аллюзии или культурные символы в медиатексте часто становятся не только инструментом передачи информации, но и мостом для межкультурного диалога с аудиторией. Аллюзия, вызывая знакомые культурные ассоциации, усиливает выразительность текста и позволяет автору затронуть общественные, политические и экономические темы в понятном для аудитории культурном контексте.

Используя аллюзии, СМИ не только переосмысливают традиционную культуру, но и обращаются к современным социальным проблемам. Будь то обращение к китайской истории или раскрытие актуальных социальных напряжений, такая языковая стратегия подчёркивает передачу и инновации в культурной идентичности. В целом, аллюзия как важная языковая стратегия способствует углублению языка в СМИ Китая, отражая мощь языка и влияние культуры.

2.5. Фигуры интертекста в русских и китайских медиатекстах: парафраз

В рамках исследования интертекстуальности в русских и китайских медиатекстах парафраз понимается как комплексное явление языковой трансформации, причём особый интерес представляет парафраз как способ трансформации прецедентных единиц. Как отмечает В.П. Москвин, сущность парафраза «состоит в изменении лексического состава устойчивого выражения или текста» [Москвин, 2011, с. 118]. Этот процесс предполагает диалектическое

взаимодействие между устойчивыми языковыми формулами и креативными механизмами их преобразования.

Основной формой реализации парафраза действительно выступает языковая игра. Рассматривая языковую игру как форму лингвокреативной (ассоциативной) деятельности говорящих, Т.А. Гридина отмечает, что «сам эффект языковой игры продуцируется собственно не условиями речевого контекста, а условиями системного контекста знака и отражением модели языка в сознании индивидов, способностью к нарушению механизма вероятностного прогнозирования» [Гридина, 1996, с. 8]. Лексика – «наиболее гибкая и динамичная система языка, так как отзывается на любые экстралингвистические изменения созданием новых слов и выражений» [Клушина, 2023, с. 52]. Понимание языковой игры получает развитие в работах М.Н. Кожиной, рассматривающей языковую игру как тип речевого поведения, базирующийся на «деструкции речевой нормы с целью создания неканонических языковых форм и структур, приобретающих в результате этой деструкции экспрессивное значение и способность вызывать у слушателя / читателя эстетический и, в целом, стилистический эффект» [Кожина, 2006, с. 657].

Таким образом, парафраз предстаёт как динамический процесс трансформации узуальных структур через призму языковой игры. С одной стороны, парафраз как фигура интертекста укоренён в системе языка, с другой – актуализирует креативный потенциал речевой деятельности.

2.5.1. Характерные черты парафраза в русском медиатексте

Парафраз как фигура интертекста занимает значимое место в русском медиатексте, демонстрируя высокую частотность употребления в новостных заголовках. Данный приём предполагает стратегическую адаптацию устоявшихся культурных элементов – фразеологизмов, литературных цитат, кинематографических названий, пословиц и других прецедентных феноменов, с целью их актуализации в новых коммуникативных условиях. Особую эффективность парафраз приобретает в новостных заголовках, опираясь на

узнаваемые культурные коды (крылатые выражения, названия произведений и др.), он обеспечивает мгновенное установление эмоционального контакта с аудиторией и заменяет ключевой компонент устойчивой конструкции. Это сознательное нарушение шаблонного восприятия, разрушая идиоматическую целостность выражения, активирует денотативное значение лексемы и стимулирует читательский интерес. Таким образом, реализуется одна из ключевых прагматических задач медиатекста – привлечение внимания в условиях информационной конкуренции.

Наиболее распространённой формой реализации парафраза выступает лексическая субституция. Данный приём заключается в замене компонента устойчивого выражения на другое слово, что приводит к двойному эффекту: деконструкции глубинного смысла исходной конструкции и реанимации прямого значения слова. Рассмотрим следующие примеры:

*Пр. 1: **Подмётки не годятся**: кабмин просят пресечь фальсификат импортной обуви (Известия, 14 декабря 2023 г.)*

*Пр. 2: **Плодитесь и поощряйтесь**. Можно ли простимулировать рождаемость и чем – кнутом или пряником (Коммерсантъ, 3 ноября 2024 г.)*

*Пр. 3: **«Мать Армения» зовёт**. Армянская оппозиция требует отставки Никола Пашиняна (РБК, 21 сентября 2023 г.)*

*Пр. 4: **Смартфоны детям не игрушка**. Как на Западе борются с вредным влиянием соцсетей на подрастающее поколение (Коммерсантъ, 2 марта 2024 г.)*

*Пр. 5: **Из пункта М в пункт П**. «Ъ» напоминает, сколько времени уходило в разные времена на дорогу из Москвы в Петербург по воде, по земле и по воздуху (Коммерсантъ, 30 ноября 2024 г.)*

Исходным источником интертекста в примере 1 является русский фразеологизм «в подмётки не годится». Трансформация лексемы «годится» в форму множественного числа «годятся» реализует не столько грамматическую адаптацию, сколько актуализацию семантического компонента непригодности, эксплицируя несоответствие фальсифицированной обувной продукции стандартам качества. Такой парафраз не только сохраняет предостерегающий смысл фразеологизма, но и

делает более актуальной и точной в контексте обсуждаемой темы.

Текстом-источником для интертекстуального элемента в примере 2 является библейская фраза «Плодитесь и размножайтесь». Слово «размножайтесь» заменено на «поощряйтесь». Это изменение добавляет юмора и подчёркивает административный, стимулирующий аспект темы, связанный с государственной программой по стимулированию рождаемости. Замена на более мягкое и мотивирующее слово делает заголовок более актуальным и подходящим для обсуждения государственной политики, при этом сохраняя отсылку к классическому выражению.

Текстом-источником для интертекстуальности в примере 3 является советский фильм. Замена «Родина» на «Армения» переводит классическую фразу «Родина-мать зовёт» в политический призыв к Армении. Данная замена имеет явный политический привкус и отражает текущую политическую ситуацию в Армении. Благодаря данной пародии название трансформирует обычное выражение патриотизма в озабоченность политической ситуацией, с сильным эмоциональным призывом.

Интертекстуальный элемент в примере 4 взят из предупреждающего сообщения: «Спички детям – не игрушка». Заменено «Спички» на «смартфоны», что отражает современную проблему влияния технологий на детей. Это подчёркивает, что смартфоны – не просто развлечение, а инструмент с серьёзными последствиями. Парафраз здесь делает заголовок актуальным и ярким, отражая текущие проблемы общества, такие как влияние технологий на развитие детей.

Интертекстуальный элемент в примере 5 адаптирован из цитаты Альберта Эйнштейна: «Логика может привести вас из пункта А в пункт Б, а воображение – куда угодно». Элементы цитаты были адаптированы в заголовок с изменением контекста: здесь «пункт М» и «пункт П» предполагают реальные географические точки (Москва и Петербург), а не абстрактные концепты. Цитата Альберта Эйнштейна, будучи широко известным культурным феноменом, при использовании в контексте прагматической темы (расчёт времени в пути между Москвой и Санкт-Петербургом) создаёт эффект междискурсивного взаимодействия. Возникающая

ассоциация с интеллектуальной сферой вступает в контраст с предметом статьи. Подобное семантическое напряжение не только привлекает внимание, но и обогащает заголовок культурными коннотациями, трансформируя утилитарное сообщение в многослойный текст.

Есть несколько интересных примеров, когда изменение отдельных букв в слове создаёт языковую игру. Также встречаются случаи, когда слова имеют одинаковое произношение, но совершенно разные значения.

*Пр. 1: **Подкупательная способность.** Байден получил от израильского лобби \$4 млн (Известия, 29 ноября 2023 г.)*

*Пр. 2: **Не хочется, а НАТО.** Йенса Столтенберга не отпускают с поста генсека альянса (Коммерсантъ, 4 июля 2023 г.)*

*Пр. 3: **Закатать Кубу** – Каким будет последний матч России в 2023 году. (Известия, 20 ноября 2023 г.)*

*Пр. 4: **Старики и горе:** почему частные дома престарелых остаются вне контроля. (Известия, 19 декабря 2023 г.)*

*Пр. 5: **Утильные истории:** россияне приобретают автомобили перед повышением платежей. (Известия, 13 декабря 2024 г.)*

В примере 1 исходным источником интертекста является устойчивое выражение «покупательная способность». Заголовок играет на контрасте между нейтральным понятием «способность» и негативным значением «подкуп», что создаёт ироничную окраску. Это подчёркивает идею коррупционного давления, при этом сдерживает прямолинейность обвинений, создавая пространство для более глубокого анализа.

Текстом-источником для интертекстуального элемента в примере 2 является пословица «Не хочется, а надо». Использование слова НАТО в качестве заменителя слова «надо» акцентирует внимание на политической повестке, которая также воспринимается как нечто обязательное и не поддающееся сомнению. Интертекстуальные элементы в примере 3 адаптированы из фразы «закатать губу». В заголовке ловко использованы похожие звуки «к» и «г» в русском языке и заменены слово «губа» на слово «Куба».

Текст-источник для примера 4 – это название произведения Эрнеста Хемингуэя «Старик и море». Замена «море» на «горе» делает заголовок более трагичным и социально значимым. Интертекст здесь не просто отсылка к литературному произведению, но и способ акцентировать внимание на социальной проблеме, которой подвергаются пожилые люди в частных домах престарелых. Данный парафраз также добавляет серьёзный эмоциональный заряд к теме и вызывает у читателя сопереживание.

Отдельный тип парафраза связан с добавлением в устойчивое выражение слова с противоположным значением, что приводит к смысловой инверсии. Данный приём вызывает деконструкцию исходного смысла. Рассмотрим следующие примеры:

Пр. 1: Зоны без ответственности: какие военные базы Финляндия передает США. (Известия, 19 декабря 2023 г.)

Пр. 2: Голос без Америки. Приезд на президентские выборы наблюдателей из недружественных стран под вопросом. (Известия, 8 декабря 2023 г.)

В примере 1 используется отсылка к устойчивой фразе «зоны ответственности» – термин из политического, военного и управленческого лексикона, обозначающий сферу, за которую отвечает конкретная структура, организация или государство. Оригинальное словосочетание «зоны ответственности» трансформировано в «зоны без ответственности», что придаёт ироничную или критическую окраску. В предложении появляется двойной смысл: формально – это просто передача баз, но в подтексте – тревога, скепсис, возможно, даже обвинение в политической безответственности.

Текст-источник в примере 2 представляет собой название известной международной радиостанции «Голос Америки». Интертекстуальный элемент, используемый здесь, больше не имеет отношения к «Голосу Америки», но возвращается к своему собственному значению.

Существует также форма парафраза, которая трансформируется на грамматическом уровне и уровне семантической сочетаемости, например:

Пр. 1: Мы все глядим «Наполеона»: хит Ридли Скотта вышел в российских

кинотеатрах. (Известия, 29 ноября 2023 г.)

Пр. 2: **Игра с престолом.** Израиль не допустит Аббаса руководить сектором Газа. (Известия, 8 декабря 2023 г.)

Пр. 3: **Аварийность сдвигают к обочине.** Федеральные дорожники отчитались о снижении смертности на трассах. (Коммерсантъ, 21 января 2023 г.)

Пр. 4: **Ставки дальнего плавания.** Кредиты с переменным процентом ограничивают законодательно. (Коммерсантъ, 11 июня 2024 г.)

Пр. 5: **Непедагогический состав преступления.** Директору института дали девять лет колонии по делу о мошенничестве с Универсиадой. (Коммерсантъ, 11 октября 2024 г.)

Представленные примеры 1–2 демонстрируют креативную адаптацию устойчивых языковых структур через грамматическое переформатирование. В первом случае («Мы все глядим “Наполеона”») наблюдается трансформация строки А.С. Пушкина «Мы все глядим в Наполеоны»: замена «в Наполеоны» на прямое дополнение «Наполеона» сохраняет синтаксический каркас, но переключает семантику с литературным на кинематографический контекст. Во втором примере («Игра с престолом») грамматическая модификация проявляется в замене родительного падежа («престолов» в оригинальном названии сериала «Игра престолов») на творительный падеж с предлогом «с», что создаёт эффект интерактивности, данная игра слов усиливает ассоциацию с политическими играми и борьбой за власть.

Примеры 3–5 используют парафраз на уровне сочетаемости, создавая новые смысловые слои за счёт изменений в устойчивых выражениях и терминах. Данный тип примеров демонстрирует семантическую адаптацию через внедрение терминологии из смежных областей (техническая сфера → дорожная инфраструктура; мореплавание → финансы; педагогика → юриспруденция) при сохранении синтаксических структур оригинальных выражений, которые адаптируются к новым коммуникативным контекстам.

В русском медийном языке парафраз становится мощным инструментом для

создания ярких и эмоционально насыщенных заголовков. Отсылки к известным фразам, пословицам, литературным произведениям или устойчивым выражениям, подвергнутые изменениям, создают многозначные фразы, которые не только привлекают внимание, но и активируют у читателя глубокие ассоциации. Исходя из примеров, мы видим, что основными функциями перефразирования в языке российских СМИ являются: 1) создание ярких и запоминающихся заголовков – изменения в известных выражениях делают их более заметными, привлекая внимание читателя; 2) косвенная оценка происходящего – за счёт иронии, сарказма или критики, парафразы помогают создать дополнительные смысловые слои, давая автору возможность выразить отношение к событию или явлению; 3) активизация ассоциативных связей – парафраз способен выйти за пределы буквального содержания, вызывая у получателя определённые эмоции или размышления, что делает текст более глубоким и многозначным.

Парафраз не только выполняет роль информативного элемента, но и становится инструментом для создания риторической глубины, провоцируя читателя на размышления о подтексте и контексте. Таким образом, использование парафраз в медийном языке помогает авторам эффективно сочетать информативность с эмоциональной выразительностью, делая текст не только доступным, но и насыщенным, многозначным и провокационным.

2.5.2. Характерные черты парафразы в китайском медиатексте

В китайской медиапрактике широко используется приём парафразы, который позволяет изменить исходные выражения, сохраняя их основную структуру, но внося новые смыслы. Парафраз активно работает с известными культурными элементами, что привлекает внимание аудитории и позволяет передавать информацию ярко и убедительно, именно поэтому данный приём часто используется в новостных заголовках. Основанный на интертекстуальности, парафраз помогает создавать многозначные и запоминающиеся заголовки, которые легко воспринимаются и вызывают у читателя дополнительные ассоциации.

В отличие от русского медиатекста, формы парафраза в китайском медиатексте проявляются менее разнообразно. Анализ собранного материала показывает, что частота использования парафраза как проявления интертекстуальности в китайском медиатексте ниже, чем в русском медиатексте. Наиболее распространённой формой парафраза является замена образов при сохранении исходной структуры. Рассмотрим конкретные примеры:

Пр. 1: 成也共享, 败也共享。不少企业人士认为, 共享单车风潮对自行车企业的冲击是全面的, 不仅打乱了企业生产节奏, 也提高了生产成本。(经济日报, 2023年8月7日) Успех – в шеринговой экономике, крах – в шеринговой экономике. Многие представители бизнеса считают, что волна шеринговых велосипедов нанесла всеобъемлющий удар по велосипедным производителям: не только нарушила производственные ритмы предприятий, но и повысила производственные издержки. (Economic Daily, 7 августа 2023 г.)

Критический нарратив о двустороннем эффекте шеринговой экономики конструируется в данном высказывании через интертекстуальную стратегию пародийной адаптации идиомы «Успех – от Сяо Хэ, крах – от Сяо Хэ / 成也萧何, 败也萧何». Данная фраза восходит к историческому эпизоду из «Ши цзи / 史记» («Исторические записки», глава «Хуайиньский хоу / 淮阴侯列传»), посвящённому отношениям Хань Синя и Сяо Хэ. Первоначально идиома обозначала парадоксальную ситуацию, при которой один и тот же фактор выступает одновременно ключевым условием успеха и коренной причиной поражения. В данном примере автор снижает когнитивную нагрузку на читателя через адаптацию исторической аллюзии в современный экономический контекст. Такая стратегия позволяет быстро усвоить многогранное влияние шеринговых велосипедов на развитие велосипедной индустрии без пространных объяснений и делает текст более понятным и динамичным.

Пр. 2: 渝北: 满园春色关不住 万亩梨花俏枝头 (人民网, 2022年3月17日) Юйбэй (Чунцин): Весенние краски переполняют сады – сдержать невозможно, на ветвях мириады груш белоснежным цветением горделиво кичатся. (People's

Daily Online, 17 марта 2022 г.)

Данное выражение представляет собой интертекстуальную парафразу знаменитых строк поэта эпохи Сун Е Шаовэна из стихотворения «Бесполезное посещение сада» (宋代, 叶绍翁, «游园不值»): «Весенние краски переполняют сады – сдержать невозможно, алый абрикос пробивается сквозь ограду». Оригинальные стихи изображают пышное цветение абрикосов, воплощающее жизненную энергию и динамизм весны. В современной адаптации вторая часть катрена заменена на «мириады груш белоснежным цветением горделиво кичатся», что сохраняет поэтическую образность первоисточника, одновременно интегрируя локальный пейзаж цветущих груш. Во-первых, цитирование классических строк усиливает литературный и эстетический смысл высказывания и привлекает внимание читателей. Во-вторых, сочетание классических строк с местным природным пейзажем усиливает ощущение местной культурной самобытности и привлекательность продвижения туризма. Кроме того, подобное переосмысление классических строк отражает преемственность и обновление традиционной культуры, а также демонстрирует интеграцию локальных мотивов с классическим культурным наследием. Такое сочетание усиливает эстетическую выразительность медиатекста и способствует росту его коммуникативного воздействия.

Пр. 3: “点菌成金”: 重庆高新区的振兴“菇事” (新华网, 2024年08月09日) «Из грибов – золото»: как Чунцинская зона высоких технологий возрождается через «грибную историю». (Xinhua Net, 9 августа 2024 г.)

Пр. 4: 四个月价格暴涨5倍, 印尼巧妇难为无“辣”之炊 (中国新闻网, 2023年11月21日) «Без перца и кулинарка не повар»: за 4 месяца цены на перец в Индонезии взлетели в 5 раз. (China News, 21 ноября 2023 г.)

Пр. 5: 2024年“村BA”球王争霸赛全国总决赛收官 (新华网, 2024年10月15日) «Деревенская BA» – национальный финал турнира за титул «короля мяча»-2024 завершился. (Xinhua Net, 15 октября 2024 г.)

Данные три примера тоже демонстрируют уникальное использование интертекстуальности в китайском медиатексте через культурный контекст,

адаптацию пословиц и передачу многозначных смыслов, что делает их интересными и выразительными в контексте новостей. В примере 3 выражение «превратить грибы в золото / 点菌成金» является адаптацией китайской пословицы «превратить камень в золото / 点石成金», где «камень» заменён на «грибы». В оригинальной пословице говорится о чудесном превращении простого камня в золото, что символизирует превращение чего-то обыденного в ценное. Здесь данное выражение связывает традиционную мудрость с современным экономическим развитием Чунцина.

В примере 4 пословица «Хорошая хозяйка не сварит суп без риса» (巧妇难为无米之炊) получает современное и локальное переосмысление. Через замену «риса» на «перец» медиатекст передаёт современные экономические реалии Индонезии, где рост цен на специи стал заметной проблемой. Такая адаптация сохраняет узнаваемую структуру пословицы, но переносит её смысл в сферу бытовой экономики. Одновременно игра с образом перца подчёркивает культурное значение пряностей в азиатской кухне и придаёт высказыванию живой и выразительный характер.

В примере 5 используется «村BA» как местная адаптация аббревиатуры – «сельская баскетбольная ассоциация», что является юмористическим и локализованным подходом, отражающим влияние спорта на сельские районы Китая. Это отсылка к американской NBA, но с китайским колоритом.

Китайские иероглифы обладают уникальной особенностью: один и тот же звук может соответствовать множеству разных иероглифов, каждый из которых имеет собственное значение. В китайском медийном языке парафраза иногда использует данную особенность для языковой игры: заменяя иероглифы с одинаковым звучанием, можно полностью изменить смысл выражения, например:

Пр. 1: 春到齐鲁 万象“耕”新 :山东推进农业高质量发展一线观察 (新华网, 2024年04月06日) Весна пришла в Цилу, всё вокруг обновляется с весенней пахотой: наблюдения с передовой по высококачественному развитию сельского хозяйства в Шаньдуне (Xinhua Net, 6 апреля 2024 г.)

Пр. 2: 湖畔小城“新”潮澎湃 (新华网, 2024年4月15日) Маленький город у озера: **новая волна захлёстывает.** (Xinhua Net, 15 апреля 2024 г.)

Пр. 3: 闻“汛”而动, 迅速集结! 黔东南司法行政人在行动 (人民网, 2024年07月02日) Услышав о наводнении, быстро собираемся! Судебные и административные работники в Гуйчжоу действуют молниеносно. (People's Daily Online, 2 июля 2024 г.)

Пр. 4: 中国“飞鱼”勇“潘”高峰 (新华网, 2024年08月02日) Китайская «плывущая рыба» (Пань Чжанле) решительно преодолевает вершины. (Xinhua Net, 2 августа 2024 г.)

В примере 1 «всё вокруг обновляется с весенней пахотой / 万象“耕”新» использует игру иероглифа между «耕 / gēng» (пахать) и «更 / gēng» (обновлять), чтобы подчеркнуть, как весна и сельское хозяйство обновляют не только землю, но и все аспекты жизни в регионе. В примере 2 каламбур «“新”潮澎湃» через игру иероглифа между «新 / xīn» (новый) и «心 / xīn» (сердце) формирует образ города, переживающего волны новых изменений и модернизации. Здесь используется метафора «волны», которая переносит читателя в динамичную и изменяющуюся атмосферу. В примере 3 играет на схожести звуков в иероглифах «汛 / xùn» (паводок) и «讯 / xùn» (сообщение). В этом выражении сочетается двойной смысл: «сообщение» и «наводнение», что создаёт образ оперативного реагирования в чрезвычайной ситуации. В примере 4 сочетается фамилия спортсмена Пань (潘 / pān) с идиомой «勇攀高峰 / yǒng pān gāo fēng» (решительно преодолевает вершины), с помощью всего четырёх иероглифов передаётся больше информации.

Другим приёмом адаптации является добавление слов с отрицательной семантикой, что позволяет сохранить часть исходного образа и одновременно расширить его значение. Рассмотрим их при комментировании следующих примеров:

Пр. 1: 这些年, 我们努力完善交通基础设施, 蜀道不再难于上青天。(人民网, 2024年12月20日) За эти годы нам удалось существенно улучшить

транспортную инфраструктуру – теперь «дорога в Сычуань» больше не «труднее, чем подняться на небо». (People's Daily Online, 20 декабря 2024 г.)

В данном предложении используется интертекстуальная отсылка к произведению Ли Бая «Трудная дорога в Шу» (李白, «蜀道难»). Оригинальная строка звучит так: «Дорога в Сычуань сложнее, чем подняться на небо». Выражение изначально описывало плохую, опасную и неудобную дорогу в Сычуань, а позднее стала метафорой экстремальных жизненных трудностей, объединяя двойную символику: географической опасности и экзистенциального кризиса. В современном дискурсе данная цитата функционирует как риторический инструмент контраста, подчёркивающий достижения в развитии транспортной инфраструктуры через диахроническое противопоставление «прошлое и настоящее». Использование интертекстуальности путём цитирования и парафраза классических текстов укрепляет авторитетность сообщения и усиливает культурную идентичность, способствуя когнитивному усвоению важности модернизации транспортной системы. Узнаваемые поэтические образы вызывают эмоциональный отклик и формируют позитивное отношение к происходящим преобразованиям. Благодаря этому авторитет классической литературы выполняет функцию символического подтверждения успехов, не прибегая к прямым декларациям.

*Пр. 2: 高校专业调整忌“新瓶装旧酒” (人民网, 2024年12月25日)
Корректировка вузовских специальностей не должна быть «новой бутылки для старого вина». (People's Daily Online, 25 декабря 2024 г.)*

*Пр. 3: 发展新质生产力要“喜新”不“厌旧” (新华网, 2024年4月9日)
Развивая новые производительные силы: «любите новое», но «не отвергайте старое». (Xinhua Net, 9 апреля 2024 г.)*

«旧瓶装新酒 / jiù píng zhuāng xīn jiǔ» – это идиома, которая означает использование старой формы для представления нового содержания. Во втором примере изменены объекты, которые описывают «новое» и «старое», чтобы лучше соответствовали теме новости. «喜新厌旧 / xǐ xīn yàn jiù» изначально означало

предпочтение нового и отвержение старого, часто используемое для выражения непостоянства в любви. В третьем примере реализуется приём смыслового преобразования, при котором в исходную идиому вводится элемент отрицания, изменяющий её первоначальное значение. Такие выражения через использование парафраза в рамках интертекстуальности создают более глубокое восприятие темы.

Парафраза является важным инструментом в китайской медиапрактике, который не только помогает передавать основную информацию, но и добавляет глубину смыслу, повышает экспрессивность и коммуникативную эффективность текстов. Трансформация устоявшихся выражений позволяет китайским СМИ создавать уникальные и эффективные способы коммуникации, способствующие лучшему восприятию и запоминанию сообщений. Данные примеры формируют многоуровневые когнитивные образы, объединяя языковые элементы и символы, которые соответствуют китайской культурной традиции, что придаёт высказываниям концептуальную глубину. Через такие интертекстуальные элементы адресаты медийных текстах получают возможность декодировать контекстуальные смыслы и осознать значимость описываемых событий. В китайском медиатексте преобразование классических элементов способствует установлению связи между культурной традицией и современными ценностями. Такая стратегия позволяет лаконично передавать сложные идеи и поддерживать культурную идентичность в глобальном информационном пространстве.

Выводы по главе 2

1. Как в русских, так и в китайских медиатекстах интертекстуальность используется широко и выполняет важные функции в построении медиадискурса. Интертекстуальность как ключевая стратегия медийного языка формирует многофункциональную сеть посредством цитирования, аппликации, аллюзии и парафраза. Хотя реализация интертекстуальности в русских и китайских медиатекстах проявляется по-разному, функциональные характеристики практически сходны.

Во-первых, интертекстуальность функционирует как инструмент культурного кода, основанный на коллективной памяти аудитории: узнаваемые образы помогают преобразовать сложные реалии в универсальные символы и снижают когнитивную нагрузку при восприятии информации. Во-вторых, использование интертекстуальности обеспечивает конденсацию содержания и повышает информационную плотность текста. Ориентируясь на культурный опыт реципиентов, данный механизм усиливает эффективность коммуникации и способствует поддержанию читательского интереса. В-третьих, с риторической точки зрения интертекстуальность, опираясь на классические интертексты, придаёт сообщению авторитетность и эмоциональную выразительность. В-четвёртых, интертекстуальность формирует пространственно-временное диалоговое поле, выступая связующим звеном между древними текстами и современными нарративами. Предоставляя традиционным образам новые значения в актуальном контексте, интертекстуальность сохраняет культурную преемственность и одновременно трансформирует её, создавая динамичный механизм воспроизводства смыслов. В заключение интертекстуальность выступает инструментом конструирования идентичности. Посредством повторяющейся активации специфических культурных символов данный механизм укрепляет национальную идентичность и одновременно отражает основные установки государственной идеологии.

2. Согласно классификации В.П. Москвина, четыре фигуры интертекстуальности разделяются на два типа: облигаторная (цитирование) и алеаторная (аллюзия, аппликация, парафраз). По сравнению с другими тремя фигурами, цитирование демонстрирует наибольшую частоту использования в русских и китайских медиатекстах. На основе анализа примеров цитирования установлено: данная реализация не зависит от фоновых знаний реципиента, а идентифицируется через использование глаголов и пунктуации, что минимизирует индивидуальные различия. Это обеспечивает практическую значимость статистических результатов. Результаты исследования показали: 1) частота использования цитирования в русских и китайских медиатекстах сопоставима, с

незначительным преобладанием в русском медиатексте; 2) в русском медиатексте преобладает косвенная речь (58,6%), тогда как в китайском преобладает прямая речь (55,2%).

3. В русском медиатексте частотность использования фигур алеаторной интертекстуальности распределяется следующим образом: парафраз (50%) > аллюзия (29,7%) > аппликация (20,3%). В китайском медиатексте наблюдается иное распределение по частотности: аллюзия (42,7%) > парафраз (36%) > аппликация (21,3%). Аппликация в русском медиатексте чаще всего представлена вкраплениями из Библии, пословиц, литературной классики, тогда как в китайском медиатексте часто опирается на стилистически маркированные фрагменты из классических поэм, народных пословиц и современных культурных продуктов (кинематограф, интернет-мемы). Аллюзия как интертекстуальный приём в русском медиатексте чаще реализуется через крылатые выражения, связанные с историческими мифами, библейскими сюжетами, баснями и литературными источниками; тогда как в китайском медиатексте акцент смещён на специфические культурные символы – четырёхиероглифные идиомы, имена исторических личностей и географические объекты с имплицитным культурным значением. Парафраз в русских и китайских медиатекстах не имеет существенных различий в реализации. В обоих случаях парафраз представляет собой замену образной структуры, что означает, что, сохраняя базовую композицию, эффект достигается за счёт изменения букв / слов (в русском) или иероглифов (в китайском) либо добавления отрицательной семантики.

4. Интертекстуальность занимает центральное место в организации медиатекста и проявляется на содержательном, структурном и знаковом уровнях. В отличие от художественного интертекста, медийная интертекстуальность детерминирована прагматической интенцией автора, которая ограничивает интерпретационные рамки, но при этом сохраняет связь с коллективной культурной памятью. И в русских, и в китайских медиатекстах интертекстуальные приёмы тесно связаны с национальной языковой картиной мира. Интертекстуальность – это важная часть национальной языковой картины мира. Отбор и трансформация

интертекстов не являются случайными: эти процессы отражают устойчивые социокультурные представления, ценностные ориентиры и коммуникативные нормы, характерные для конкретного общества. Активно используемые в медиатекстах интертексты функционируют как репрезентанты коллективного сознания и языкового мышления.

ГЛАВА 3. СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ В РУССКИХ И КИТАЙСКИХ МЕДИАТЕКСТАХ В ЛИНГВОКУЛЬТУРНОМ АСПЕКТЕ

Современная лингвокультурология фокусируется на анализе культурно обусловленной семантики языковых единиц, возникающей на стыке двух кодов – языкового и культурного. Поскольку каждый носитель языка одновременно является представителем определённой культуры, языковые знаки приобретают статус средства репрезентации культурной ментальности, отражая национально специфическое мировосприятие. Как отмечает В.А. Маслова, «Каждый язык по-своему членит мир, т.е. имеет свой способ его концептуализации» [Маслова, 2001, с. 49]. В свою очередь, Е.Ф. Тарасов подчёркивает, что язык включён в культуру, «так как тело знака (означающее) является культурным предметом, в форме которого опредмечена языковая и коммуникативная способность человека, значение знака – это также культурное образование, которое возникает только в человеческой деятельности. ... И наконец, культура включена в язык в том смысле, что вся культура может быть отображена (смоделирована) в тексте» [Тарасов, 1994, с.106]. Язык выступает ключевым средством формирования и хранения знаний человека о действительности. В процессе познания окружающего мира результаты умственной деятельности закрепляются в языковых знаках.

По словам В.И. Карасика, «выяснение и описание различий между лингвокультурами направлено, прежде всего, на установление системных связей между этими различительными характеристиками» [Карасик, 2005, с. 5]. Код каждой культуры имеет некое стабильное ядро, что находит отражение в языке и может раскрываться через анализ «значений слов и выражений, коммуникативных стереотипов и прецедентных текстов» [там же]. Это подчёркивает важность языка как инструмента, который одновременно является и средством общения, и отражением национальной культуры. Как отмечает Г.Д. Гачев, «у каждого народа, культурной целостности, есть свой склад мышления, который и предопределяет картину мира» [Гачев, 1998, с. 37]. Именно через взаимодействие языка и культуры

формируется особый тип национального мышления, который служит основанием для формирования менталитета. Это демонстрирует, что концепт менталитета тесно связан с языком и культурой, поскольку между языком, культура формирует менталитет, а менталитет, в свою очередь, находит отражение в языковых структурах, репрезентирующих картину мира. В работах Л.Н. Пушкарёва менталитет рассматривается как «эмоциональные и ценностные ориентации, коллективная психология, образ мышления и человека, и коллектива» [Пушкарёв, 1995, с. 159]. В.В. Колесов уточняет, что менталитет – это «миросозерцание в категориях родного языка, которое соединяет интеллектуальные, духовные и волевые качества национального характера в его типичных проявлениях» [Колесов, 1995, с. 14]. Это подтверждает, что менталитет включает не только склад ума и способ восприятия мира, но и результаты этого восприятия – образы и представления, а также поведенческий аспект человеческой деятельности. В лингвокультурологическом контексте менталитет можно рассматривать как ключевое звено, связывающее язык с культурной системой ценностей и национальным способом познания действительности. Менталитет представляет собой совокупность характеристик, формирующих мировосприятие народа. Данное понятие можно отнести к категории лингвокультурологических, поскольку в рамках лингвокультурологического подхода наиболее полно раскрывается взаимосвязь языка, культуры и мышления, определяющих особенности национального мировосприятия.

«Темы интертекста, связанные с культурными традициями народа, национальным характером, обычаями, историческим развитием и т.д., поскольку новости охватывают самую большую группу людей, независимо от уровня образования и грамотности, должны находить отклик у большинства населения» [Хань, 2024, с. 423]. В рамках лингвистических и культурных отношений в третьей главе будет проведён сравнительный анализ интертекстуальности в русских и китайских медиатекстах с учётом культурных и языковых особенностей. Такое сопоставление позволяет не только более глубоко понять роль национальной языковой картины мира в использовании интертекстуальных элементов в русских

и китайских медиатекстах, но и выявить, какие элементы культурного кода считаются ключевыми и образуют ядро национальной ментальности в русской и китайской медиапрактике.

3.1. Особенности исходных текстов интертекстуальности в русских и китайских медиатекстах

Типологический анализ текстов-источников необходим для изучения интертекстуальности. В русских и китайских медиатекстах интертексты с высокой частотой воспроизведения, известные большинству целевой аудитории, коррелируют с когнитивно-эмоциональными характеристиками социальных групп и вызывают коллективный культурный резонанс. Таким образом, изучение часто воспроизводимых интертекстуальных элементов в русских и китайских медиатекстах имеет важное значение для анализа национально-культурного пространства и приближает нас к пониманию ядра этнокультурного сознания.

Как отмечал лингвист В.Г. Гак, «любое явление, типы существования которого исследуются, характеризуется многими свойствами, аспектами, объективно ему присущими, и различные типы могут быть выделены в отношении каждого из этих аспектов. Поэтому одну общую типологию для данного явления построить невозможно, она отразит лишь одну – быть может, одну из существенных, – но лишь одну сторону объекта. <...> Первой задачей типологического анализа является, таким образом, установление «типологии типологий», то есть определение тех разнообразных типологических описаний, которые можно создать в отношении данного объекта и которые непосредственным образом вытекают из природы изучаемого явления, отражая его различные стороны» [Гак, 1998, с. 310].

Очевидно, что создание универсальной классификационной системы не соответствует научным принципам. Г.Г. Слышкин считает, что из возможных типов классификаций, нужных для интертекстуального исследования, можно выделить основные формы. Г.Г. Слышкин предложил четыре критерия классификации: «по

носителям прецедентности, по тексту-источнику, по инициатору усвоения и по степени опосредованности восприятия» [Слышкин, 2000, с. 70]. Из множества исследований видно, что чаще всего учёные используют классификацию по жанрам.

Проблема классификации исходных текстов является неотъемлемой частью исследования интертекстуальности. Прослеживание источников интертекстуальности помогает исследователю глубже проанализировать изучаемые тексты. Учёные, в зависимости от акцентов своих исследований, предлагают разные классификации исходных текстов.

С.И. Кузьминская использует термин «воспроизводимые словесные комплексы» и приводит их классификацию. С.И. Кузьминская отмечает, что «фонд воспроизводимых словесных комплексов, представленный в текстах массовой культуры, формируется под воздействием культуры традиционной (высокой или элитарной), культуры народной (или фольклора) и культуры массовой» [Кузьминская, 2002, с. 77]. Среди источников традиционной культуры С.И. Кузьминская выделяет: «тексты художественной литературы и поэтических произведений, библейские тексты, прецедентные ситуации, которые связанные с мировой и национальной историей и культурой». К источникам народной культуры отнесены: «пословично-поговорочный фонд, сказки, народные песни, считалочки и другие фольклорные материалы». «К третьей группе принадлежат тексты: кинофильмов, мультипликационных фильмов, популярных, патриотических песен, тексты песен из теле- и мультипликационных фильмов, прецедентные ситуации, связанные с текущим моментом в жизни общества, реклама, детские стихотворные произведения, теле- и радиопередачи» [Кузьминская, 2002, с. 90].

К.Ю. Рыбачук считает, что «попытки систематизации источников интертекстуальных включений по единому признаку затруднены в связи с тем, что прецедентные тексты могут соотноситься с абсолютно разными сферами жизни общества, иметь разнообразные формы, находиться на стыке нескольких предметных областей». В связи с этим К.Ю. Рыбачук предлагается выделить ряд групп прецедентных текстов на основании их условной соотнесённости с

различными сферами событийно-языковой действительности: политика, общество, религия, литература, массовая культура [Рыбачук, 2019, с. 123]. В своём исследовании Е.А. Нахимова разделила исходный текст на четыре основные области: «1) социальная область: политика, экономика, образование, развлечения, медицина, война, криминал, спорт; 2) художественная область: литература, театр и кино, изобразительные искусства, музыка, архитектура, мифология и фольклор; 3) научная область: математика, физика, химия, биология, история, география, филология; 4) область религии, к которой относятся прецедентные феномены, которые восходят к религиозным текстам» [Нахимова, 2007, с. 89].

Хотя создание универсальной классификационной системы представляется невозможным, исследователь может разработать собственную типологию исходных текстов с учётом специфики материала. Это положение согласуется с точкой зрения учёного Э.А. Китаниной, которая отмечает: «В языке находит отражение особое представление о мире, «схваченном» со стороны субъекта сознания, и заключающееся, прежде всего, в том, что репрезентация мира, его концептуализация и категоризация зависят от субъективных факторов» [Китанина, 2005, с. 14]. На основе анализа материалов, содержащих интертекстуальные элементы в русских и китайских медиатекстах, нами было установлено, что классификация, предложенная исследовательницей Е.А. Нахимовой, наилучшим образом соответствует целям данного исследования. Данная типология отличается логичностью и гибкостью, что позволяет при необходимости дополнять или сокращать категории в процессе анализа. В соответствии с данной методикой в работе применяется следующая рабочая классификация исходных текстов.

1. **Художественная сфера:** литература, кино, телесериалы, музыка, религиозные тексты (Библия), мифология и др.

2. **Социальная сфера:** политика, экономика, социокультурный контекст, право, история и др.

В данном разделе проводится сравнительный анализ примеров алеаторной интертекстуальности, содержащих культурно значимые элементы. Исследование направлено на выявление сходств и различий в реализации интертекстуальных

элементов из художественной и социальной сфер в русских и китайских медиатекстах с учётом их языково-культурной специфики. Мы анализируем исходные тексты по трём аспектам: 1) типология исходных текстов, 2) распределение исходных текстов по времени, 3) собственные и заимствованные исходные тексты.

Для сопоставительного анализа были отобраны 576 фрагментов из русского медиатекста и 612 фрагментов из китайского, каждый из которых содержит интертекстуальные элементы.

1. Типология исходных текстов в русских и китайских медиатекстах

Типы исходных текстов интертекстуальности в русском медиатексте представлены в таблице 4.

Таблица 4 – Разные типы исходных текстов интертекстуальности в русском медиатексте

Область исходного текста	Типы исходных текстов	Процентное соотношение
Художественная сфера (61,8%)	Литература (произведения, писатели и др.)	28,9%
	Кино и телевидение	12,5%
	Музыка (названия песен, тексты песен, композиторы и др.)	4,7%
	Религия (Библия)	7,9%
	Греческая мифология	7,8%
Социальная сфера (38,2%)	Политика (государственная политика, политические тексты и др.)	3,1%
	Экономика (экономическая терминология и др.)	2,4%
	Социокультурный контекст (поговорка, пословица и др.)	21,8%
	История (события, историки и др.)	8,6%
	Наука (физики, биологи и др.)	2,3%

Типы исходных текстов интертекстуальности в китайском медиатексте представлены в таблице 5.

Таблица 5 – Разные типы исходных текстов интертекстуальности в китайском медиатексте

Область исходного текста	Типы исходных текстов	Процентное соотношение
Художественная сфера (65,9%)	Литература (произведения, писатели и др.)	56,4%
	Кино и телевидение	6,6%
	Музыка (названия песен, тексты песен, композиторы и др.)	2,2%
	Религия (Библия)	0,0%
	Греческая мифология	0,7%
Социальная сфера (34,1%)	Политика (государственная политика, политические тексты и др.)	2,5%
	Экономика (экономическая терминология и др.)	5,9%
	Социокультурный контекст (поговорка, пословица и др.)	16,1%
	История (события, историки и др.)	7,4%
	Наука (физики, биологи и др.)	2,2%

Сравнительный анализ таблиц 4 и 5 позволяет выявить уникальность интертекстуальности исходного текста в русских и китайских медиатекстах, а также обозначить различия в культурном фоне и исторических традициях.

Художественная сфера играет ключевую роль как в русских, так и в китайских медиатекстах, но с различными акцентами. В русском медиатексте литература занимает 28,9%, что свидетельствует о глубокой связи с классической и современной русской литературой. Значимыми источниками являются также греческая мифология (7,8%) и религия (7,9%), подчёркивая сильное влияние европейской культурной традиции и христианства на российскую национальную языковую картины мира. Примечательно, что в китайском медиатексте источники, связанные с религией и греческой мифологией, используются крайне редко.

В китайском медиатексте литература занимает значительно большую долю (56,4%), что указывает на преобладание классической китайской литературы как основного источника интертекстуальных элементов. Это обусловлено активным использованием в медиатексте таких традиционных форм, как

четырёхиероглифные идиомы, классическая китайская поэзия и цитаты из древних текстов. Данные элементы не только выполняют риторическую функцию, но и являются важной частью когнитивного ядра китайской культуры, отражая устойчивые национальные модели мышления, историческую память и культурную идентичность.

Минимальное использование элементов греческой мифологии и религии в китайском медиатексте обусловлено несколькими ключевыми факторами. Во-первых, Китай традиционно ориентирован на конфуцианскую философию, которая, акцентируя внимание на морали, семейных ценностях и общественной гармонии, не требует апелляции к религиозным текстам для политической или культурной аргументации. Доминирующую роль вместо этого играют классическая литература и философские трактаты («Дао дэ цзин», «Лунь юй»), отражающие традиционное мировоззрение. Это объясняет высокую долю литературных интертекстов классического происхождения в медиа. Во-вторых, с установлением власти Коммунистической партии Китая в XX веке официальный акцент на атеизм способствовал маргинализации религии в публичной сфере. В условиях социалистического государства религиозные концепции не получили распространения в медиaprостранстве. В-третьих, значимую роль играет культурная дистанция от западных традиций, обусловленная отсутствием в Китае историко-культурных предпосылок для восприятия христианства. Вместо этого в китайском медиатексте активно используются китайские древние стихи, четырёхиероглифные идиомы и другие элементы народной мудрости, отражающие национальную идентичность.

Сравнительный анализ интертекстуальных элементов в социальной сфере в русских и китайских медиатекстах выявил близкие количественные показатели: 38,2% в русском медиатексте и 34,1% в китайском медиатексте. Однако структурное распределение категорий демонстрирует культурно обусловленные различия. В русском медиатексте важную роль играют источники категории социокультурный контекст (21,8%), что указывает на значительное влияние народной мудрости в русском медиатексте. Одна из причин высокой доли таких элементов в

русскоязычных текстах заключается в том, что в русском языке существует большое количество крылатых выражений, которые активно используются в повседневной и публичной речи. В китайском медиатексте также используются источники данной категории (16,1%), что свидетельствует о схожести культурных практик в русских и китайских медиатекстах, направленных на использование традиционных языковых форм для создания социальных и культурных отсылок.

Использование исторических элементов в русских (8,6%) и китайских (7,4%) медиатекстах помогает укрепить культурную идентичность. Ссылаясь на исторические события, великую историю или национальные герои, медиа укрепляют чувство принадлежности к национальной культуре и подчёркивают важность сохранения традиций и ценностей.

2. Распределение исходных текстов по времени в русских и китайских медиатекстах

Исследование временного распределения интертекстуальных элементов в русских и китайских медиатекстах выявило структурные различия, обусловленные историко-культурными контекстами. В анализе распределения временных исходных текстов в русском медиатексте мы делим их на три периода: до XIX века, XIX–XX века и после XX века. Данная временная граница соответствует ключевым историческим этапам для русской и китайской культуры. До конца XVIII века Россия переживала трудный период становления Российской империи, а также это время стало началом золотого века русской литературы, в то время как Китай находился в конце своего последнего феодального периода и переживал упадок после расцвета. В конце XX века произошли важнейшие изменения: распад Советского Союза и образование Российской Федерации, с переходом к экономическим и политическим реформам. В начале XXI века Китай вступил в период быстрого экономического роста и модернизации. «Для того чтобы показать, как имплицитные значения относятся к тексту, необходимо подвергнуть анализу когнитивный, социальный, политический и культурный контексты междо-сообщений» [Кудряшов, 2006, с. 243].

Рассмотрим рисунки 4 и 5.

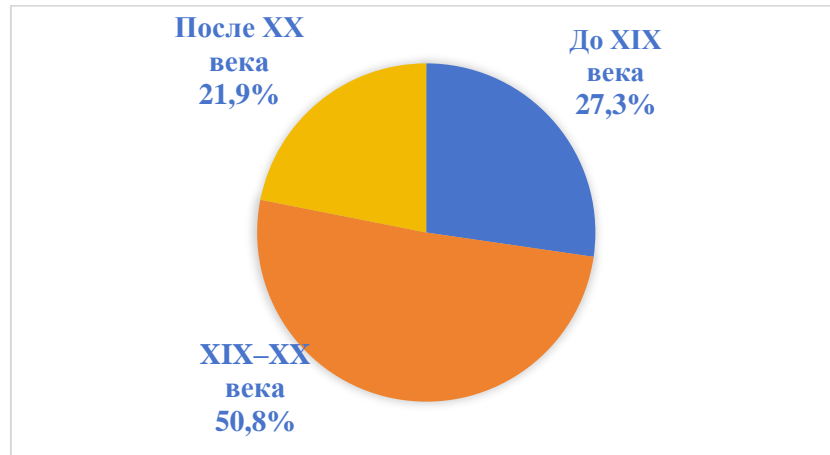

Рисунок 4 – Распределение исходных текстов по времени в русском медиатексте

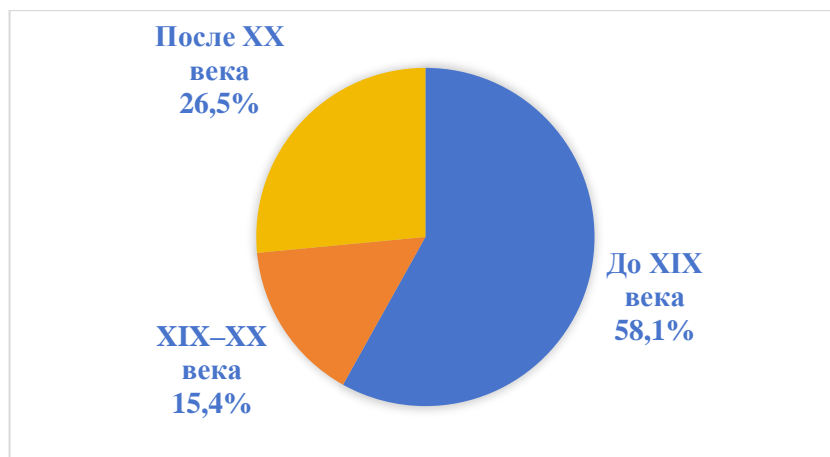

Рисунок 5 – Распределение исходных текстов по времени в китайском медиатексте

В русском медиатексте исходные тексты, созданные до XIX века, такие как Библия и мифология, преобладают в классических источниках. Библия и греческая мифология продолжают использоваться в русских медиатекстах как культурные отсылки и источники нравственных смыслов. «Религия играет значительную роль в формировании культурной идентичности, так как она определяет систему верований, ритуалы, праздники и обычаи, которые передаются от предков и объединяют людей в рамках общины» [Колесникова, 2024, с. 424]. Эти традиционные образы помогают сохранять связь с прошлым и передавать ценности, важные для современной российской культуры. Наибольшую долю составляют исходные тексты XIX–XX веков (50,8%), в которых преобладают

литература и социокультурные элементы, связанные с литературным «золотым веком» России. После XX века увеличивается количество исходных текстов из кино и телевидения, что связано с развитием новых массмедийных форматов.

В китайском медиатексте интертекстуальные источники, восходящие к произведениям, созданным до XIX века, составляют 58,1%. Этот показатель отражает устойчивое влияние классической китайской литературы и философии, в первую очередь конфуцианской, даосской и буддийской традиций. XIX–XX века в Китае были временем глубоких политических и социальных изменений, поэтому произведения этого периода сильнее подвержены идеологическим колебаниям и имеют более ограниченную сферу применения в медиадискурсе, что и объясняет их сравнительно меньшую долю среди интертекстуальных источников.

Данные культурные элементы можно рассматривать как часть культурной памяти в понимании Ю.М. Лотмана, «культура представляет собой коллективный интеллект и коллективную память, то есть надындивидуальный механизм хранения и передачи некоторых сообщений (текстов) и выработки новых» [Лотман, 1992, с. 200]. Культурная, или надындивидуальная, память является «коллективной по источнику формирования и социальной по специфике распространения» [Ярычев, 2022, с. 13]. Содержание культурной памяти, независимо от того, что сохраняется сквозь время, всегда обладает потенциалом воздействия на личность и общество. Как подчёркивает М.Л. Шуб, культурная память отражает «актуальные процессы, явления, ценностные ориентиры» [Шуб, 2018, с. 67]. Данная актуальность не связана с временем, а с вневременной значимостью сохранённых элементов. В словах Ю.М. Лотмана «культурная память как творческий механизм не только панхронна, но противостоит времени. Она сохраняет прошедшее как пребывающее» [Лотман, 1992, с. 201].

Анализируя использование таких элементов, как Библия и греческая мифология в русском медиатексте, или классическая китайская литература в китайском медиатексте, можно увидеть, как культурная память сохраняется через элементы интертекстуальности, которые служат связующим звеном между прошлым и настоящим. Использование библейских и мифологических образов в

русских медиатекстах, а также обращение к идеям конфуцианской, даосской и буддийской традиций в китайских, отражают сохранение культурной памяти и её адаптацию к современному медиaproстранству. Данные интертекстуальные элементы не только передают историческую информацию, но и встраивают символы и ценности прошлого в современные социальные контексты. Из этого следует, что через такие ссылки на исторические тексты культурная память приобретает динамичный характер. Культурная память не только сохраняется, но и регулярно актуализируется в современных медиатекстах, способствуя укреплению культурной идентичности. Исторические источники, ссылаясь на прошлое через интертекстуальность, продолжают оказывать влияние на медиатексты, что является ярким примером того, как культурная память сохраняется и трансформируется в современном медиатексте.

3. Собственные и заимствованные исходные тексты

Мы также провели анализ страны происхождения исходных текстов, разделив их на два типа: исходные тексты, происходящие из собственной страны, и исходные тексты, происходящие из других стран. Рассмотрим в таблице 6.

Таблица 6 – Соотношение собственных и заимствованных исходных текстов в русских и китайских медиатекстах

	Собственные исходные тексты	Заимствованные исходные тексты
В русском медиатексте	57,1%	42,9%
В китайском медиатексте	83,8%	16,2%

В проведённом анализе источников русских и китайских медиатекстов обнаруживаются существенные различия в соотношении внутренних и внешних источников.

В русском контексте 57,1% исходных текстов имеют национальное происхождение, подтверждая влияние локальной литературы, фольклора и мифологии. При этом 42,9% представляют внешние источники, демонстрируя активное участие России в межкультурном диалоге и восприимчивость к западным культурным моделям. Данный баланс отражает способность российской культуры

к интеграции инациональных идей в свою идентичность. Эти данные и выявленная тенденция согласуются с выводами, сделанными Е.А. Нахимовой в исследовании прецедентных феноменов в российских СМИ. «В последние годы в отечественной массовой коммуникации наблюдается заметная активизация прецедентных имён зарубежного происхождения и прецедентных имен, относящихся к сфере массовой культуры» [Нахимова, 2007, с. 181]. В отличие от русского медиатекста, китайский медиатекст демонстрирует выраженную культурную автономию: 83,8% источников укоренены в национальной традиции благодаря доминированию классической литературы, конфуцианства и даосизма. Лишь 16,2% относятся к внешним заимствованиям, что отражает исторически сложившуюся модель культурной самодостаточности, а также стратегию активного поддержания цивилизационной идентичности в условиях глобализации.

Анализ интертекстуальных элементов в медиатексте выявил чёткое различие между собственными и заимствованными отсылками. Собственные элементы интертекста активируют «свой» культурный код, способствуя укреплению национальной идентичности через обращение к исторической памяти и коллективному опыту. Данный процесс коррелирует с концептом «свой» в лингвокультурологии, где языковые единицы функционируют как маркеры принадлежности к определённому культурному пространству. Заимствованные интертексты репрезентируют «чужое», инициируя диалог с иными культурными парадигмами и расширяя культурные горизонты медиатекста. Заимствованные интертексты помогают освоить иные культурные феномены и интегрировать отдельные аспекты в локальный контекст, создавая пространство для культурного обмена и взаимопонимания.

Противопоставления «свой – чужой» присутствует в любом обществе на протяжении истории, поскольку основано на эгоцентрической позиции человека и универсальных механизмах различения и самоидентификации. Как отмечает Ю.С. Степанов в книге «Константах: словаре русской культуры», «противопоставление «свои» и «чужие» в разных видах пронизывает всю культуру и является одним из главных концептов всякого коллективного, массового, народного, национального

мироощущения» [Степанов, 2001, с. 126].

Данная оппозиция является базовой для понимания ключевых функций культуры, которые, по В.В. Красных, включают «конгломерирующую (объединяющая «своих»), дифференцирующую (отгараживающая «своих» от «иных – других – чужих»)» [Красных, 2012, с. 9]. А.Б. Пеньковский также называет оппозицию «свой / чужой» базовой для понимания основных функций культуры и имеющей ценностный и оценочный тексты: «одним из фундаментальных семиотических принципов с глубокой древности является членение универсума на два мира – “свой” и “чужой”, противопоставление которых имеет множественную интерпретацию и реализуется в оппозициях типа “мы” – “они”, “этот” – “тот”, “здесь” – “там”, “близкое” – “далёкое” и мн. др.» [Пеньковский, 2004, с. 13].

В этнолингвистическом словаре оппозиция «свой – чужой» определяется как «одна из основных семантических оппозиций в народной культуре; <...> С последним признаком связаны представления о “своём” и “чужом” пространстве, которое мыслится как совокупность концентрических кругов, при этом в самом центре находится человек и его ближайшее окружение (например: человек-дом-двор-село-поле-лес). Степень “чужести” возрастает по мере удаления от центра “свое” (культурное) пространство через ряд границ (забор, околица, река и т. п.) переходит в “чужое” (природное), которое в свою очередь граничит или отождествляется с потусторонним миром. В фольклорной картине мира “свое” (освоенное достигаемое) и “чужое” (другие страны, “тот свет”) могут соотноситься по вертикали» [Славянские древности: Этнолингвистический словарь, 2009, с. 581]. Данная пространственная модель представляет собой культурный код, лежащий в основе восприятия мира и взаимодействия с ним. Диалектика «свой – чужой» отражает двойственную природу языка – как хранителя культурной нормы и как агента межкультурного взаимодействия. Эта оппозиция, будучи архетипической, остаётся ключом к пониманию того, как культуры через языковые практики конструируют свою уникальность, одновременно вступая в диалог с «другим».

Таким образом, сопоставительный анализ структурно-временных характеристик исходных текстов (включая типологию, хронологическое

распределение и соотношение собственных / заимствованных элементов) в русских и китайских медиатекстах не только раскрывает механизм влияния языковой культуры и исторического контекста на выбор интертекстуальных элементов, но и позволяет выявить ключевые компоненты культурного кода, формирующие ядро национальной ментальности. Интертекстуальность здесь служит инструментом не только для культурно-моральных отсылок, но и для поддержания социокультурных ценностей, отражая исторические, политические и экономические процессы. Тем самым исходные тексты и их использование выполняют роль смысловых мостов между прошлым и настоящим, укрепляя связь культуры и общества через язык и символы.

3.2. Интертекстуальность и перевод

«Переводческая деятельность по определению носит посреднический характер, поскольку ее цель заключается в том, чтобы сделать доступным для читателей перевода сообщение, сделанное автором оригинала на другом языке. Иными словами, благодаря переводу обеспечивается возможность общения между людьми, говорящими на разных языках, возможность межкультурной коммуникации» [Комиссаров, 1990, с. 40]. Перевод не сводится к простой лингвистической трансформации – это процесс межкультурной коммуникации, поскольку язык отражает национальные ценности, этические установки и социокультурные нормы. Переводчик работает не только с языковыми единицами, но и с целыми пластами культурного контекста, зачастую имплицитными. Поэтому при выполнении межкультурного перевода необходимо уделять особое внимание скрытым социокультурным смыслам, заложенным в тексте. Как подчёркивал теоретик перевода Джордж Стайнер (George Steiner), «ключевая проблема заключается в том, чтобы передать в переводе полное семантическое значение, этическую ценность и социокультурно-исторические коннотации значимых слов» [Ляо Ции / 廖七一, 2000, с. 137].

Все переводы материалов с китайского языка на русский язык в рамках

данного исследования были выполнены лично автором. В процессе перевода медиатекстов с китайского языка, содержащих интертекстуальные элементы, было установлено, что переводческие действия охватывают как уровень языковых соответствий, так и уровень культурных и когнитивных трансформаций. Кроме того, было выявлено, что процесс перевода делится на два типа: *внутриязыковой перевод* (интралингвистический) и *межъязыковой перевод* (интерлингвистический).

Внутриязыковой перевод и межъязыковой перевод основаны на классификации, предложенной выдающимся лингвистом и теоретиком литературы Романом Якобсоном (Roman Jakobson): «Внутриязыковой перевод (интралингвистический) – интерпретация определённых языковых знаков внутри одного языка с помощью других знаков того же языка. Межъязыковой перевод (интерлингвистический) – интерпретация языковых знаков одного языка с использованием знаков другого языка. Интерсемиотический перевод – интерпретация языковых знаков посредством невербальных семиотических систем (например, изображений, жестов) или наоборот: интерпретация невербальных знаков с помощью языковых средств» [Jakobson, 1971, p. 261]. Данная классификация послужила основой для дальнейших разработок в области теории перевода, в частности, в исследованиях, направленных на уточнение функциональных различий между видами перевода и их соотношения с культурным контекстом. Следуя данной концепции, китайский учёный Цай Синьлэ уточняет специфику внутриязыкового и межъязыкового перевода. «Если внутриязыковой перевод акцентирует внимание на историческом аспекте интерпретации – он всегда направлен на преобразование классических или неклассических исторических текстов, стремясь адаптировать их к современному культурному контексту, в котором находится переводчик, – то межъязыковой перевод сосредоточен на сопряжении и трансформации разнородных языковых систем в рамках межкультурного пространства, где основными критериями становятся смысловая точность и коммуникативная цель. Таким образом, отношение внутриязыкового перевода к историчности и направленность

межъязыкового перевода на преодоление лингвокультурных различий можно считать их отличительными характеристиками» [Цай Синьлэ / 蔡新乐, 2000, с. 55].

«В последнее время подход к переводу как к «месту встречи» разных дисциплин перенёс внимание учёных с изучения отношений, существующих между двумя языками и, соответственно, текстами, на социальную и культурологическую функцию переводческой деятельности» [Денисова, 2003, с. 208]. Это смещение фокуса привело к переосмыслению самого понятия перевода как лингвистического соответствия. «Первое значительное изменение произошло в переходе от рассмотрения перевода как интерлингвистического феномена к его пониманию как феномена интертекстуального, состоящего в том, что отдельные фразы и выражения оцениваются не в плане эквивалентности в принимающем языке, а с точки зрения внутренней целостности интертекстуальных связей относительно принимающей языковой / культурной системы» [там же, с. 208]. Другими словами, в современной переводоведческой парадигме внимание сместилось от противопоставления «оригинал / перевод» к исследованию взаимодействия между переводом и принимающей культурой. Основной акцент делается на то, как переводной текст влияет на культуру-реципиента, принося в неё новые формы, темы и интерпретации.

В этом контексте И.Э. Клюканов вводит понятия «адаптивного» перевода, который заключается «в различных механизмах компенсации, обеспечивающих “правильную” интерпретацию оригинальных знаков, носит центростремительный характер, если рассматривать в качестве центра культуру-реципиент» [Клюканов, 1998, с. 72], и «резистивного» перевода, помогающего «оригинальным знакам сопротивляться воздействию принимающего коммуникативного универсума; в этом смысле он носит центробежный характер, если центром считать оригинальную культуру» [там же, с. 72]. Данные два подхода позволяют гибко оценивать стратегию перевода с точки зрения культурного баланса между источником и реципиентом. При этом переводческая деятельность не может рассматриваться изолированно от особенностей адресата, поскольку восприятие переведённого текста во многом определяется социальными, когнитивными и

культурными характеристиками получателя. Как отмечается в исследованиях, «когда отправитель, преследуя свою коммуникативную цель (в виде определённой реакции адресата), строит текст, он делает это в расчёте на определённые свойства адресата: возраст, степень осведомлённости по затрагиваемой тематике, общую культуру, образование, его потребности и т.д. При этом адресатом может быть конкретное лицо, группа лиц или массовая аудитория» [Латышев, 2005, с. 28]. Следовательно, эффективность перевода зависит не только от выбора стратегии адаптации или сопротивления, но и от способности переводчика учитывать параметры целевой аудитории, обеспечивая адекватность межкультурной коммуникации.

В целом, современная теория перевода рассматривает перевод как динамическое взаимодействие текстов, кодов и культур, в котором интертекстуальность играет ключевую роль, а перевод становится не столько языковым эквивалентом, сколько культурным актом, формирующим новую смысловую реальность.

При переводе предложений с интертекстуальными элементами в китайских медиатекстах нами были выявлены три основные категории сложностей: 1) перевод китайской классической поэзии, 2) перевод четырёхиероглифных идиом (чэньюев), 3) перевод пословиц и поговорок.

1. Перевод интертекстов, содержащих китайские классические поэзии

«Поэтические произведения содержат литературные, философские и исторические элементы, традиционные моральные нормы и этические ценности, отражая китайскую мудрость. Китайская классическая поэзия занимает незаменимое положение в передаче национальной культуры. Традиционные идеи и гуманистический дух, воплощённые в классической поэзии, формируют культурно-психологический характер народа» [Ши Даожэнь / 史道仁, 2008, с. 137]. Перевод китайской классической поэзии представляет собой «двухэтапный процесс, включающий интралингвистический и интерлингвистический перевод» [Фан Мэнчжи / 方梦之, 2011, с. 122]. При работе с поэтическими произведениями на древнекитайском языке переводчик сначала осуществляет их перевод

(интерпретацию) на современный китайский язык, а затем на основе этой версии создаёт текст на современном русском. Однако при переводе классической поэзии в медиатекстах процесс преобразования древнекитайского языка в современный существует лишь в сознании переводчика, что составляет осознанный или неосознанный интралингвистический этап. Хотя интралингвистический перевод не получает текстового воплощения, существуя лишь в сознании переводчика, данный процесс остаётся неотъемлемым и стратегически важным элементом [Ли Дуо / 李多, 2017, с. 92]. «При осуществлении интралингвистического перевода необходимо учитывать такие факторы, как временные различия, социальные изменения и трансформация культурных обычаев» [Хуан Говэнь / 黄国文, 2012, с. 66].

При переводе классической поэзии переводчик в первую очередь осуществляет интралингвистический перевод (интерпретацию или преобразование древнекитайского текста в современный китайский), что является крайне важным этапом и требует точной трактовки. При наличии этого этапа интралингвистической трансформации межъязыковой перевод становится относительно проще: переводчику достаточно идиоматично передать основной смысл на языке перевода. Например:

Пр. 1: 山重水复疑无路，柳暗花明又一村。不论前路多么难行，坚定信心，勇于开拓，京剧必将走向一个充满光明和希冀的新境界。（人民网，2024年11月26日） **«Горные хребты громоздятся, река извивается изгибами, кажется, пути уже нет... И вдруг среди цветущих ив и персиков село».** Независимо от того, как трудно будет идти вперёд, следует твёрдо верить в себя, быть готовым к новым вызовам, и пекинская опера непременно достигнет нового, светлого и полного надежды горизонта. (People's Daily Online, 26 ноября 2024 г.)

Пр. 2: 雄关漫道真如铁 而今迈步从头越。锦西220千伏变电站改革发展纪实（新华网，2024年01月13日） **Несмотря на непреодолимые преграды, которые кажутся железными, сегодня мы начинаем новый этап, полные решимости двигаться вперёд.** Хроника реформы и развития подстанции 220 кв. в городе Цзиньси. (Xinhua net, 13 января 2024 г.)

Пр. 3: 前事不忘，后事之师。铭记这段历史，是为了从中汲取教训，珍惜来之不易的和平。(新华网，2024年12月16日) Незабывтое прошлое – урок для будущего. Помнить эту историю – значит извлекать из неё уроки и беречь мир, завоеванный ценой великих усилий. (Xinhua net, 16 декабря 2024 г.)

Так, например, при переводе строки «山重水复疑无路，柳暗花明又一村» передаётся метафора внезапного просветления после череды трудностей, в которой отражена философская идея вознаграждённого терпения. Вслед за этим осуществляется интерлингвистический перевод, в котором поэтические образы («горы», «реки», «ива», «цветы», «деревня») заменяются идиоматическими выражениями русского языка, передающими аналогичную семантику: «кажется, пути уже нет... и вдруг – среди цветущих ив и персиков – село». Таким образом, глубинный смысл оригинала сохраняется, одновременно адаптируясь к культурным нормам принимающей стороны.

В случае строки «雄关漫道真如铁 而今迈步从头越», актуализируется идея преодоления препятствий и устремления вперёд. Здесь внутренняя трансформация направлена на понимание метафоры «железных преград» как символа трудностей, а перевод сосредоточен на передаче решимости и начала нового этапа. Похожий переводческий приём используется при передаче пословицы «前事不忘，后事之师», где древний афоризм требует переосмысления в свете современного контекста, а затем адаптации в форме эквивалентного русского изречения «Незабытое прошлое – урок для будущего».

Интерпретативный перевод, безусловно, является наиболее подходящим методом для передачи классической поэзии, однако главный недостаток заключается в утрате канонической метрики и стилистических особенностей оригинала. При переводе поэтических текстов следует учитывать как содержание, так и форму: важно не только что выражает адресант, но и как это делает. В современных медиатекстах при передаче смысла нередко ослабляются стилистические и ритмические особенности оригинала, поскольку приоритет отдается ясности и доступности содержания.

2. Перевод интертекстов, содержащих четырёхиероглифные идиомы

«Уникальная особенность четырёхиероглифных идиом заключается в двухуровневой семантической структуре выражения смысла» [Лю Шусинь / 刘叔新, 2005, с. 139]. Первый уровень представляет собой буквальное значение, тогда как второй уровень содержит имплицитный смысл. Именно имплицитный смысл отражает истинное значение идиоматического выражения.

Перевод интертекстов реализуется на двух уровнях: лингвистическом и культурном. Лингвистический уровень характеризуется прямой и очевидной связью между текстами. На культурном уровне перевода преобладают косвенность и имплицитность, что связано с национальными особенностями – традициями, литературным наследием, политической системой, историческим контекстом, ценностными ориентирами и структурой знаний. Перевод китайских идиом относится именно к культурному уровню. Скрытый смысл китайских идиом выходит за рамки их буквального значения, что делает дословный перевод неэффективным. В китайском медиатексте для передачи подобных интертекстов применяется смысловой метод, обеспечивающий адекватное воспроизведение информации. Например:

*Пр. 1: 到群众中去, 才能对那些发展所需、改革所急、基层所盼、民心所向的问题洞若观火。(人民网, 2023年12月5日) Только через тесное взаимодействие с населением можно **чётко выявить** ключевые проблемы: потребности развития, срочность реформ, ожидания базового уровня и устремления народных масс. (People's Daily Online, 5 декабря 2023 г.)*

*Пр. 2: 美国张罗的所谓第三届“民主峰会”3月18日至20日在韩国粉墨登场(人民网, 2024年3月22日) Третий по счёту так называемый «Саммит за демократию», организованный США, **театрально стартовал** в Южной Корее с 18 по 20 марта. (People's Daily Online, 22 марта 2024 г.)*

В приведённых выше примерах чётко прослеживается переводческая стратегия смысловой адаптации китайских четырёхиероглифных идиом с учётом их культурной и контекстуальной специфики. В первом случае идиома 洞若观火

(буквально: «ясно, как смотреть на огонь») передана как «чётко выявить», что отражает не буквальное, а функционально эквивалентное значение выражения в данном контексте. Если бы переводчик прибегнул к дословной передаче, фраза могла бы звучать как «видно так же ясно, как огонь», что не соответствовало бы нормам русского медиадискурса и исказило бы прагматический эффект оригинала. Во втором примере идиома 粉墨登场 (буквально: «выйти на сцену в гриме») переведена как «театрально стартовал», что сохраняет метафорический характер выражения и одновременно транслирует ироничную окраску, присущую исходному тексту. В случае буквального перевода можно было бы получить формулировку «вышел на сцену в гриме», которая без дополнительного культурного контекста оказалась бы непонятной для русскоязычного читателя. В обоих случаях перевод осуществляется на культурном уровне, поскольку требует не только лингвистической интерпретации, но и учёта национально-специфических образов, отражающих традиционные представления китайской культуры. Это подчёркивает значимость интерпретационного подхода в межкультурной передаче интертекстов, особенно при работе с идиоматикой, насыщенной культурными коннотациями и имплицитными смыслами.

Смысловой подход к переводу полностью учитывает потребности целевой аудитории. Идиомы, переведённые данным методом, вызывают у реципиентов отклик, сходный с реакцией оригинальной аудитории. Благодаря этому достигается функциональная эквивалентность и обеспечивается эффективная передача смысла в медиатексте. Однако не все идиомы требуют смыслового подхода. Часть из них позволяет понять имплицитный смысл через буквальное значение. Для таких случаев применяется дословный перевод, обеспечивающий сохранение образности оригинала. Например:

*Пр. 1: 毛泽东评价他有“大禹治水之功”—马克思主义理论家翻译家吴亮平的治学之道(人民网, 2023年1月11日) Мао Цзэдун, высший руководитель страны, охарактеризовал вклад У Лянпина как «**подвиг Великого Юя в умирении потоков**» – методология научной деятельности теоретика-переводчика*

марксизма У Лянпина. (People's Daily Online, 11 января 2023 г.)

Пр. 2: 崔天凯称，如果对中国毫无了解，仅是凭想象甚至怀疑来定位中国，那就是“杯弓蛇影”，害了自己。(人民网，2023年10月29日) Цуй Тянькай заявил, что если определять позицию Китая, не имея о нём никаких знаний, а лишь полагаясь на домыслы и подозрения, то это подобно «змее в кубке, отражённой луком» – такой подход лишь вредит самому себе. (People's Daily Online, 29 октября 2023 г.)

Указанные идиомы преимущественно основаны на прямых сравнениях с общеизвестными образами, что соответствует общим закономерностям человеческого мышления. Поэтому дословный перевод не создаёт препятствий для понимания. В данных случаях метафорическая природа выражений, несмотря на их культурную специфичность, остаётся универсально воспринимаемой благодаря яркой образности и прозрачной логике сравнения. Таким образом, дословный подход не только допустим, но и предпочтителен, поскольку данный метод сохраняет выразительность и эмоциональное воздействие оригинального текста.

Для точной интерпретации каждой идиомы требуется глубокое знание историко-культурного контекста её возникновения и культурной среды употребления – только это позволяет раскрыть имплицитное значение. Данное требование предполагает не только свободное владение двумя языками, но и понимание обеих культур. Компетентный переводчик должен обладать обширными знаниями в области интертекстуальных связей и применять адекватные методы перевода, чтобы обеспечить точную передачу смысла исходного текста на языке перевода.

3. Перевод интертекстов, содержащих пословицы и поговорки

Пословицы, как правило, существуют в форме законченных предложений, обладают структурной гибкостью и ярко выраженной устной окраской. Они активно используют метафоры (особенно имплицитного типа), отличаются образностью и тесной связью с культурным контекстом – историей, традициями и обычаями. Пословицы можно разделить на два типа: «метафорические – передают идею через конкретный образ-символ (например, природные явления или

предметы); афористические – формулируют мысль напрямую, с использованием лаконичного и доступного языка» [Фань Минь / 范敏, 2007, с. 188].

Процесс перевода можно рассматривать как поиск соответствий между двумя языковыми системами. В русском и китайском языках существуют пословицы с различными образами-символами, но идентичной семантикой. В подобных случаях допустима прямая замена исходной пословицы на пословицу в целевом языке. Такой приём позволяет не только сохранить смысл, но и поддержать функциональную и стилистическую эквивалентность высказывания. Например:

Пр. 1: 对这些讨论，廖新生的要求是，“‘三个臭皮匠顶一个诸葛亮’，我们要让‘臭皮匠’发言。(人民网，2024年4月28日) Ляо Синьшэн призвал: «Ум хорошо, а два лучше» – необходимо привлечь больше участников к обсуждению. (People's Daily Online, 28 апреля 2024 г.)

Пр. 2: 功夫不负有心人，经过调试的系统很成功。在智能设备帮助劳动者摆脱又苦又累的高强度作业环境时，郭东妮看到了自己从事这项工作的意义。(人民网，2024年12月20日) Терпение и труд всё перетрут, после многочисленных испытаний система наконец заработала успешно. Когда интеллектуальные устройства помогают рабочим избавиться от тяжёлых и изнурительных условий труда, Го Дуни осознала подлинную значимость своей профессиональной деятельности. (People's Daily Online, 20 декабря 2024 г.)

В приведённых примерах прослеживается стратегия перевода китайских пословиц путём подбора функционально эквивалентных единиц в русском языке. В первом случае: «三个臭皮匠顶一个诸葛亮» – буквальный перевод: три вонючих кожевенника по разуму не уступают одному Чжугэ Ляну (Чжугэ Лян – символ мудреца и стратега в китайской культуре). Несмотря на кажущуюся комичность, данная пословица подчёркивает силу коллективного разума, даже если каждый участник по отдельности не отличается выдающимися способностями. В переводе используется русская пословица «Ум хорошо, а два лучше», которая близка по смыслу к оригинальному выражению. Несмотря на количественное различие (три против двух), ключевая идея сохранена – коллективное обсуждение может привести

к более взвешенным решениям, чем индивидуальное мнение.

Во втором примере «功夫不负有心人» – дословно: усердие не подводит того, кто старается. Эта китайская пословица отражает идею о том, что труд и настойчивость обязательно приведут к результату. В переводе использована русская поговорка «Терпение и труд всё перетрут», которая по смыслу полностью соответствует исходному выражению, при этом обладает аналогичной ритмикой, стилистикой и является широко узнаваемой для русскоязычного читателя. Выбор именно этой пословицы способствует созданию идентичного прагматического эффекта, что и оригинал: данная пословица вдохновляет, мотивирует и подчёркивает значимость трудолюбия.

Данный подход к переводу соответствует концепции адаптивного перевода, предложенной И.Э. Клюкановым. Адаптация в данном контексте представляет собой этноцентрическое приспособление иностранного исходного текста к ценностям и нормам принимающей культуры, направленное на сокращение культурной дистанции между оригиналом и целевой аудиторией. Такой перевод достигается путём выбора творческих и функционально соразмерных эквивалентов, которые позволяют сделать перевод максимально понятным и приемлемым для реципиента, сохранив при этом его прагматическую направленность и коммуникативную эффективность.

В случаях, когда в целевом языке не находится точного соответствия, целесообразно сохранить образную структуру исходного высказывания. Поскольку большинство пословиц основано на общем жизненном опыте человечества, реципиенты, опираясь на контекст, способны самостоятельно вывести скрытый смысл. Например:

Пр. 1: 天上不会掉馅饼，努力奋斗才能梦想成真。(人民网，2023年1月1日)
Пироги с неба не падают – лишь упорный труд претворяет мечты в реальность
 (People's Daily Online, 1 января 2023 г.)

Пр. 2: 三亚旅游怎样避免“一只苍蝇坏了一锅粥” (人民网，2024年04月01日)
Как избежать ситуации, когда «одна муха портит всю кашу» в туризме

Санья (People's Daily Online, 1 апреля 2024 г.)

В приведённых примерах используется стратегия сохранения оригинального образа. В первом случае выражение «天上不会掉馅饼» (букв. «пирожок не упадёт с неба») представляет собой метафору, подчёркивающую, что успех требует усилий и не приходит сам собой. Хотя такая формулировка не является устойчивой поговоркой в русском языке, выражение интуитивно понятно и передаёт дух народной мудрости. Благодаря контекстуальному сопровождению читатель может легко интерпретировать заложенный смысл.

Аналогичная стратегия прослеживается и во втором примере: «一只苍蝇坏了一锅粥» (букв. «одна муха испортила целый котёл каши»). Здесь также сохранена китайская метафора, которая, несмотря на свою культурную специфику, остаётся понятной, что позволяет передать не только буквальный смысл, но и эмоциональный заряд оригинального выражения.

Перевод интертекстуальных элементов в китайских медиатекстах требует не только языковой компетенции, но и понимания культурного контекста, а также способности к интерпретации скрытых смыслов. Применение различных стратегий, включая смысловой перевод, дословный перевод и поиск функциональных эквивалентов, определяется как типом интертекста, так и коммуникативной задачей перевода. Несмотря на неизбежные потери в передаче формы, грамотная трансляция культурно значимых выражений позволяет сохранить главное – ценностное и когнитивное ядро сообщения. В данном контексте перевод выступает как посредник между культурами, обеспечивающий не просто перенос текста, а воспроизведение его культурной и семиотической глубины. Следует подчеркнуть, что взаимосвязь интертекстуальности и перевода представляет собой обширное и многогранное исследовательское направление. В рамках настоящей работы были рассмотрены лишь некоторые характерные примеры перевода интертекстов из китайского медиатекста на русский язык. Глубокий и системный анализ этого феномена требует дальнейших исследований, которые планируются к проведению на последующих этапах научной работы.

Выводы по главе 3

1. В первом разделе был проведён сопоставительный анализ исходных текстов, используемых в русских и китайских медиатекстах, с целью выявления языковых и культурных различий в реализации интертекстуальности. Исследование охватило три взаимосвязанных аспекта: типологию исходных текстов, их временное распределение, а также различие между собственными и заимствованными источниками.

Анализ интертекстуальных источников, используемых в русских и китайских медиатекстах, показал, что исходные тексты охватывают разнообразные типы. Данное разнообразие отражает открытый характер медиадискурса и свидетельствует об активной интеграции как традиционных, так и современных текстов. Исходные тексты в русском медиатексте демонстрируют большую открытость к заимствованным элементам – религиозным, мифологическим и западноевропейским, тогда как в китайском медиатексте преимущественно используются национальные источники, связанные с классической литературой и историческими текстами. Временное распределение также различается: в русских медиатекстах чаще используются источники XIX–XX веков, тогда как в китайских преобладают тексты от древнего периода и вплоть до XIX века. Всё это свидетельствует о различиях в формах культурной памяти и стратегиях интертекстуальности в русских и китайских медиатекстах.

Использование интертекстуальности в медиатексте в определённой степени отражает ядро национального культурного кода соответствующей культуры, воплощая ключевые ценности и ментальные установки этноса, что позволяет выявить особенности национального сознания, представленные в медиадискурсе.

2. Во второй части главы внимание было сосредоточено на взаимосвязи интертекстуальности и перевода. Исследование началось с разграничения двух типов перевода – внутриязыкового и межъязыкового. Данное разграничение позволило более чётко описать особенности интерпретации интертекстуальных единиц в рамках одного языка и в процессе перехода между двумя языковыми

системами. Было показано, что перевод интертекстуальных элементов требует не только лингвистической эквивалентности, но и учёта социокультурных значений, встроенных в текст. Особое внимание уделялось переводческим стратегиям в отношении китайской поэзии, четырёхиероглифных идиом, пословиц и поговорок. На основе анализа примеров из русских и китайских медиатекстов было выявлено, что при передаче таких элементов переводчик сталкивается с задачей выбора между адаптацией и сохранением оригинального культурного кода. Также было подтверждено, что передача таких элементов требует не только лингвистической эквивалентности, но и глубокого культурного понимания.

Таким образом, интертекстуальность в медиатексте, а также перевод неразрывно связаны с культурной идентичностью, системой ценностей и коллективной памятью общества.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Настоящее исследование посвящено выявлению особенностей интертекстуальности в русских и китайских медиатекстах в лингвокультурном аспекте. Материалом послужили тексты российских и китайских печатных и электронных изданий, а также публикации новостных порталов и онлайн-медиа: «Известия», «РБК», «Комсомольская правда», «РИА Новости», «Xinhua Net», «Guangming Daily», «Sina News», «People's Daily Online» и др.

Основной фокус данного исследования направлен на анализ реализации и функциональных особенностей интертекстуальности в русских и китайских медиатекстах, а также на выявление сходств и различий в типах исходных текстов, используемых в рамках интертекстуальных стратегий.

На основании исходной гипотезы определены ключевые цели и исследовательские задачи, выполнение которых позволило получить следующие выводы:

1. Анализ эволюции теории интертекстуальности показывает её трансформацию от концепции диалогичности М.М. Бахтина к постструктуралистским представлениям текста у Ю. Кристевой, Р. Барта и Ж. Женетта, в рамках которых интертекстуальность выходит за пределы литературоведения и превращается в междисциплинарный теоретический инструмент. Данная трансформация сопровождается критикой структуралистской модели текста и постоянным переосмыслением механизмов смыслопорождения.

Сравнительный анализ академических традиций выявляет, что западная школа, сформировавшаяся на стыке структурализма и постструктурализма, тяготеет к теоретической абстракции и критической рефлексии; российская – опирается на синтез лингвистики, семиотики и литературной критики; китайская – эволюционирует от теоретической рецепции к литературоцентричному и прагматически ориентированному анализу. Выявленные различия отражают культурную обусловленность понятия интертекстуальности. В то же время теоретическая систематизация создаёт междисциплинарный каркас

для сопоставительного анализа медиатекстов.

2. Теоретическое конструирование классификаций интертекстуальности балансирует между динамической адаптацией и контекстуальной реконструкцией. Существующие модели (макро- / микроинтертекстуальность, широкая / узкая, жанровая / конкретная, позитивная / негативная и др.) разрабатываются с различных методологических позиций, каждая из которых обладает уникальными преимуществами и ограничениями. Автор полагает, что классификационный подход лингвиста В.П. Москвина – облигаторная и алеаторная интертекстуальность – демонстрирует наибольшую применимость для анализа интертекстуальности в русских и китайских медиатекстах.

3. Сопоставление интертекстуальности и прецедентного феномена показывает, что оба явления обладают общими чертами – опорой на предшествующее знание, необходимостью культурно-языковой компетенции носителя и наличием эксплицитных либо имплицитных форм выражения. При этом интертекстуальность шире по объёму и концептуальному содержанию: она формируется в постструктуралистской и деконструктивистской парадигме, акцентируя динамическую сеть взаимосвязей между текстами, тогда как прецедентный феномен опирается на когнитивную лингвистику и теорию культурной памяти, требуя высокой степени узнаваемости. Различия прослеживаются на когнитивном, семиотическом и диахроническом уровнях, что позволяет рассматривать прецедентный феномен как частный случай интертекстуальности.

4. Медиатекст, синтезирующий традиционный дискурс и медиасреду, представляет собой сложный семиотический феномен. Медиатекст сочетает свойства классического текста (целостность, связность) со специфическими медийными атрибутами: массовостью, мультимодальностью и технологической опосредованностью. Базовые функции включают коммуникацию, информирование, идеологическое влияние, образование и развлечение. На основе обобщения исследовательских позиций предлагается следующая трактовка интертекстуальности. Интертекстуальность в медийном языке определяется как

процесс формирования многоуровневых смыслов через динамические связи медиатекстов с другими текстами или знаковыми системами. Указанные связи реализуются посредством цитирования, аллюзии, аппликации, парафраза и других методов. С одной стороны, такие механизмы проявляются в заимствовании и переосмыслении существующих культурных символов, с другой – зависят от дифференцированной интерпретации аудитории в конкретном социальном контексте.

5. Интертекстуальность выступает универсальным дискурсивным механизмом в русских и китайских медиатекстах, реализуя ключевые функции через разные фигуры – цитирование, аппликацию, аллюзию и парафраз. Несмотря на культурно обусловленные различия в формах реализации, её функциональные характеристики демонстрируют сходство.

Во-первых, интертекстуальность функционирует как инструмент культурного кода, основанный на коллективной памяти аудитории: узнаваемые образы помогают преобразовать сложные реалии в универсальные символы и снижают когнитивную нагрузку при восприятии информации. Во-вторых, использование интертекстуальности обеспечивает конденсацию содержания и повышает информационную плотность текста. В-третьих, с риторической точки зрения интертекстуальность, опираясь на классические интертексты, придаёт сообщению авторитетность и эмоциональную выразительность. В-четвёртых, интертекстуальность формирует пространственно-временное диалоговое поле, выступая связующим звеном между древними текстами и современными нарративами. Предоставляя традиционным образам новые значения в актуальном контексте, интертекстуальность сохраняет культурную преемственность и одновременно трансформирует её, создавая динамичный механизм воспроизводства смыслов. Ключевым аспектом является роль интертекстуальности в конструировании национальной идентичности через повторяющуюся активацию культурных символов.

6. В рамках данного исследования интертекстуальность в русских и китайских медиатекстах разделяется на два типа: облигаторную (цитирование) и

алеаторную (аллюзия, аппликация, парафраз). Цитирование демонстрирует наибольшую частоту в обоих языковых контекстах, при этом в русском медиатексте преобладает косвенная речь, тогда как в китайском преобладает прямая речь. В русском медиатексте частотность использования фигур алеаторной интертекстуальности распределяется следующим образом: парафраз > аллюзия > аппликация. В китайском медиатексте наблюдается разная иерархия: аллюзия > парафраз > аппликация.

7. В рамках данного исследования был осуществлён сопоставительный анализ интертекстуальных источников, используемых в русских и китайских медиатекстах. Выявленное разнообразие субъектов и типов исходных текстов отражает инклюзивный характер медиадискурса. Современный медиатекст сочетает как классические источники, так и современные интертекстуальные элементы. Такая совмещённость свидетельствует о высокой степени гибкости медиаязыка, способного интегрировать материалы различных эпох и культурных уровней. В русском медиатексте находят применение как национальные, так и заимствованные источники, что указывает на сравнительно большую открытость к религиозным, мифологическим и западноевропейским элементам. В китайской медиапрактике, напротив, доминируют отсылки к собственным культурным истокам — преимущественно к классической литературе, созданной на древнекитайском языке. С точки зрения хронологии, в русском медиатексте преобладают отсылки к источникам XIX–XX веков, тогда как в китайском чаще используются тексты, восходящие к древним временам и периоду до XIX века. Данные различия отражают особенности коллективной памяти и культурные приоритеты, формирующие стратегию использования интертекстуальности в русских и китайских медиатекстах.

8. Специфика использования интертекстуальности в русских и китайских медиатекстах в определённой степени отражает ядро национального культурного кода. Выбор интертекстов, способы их трансформации и контекстуального внедрения обусловлены устойчивыми представлениями о ценностях, исторической памяти и риторических традициях. Через такие интертекстуальные практики в

медиатексте проявляются особенности национального сознания, языкового мышления и ментальных установок.

9. Далее внимание было сосредоточено на переводе интертекстуальных единиц с китайского языка на русский язык. Особый акцент сделан на переводческих подходах к поэтическим текстам, четырёхиероглифным идиомам, пословицам и поговоркам. Успешная передача интертекста требует не только языковой точности, но и глубокого понимания культурно-исторического фона, а также продуманного выбора между сохранением оригинального культурного кода и его адаптацией к целевой аудитории.

Перспективы дальнейшего исследования интертекстуальности в русских и китайских медиатекстах связаны с расширением корпуса анализа и включением новых форм медиакommunikации – телевизионных и аудиовизуальных, что позволит проследить трансформацию интертекстуальных стратегий в цифровой среде. В дальнейшем возможно применение когнитивно-дискурсивного подхода для более глубокого понимания механизмов порождения и восприятия интертекстуальных связей. Кроме того, перспективным направлением является изучение особенностей перевода интертекстуальных элементов между русским и китайским языками, что позволит выявить закономерности передачи культурно-специфических смыслов и разработать более эффективные стратегии межъязыковой интерпретации медиатекстов.

Исследование показало, что интертекстуальность в русских и китайских медиатекстах выполняет не только текстовые и стилистические функции, но и глубинную культурно-семантическую роль. Выбор и интерпретация исходных текстов интертекстуальности тесно связаны с языковой картиной мира, системой ценностей и культурной идентичностью каждой страны. Интертекстуальность в медиатексте выступает важным инструментом символического выражения идеологий, культурной памяти и национальной самопрезентации в условиях глобальной информационной среды.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Научная и учебно-методическая литература

1. Алефиренко, Н.Ф. Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания, культуры / Н.Ф. Алефиренко. – Москва : Academia, 2002. – 391 с.
2. Андреева, С.Л. Интертекстуальность как способ объективации концептов / С.Л. Андреева // Интертекст в художественном и публицистическом дискурсе: сборник докладов Международной научной конференции, Магнитогорск, 12–14 ноября 2003 года. – Магнитогорск : Магнитогорский государственный университет, 2003. – С. 45–53.
3. Арбузова, В.Ю. Прецедентность в русском языке как лингвистический и культурный феномен: на материале научных и эпистолярных текстов: специальность 10.02.01 «Русский язык» : диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук // Арбузова Виктория Юрьевна ; Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина. – Елец, 2007. – 202 с.
4. Арнольд, И.В. Проблема диалогизма, интертекстуальности и герменевтики (в интерпретации художественного текста): Лекции к спецкурсу / И.В. Арнольд ; Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена. – Санкт-Петербург : Образование, 1995. – 59 с.
5. Арнольд, И.В. Проблемы интертекстуальности / И.В. Арнольд // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. – 1992. – Вып. 4. – С. 53–61.
6. Арнольд, И.В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность: сборник статей / И.В. Арнольд ; Санкт-Петербургский государственный университет. – Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского университета, 1999. – 444 с.
7. Артамонова, Ю.Д. Герменевтический аспект языка СМИ / Ю.Д. Артамонова, В.Г. Кузнецов // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. – Москва : Издательство Московского государственного университета, 2003. – С. 32–49.
8. Арутюнова, Н.Д. Фактор адресата / Н.Д. Арутюнова // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. – Москва : Наука, 1981. – Т. 40. –

№ 4. – С. 356–367.

9. Ашуркова, Т.Г. Язык и дискурс средств массовой информации в XXI веке / Т.Г. Ашуркова [и др.] ; под ред. М.Н. Володиной. – Москва : Академический проект, 2011. – 331 с.

10. Барт, Р. Избранные работы: семиотика. Поэтика: перевод с французского / Р. Барт ; сост., общ. ред. и вступ. ст., Г.К. Косикова. – Москва : Прогресс, 1989. – 615 с.

11. Барт, Р. S/Z / Р. Барт ; пер. с фр. Г.К. Косикова и В.П. Мурат. – Москва : Академический Проект, 2009. – 373 с.

12. Бартминьский, Е. Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике: [пер. с пол.] / Е. Бартминьский. – Москва : Индрик, 2005. – 527 с.

13. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. – Москва : Искусство, 1986. – 444 с.

14. Бахтин, М.М. Проблемы поэтики Достоевского / М.М. Бахтин. – Москва : Художественная литература, 1972. – 470 с.

15. Бахтин, М.М. Человек в мире слова / М.М. Бахтин. – Москва : Издательство Российского открытого университета, 1995. – 139 с.

16. Баширова, Н.З. Типология интертекстов в прессе / Н.З. Баширова // Учёные записки Казанского университета. Гуманитарные науки. – 2011. – № 6. – С. 191–203.

17. Башкатова, Ю.А. Лингвистические особенности описаний портрета в интертекстуальном аспекте: на материале английской литературы XVIII–XX веков: специальность 10.02.04 «Германские языки» : диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук / Башкатова Юлия Алексеевна ; Кемеровский государственный университет. – Кемерово, 2003. – 188 с.

18. Брагина, Н.Г. Память в языке и культуре / Н.Г. Брагина. – Москва : Языки славянских культур, 2007. – 514 с.

19. Брагина, Н.Г. Социокультурные конструкты в языке / Н.Г. Брагина. – Москва : Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2005. – 358 с.

20. Бразговская, Е.Е. Языки и коды. Введение в семиотику культуры: учебное пособие / Е.Е. Бразговская. – Пермь : Пермский государственный педагогический университет, 2008. – 198 с.
21. Бромлей, Ю.В. Этнос и этнография / Ю.В. Бромлей. – Москва : Наука, 1973. – 280 с.
22. Бюлер, К. Теория языка. Репрезентативная функция языка: пер. с нем. / К. Бюлер ; пер. с нем. – 2-е изд. – Москва : Прогресс, 2000. – 501 с.
23. Валгина, Н.С. Теория текста / Н.С. Валгина. – Москва : Логос, 2003. – 173 с.
24. Васильев, А.Д. Интертекстуальность: прецедентные феномены: учебное пособие по направлению Педагогическое образование / А.Д. Васильев. – Москва : Флинта : Наука, 2013. – 341 с.
25. Васильчикова, Т.Н. Теория интертекста в филологии: основные этапы исторического формирования / Т.Н. Васильчикова // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. – 2016. – Т. 18. – № 1–2. – С. 189–196.
26. Вежбицкая, А. Дискурс и культура / А. Вежбицкая, К. Годдард // Жанры речи. – 2002. – № 3. – С. 118–156.
27. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание: пер. с англ. / А. Вежбицкая ; отв. ред. и сост. М.А. Кронгауз ; вступ. ст. Е.В. Падучевой. – Москва : Рус. слов., 1996. – 411 с.
28. Вербицкая, М.В. Теория вторичных текстов: на материале современного английского языка: специальность 10.02.04 «Германские языки» : автореферат диссертации на соискание учёной степени доктора филологических наук / Вербицкая Мария Валерьевна ; Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. – Москва, 2000. – 47 с.
29. Владимирова, Н.Г. Категория интертекстуальности в современном литературоведении / Н.Г. Владимирова // Литературоведение на пороге XXI века. – Москва, 1998. – С. 182–188.
30. Воробьёв, В.В. Лингвокультурология / В.В. Воробьёв. – Москва :

Российский университет дружбы народов, 2008. – 336 с.

31. Воробьёв, В.В. Теоретические и прикладные аспекты лингвокультурологии: специальность 10.02.01 «Русский язык» : диссертация на соискание учёной степени доктора филологических наук / Воробьёв Владимир Васильевич. – Москва, 1996. – 395 с.

32. Воробьёв, В.В. Лингвокультурология в новой парадигме гуманитарного знания XXI века: от теории к практике / В.В. Воробьёв // Изучение и преподавание русского языка в разных лингвокультурных средах: сборник статей Международной научно-практической конференции молодых учёных, Москва, 23–24 сентября 2019 года / Под общей редакцией В.М. Шаклеина. – Москва : РУДН, 2019. – С. 8–17.

33. Гаврикова, Ю.С. Интертекстуальность англоязычных антиутопий: специальность 10.02.04 «Германские языки» : диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук / Гаврикова Юлия Сергеевна ; Воронежский государственный университет. – Воронеж, 2012. – 240 с.

34. Гак, В.Г. Языковые преобразования / В.Г. Гак. – Москва : Шк. «Языки русской культуры», 1998. – 763 с.

35. Галеева, Н.Л. Параметры художественного текста и перевод / Н.Л. Галеева. – Тверь : Тверской государственный университет, 1999. – 154 с.

36. Гальперин, И.Р. Текст как объект лингвистического исследования / И.Р. Гальперин. – Москва : Наука, 1981. – 139 с.

37. Гачев, Г.Д. Национальные образы мира: курс лекций / Г.Д. Гачев. – Москва : Академия, 1998. – 432 с.

38. Головкин, Б.Н. Интертекст в массмедийном дискурсе / Б.Н. Головкин. – Москва : ЛИБРОКОМ, 2011. – 264 с.

39. Горшков, А.И. Русская стилистика. Стилистика текста и функциональная стилистика: учебник / А.И. Горшков – Москва : АСТ : Астрель, 2006. – 366 с.

40. Гридина, Т.А. Языковая игра: стереотип и творчество / Т.А. Гридина. – Екатеринбург : Уральский государственный педагогический университет, 1996. – 215 с.

41. Гришаева, Л.И. Интертекстуальность как фактор риска в переводческой деятельности / Л.И. Гришаева // Язык, коммуникация, социальная среда. –2012. – № 10. – С. 46–68.
42. Гришаева, Л.И. Прецедентные феномены как культурные скрепы (к типологии прецедентных феноменов) / Л.И. Гришаева // Феномен прецедентности и преемственность культур. – Воронеж : Воронежский государственный университет, 2004. – С. 15–46.
43. Гудков, Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации / Д.Б. Гудков. – Москва : Гнозис, 2003. – 288 с.
44. Гуревич, А.Я. Человек и культура: Индивидуальность в истории культуры: [Сб. ст.] / АН СССР, Науч. совет по истории мировой культуры ; Отв. ред. А.Я. Гуревич. – Москва : Наука, 1990. – 238 с.
45. Дедова, О.В. Лингвистическая концепция гипертекста: основные понятия и терминологическая парадигма / О.В. Дедова // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. – Москва : Издательство Московского университета, 2001. – №4. – С. 22–36.
46. Денисова, Г.В. В мире интертекста: язык, память, перевод / Г.В. Денисова – Москва : Азбуковник, 2003. – 297 с.
47. Добросклонская, Т.Г. Медиалингвистика: актуальные направления изучения медиаречи / Т.Г. Добросклонская // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2020. – № 4. – С. 22–33.
48. Добросклонская, Т.Г. Вопросы изучения медиатекстов: Опыт исследования современной английской медиаречи / Т.Г. Добросклонская. – Изд. 3-е. – Москва : URSS, 2010. – 286 с.
49. Добросклонская, Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ (современная английская медиаречь): учебное пособие / Т.Г. Добросклонская. – Москва : Флинта. Наука, 2008. – 263 с.
50. Добросклонская, Т.Г. Медиалингвистика: теория, методы, направления. – Москва, 2020. – 180 с.
51. Желтухина, М.Р. Специфика речевого воздействия тропов в языке СМИ:

специальность 10.02.19 «Теория языка» : автореферат диссертации на соискание учёной степени доктора филологических наук / Желтухина Марина Ростиславовна ; Институт языкознания РАН. – Москва, 2004. – 44 с.

52. Желтухина, М.Р. Тропологическая суггестивность масс-медиального дискурса: о проблеме речевого воздействия тропов в языке СМИ: монография / М.Р. Желтухина – Москва : Институт языкознания РАН; Волгоград : Издательство ВФ МУПК, 2003. – 654 с.

53. Женетт, Ж. Фигуры: В 2-х т. / Ж. Женетт; пер. с фр. Е. Васильевой и др. – Москва : Издательство им. Сабашниковых, 1998. – 472 с.

54. Засурский, Я.Н. Колонка редактора: медиатекст в контексте конвергенции / Я.Н. Засурский // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. – 2005. – № 2. – С. 3–6.

55. Золотухина, Е.Н. Категория интертекстуальности в современном русском языке: специальность 10.02.01 «Русский язык» : диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук / Золотухина Елена Николаевна ; Вятский государственный университет гуманитарный. – Калуга, 2009. – 207 с.

56. Ильин, И.П. Современное зарубежное литературоведение (страны Западной Европы и США): концепции, школы, термины. Энциклопедический справочник / Науч. ред. и сост. И.П. Ильин, Е.А. Цурганова. – Москва : Интрада – ИНИОН, 1996. – 319 с.

57. Ильин, И.П. Стилистика интертекстуальности: Теоретические аспекты / И.П. Ильин // Проблемы современной стилистики. – Москва : ИНИОН, 1989. – С. 186–207.

58. Ильин, И.П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм / И.П. Ильин. – Москва : Интрада, 1996. – 253 с.

59. Ионова, С.В. Лингвопсихология эмоций в концепциях современного языкознания / С.В. Ионова // Вопросы психолингвистики. – 2022. – № 1 (51). – С. 26–39.

60. Ионова, С.В. Эмоциональная доминанта текста: некоторые лингвистические аспекты исследования / С.В. Ионова // Вестник Волгоградского

государственного университета. Серия 2: Языкознание. – 2023. – Т. 22. – № 1. – С. 13–27.

61. Казак, М.Ю. Современные медиатексты: проблемы идентификации, делимитации, типологии / М.Ю. Казак // Медиалингвистика. – 2014. – № 1 (4). – С. 65–75.

62. Казак, М.Ю. Медиатексты в аспекте теории интертекстуальности и прецедентности / М.Ю. Казак, А.А. Махова // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. – 2011. – № 24 (119). – С. 175–181.

63. Карасик, В.И. Аксиология власти в русской лингвокультуре / В.И. Карасик, Э.А. Китанина // Русистика. – 2023. – Т. 21. – № 1. – С. 97–110.

64. Карасик, В.И. Иная ментальность / В.И. Карасик [и др.] ; Науч.-исслед. лаб. «Аксиол. Лингвистика». – Москва : Гнозис, 2005. – 349 с.

65. Карасик, В.И. Языковая матрица культуры / В.И. Карасик ; Науч.-исслед. лаб. «Аксиологическая лингвистика». – Москва : Гнозис, 2013. – 318 с.

66. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – Москва : Гнозис, 2004. – 389 с.

67. Карасик, В.И. Аксиология власти в русской лингвокультуре / В.И. Карасик, Э.А. Китанина // Русистика. – 2023. – № 1. – С. 97–110.

68. Карасик, В.И. Осмысление порядка в русской лингвокультуре / В.И. Карасик, Э.А. Китанина // Русский язык как иностранный: традиции и новации: Сборник материалов Первой международной научно-практической конференции, Москва, 7–8 декабря 2023 года. – Москва : Московский государственный лингвистический университет, 2024. – С. 54–61.

69. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – Изд. 6-е. – Москва : Изд-во ЛКИ, 2007. – 261 с.

70. Катышев, П.А. Визуальная метафора в сатирических поликодовых текстах интернет-коммуникации: на примере карикатур и демотиваторов об антироссийских санкциях / Б. Чжан, П.А. Катышев // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2023. – Т. 16. – № 2. – С. 602–608.

71. Катышев, П.А. Лингвоаксиологическая трансформация риторической

критики в дискурсе блогосферы / П.А. Катышев, П.К. Иванов // Общая и русская лингвоаксиология. – Москва : Канцлер. – С. 313–346.

72. Китанина, Э.А. Концепты «своё / чужое» в современной лингвокультурологической ситуации / Э.А. Китанина, А.В. Гармаш // Молодой учёный. – 2016. – № 7–4 (111). – С. 23–26.

73. Китанина, Э.А. Прагматика иноязычного слова в русском языке: специальность 10.02.01 «Русский язык» : диссертация на соискание учёной степени доктора филологических наук / Китанина Элла Анатольевна ; Кубанский государственный университет. – Краснодар, 2005. – 304 с.

74. Китанина, Э.А. Интертекстуальность в речи министра иностранных дел Китая Цин Гань / Э.А. Китанина, Хань Хайянь // Актуальные проблемы русистики: взгляд молодых, научно-практ. конф. с междунар. участием, 14 апреля 2023 г. – Элиста : Издательство Калмыцкого университета, 2023. – С. 69–72.

75. Китанина, Э.А. Аксиологические границы блогосферы digital natives / Э.А. Китанина // Русский язык за рубежом. – 2023. – № 2 (297). – С. 29–33.

76. Клеменова, Е.Н. Персуазивная функция масс-медийных текстов: эвиденциальность и эпистемическая модальность / Е.Н. Клеменова, И.А. Кудряшов // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2016. – Т. 15. – № 6. – С. 93–99.

77. Клушина, Н.И. Введение в интернет-стилистику: учебник / Н.И. Клушина, А.В. Николаева. – Москва : Флинта, 2020. – 238 с.

78. Клушина, Н.И. Медиастилистика / Н.И. Клушина // Экология языка и коммуникативная практика. – 2014. – № 2. – С. 69–75.

79. Клушина, Н.И. Тенденции развития лексики русского языка в коммуникативном пространстве интернета / Н.И. Клушина // Terra Linguistica. – 2023. – Т. 14. – № 3. – С. 52–60.

80. Клюканов, И.Э. Динамика межкультурного общения: системно-семиотическое исследование / И.Э. Клюканов. – Тверь : ТГУ, 1998. – 99 с.

81. Ковтуненко, И.В. Референция и ее связующий потенциал в блогговом тексте / И.В. Ковтуненко // Известия Южного федерального университета.

Филологические науки. – 2021. – Т. 25. – № 1. – С. 100–111.

82. Ковтуненко, И.В. Риторическая природа текстов блогов / И.В. Ковтуненко // Актуальные проблемы русского языка и методики его преподавания: традиции и инновации: сборник статей XIX Всероссийской научно-практической конференций молодых ученых с международным участием, Москва, 15 апреля 2022 года. – Москва : Российский университет дружбы народов (РУДН), 2022. – С. 3–8.

83. Колесникова, С.М. От смысла к тексту: лингвокогнитивное исследование / С.М. Колесникова. – Москва : Московский педагогический государственный университет, 2023. – 240 с.

84. Колесникова, С.М. Роль кинематографии в формировании культурной идентичности: история, традиции и ценности / С.М. Колесникова, В.В. Колесникова // Ученые записки Новгородского государственного университета. – 2024. – № 3 (54). – С. 420–430.

85. Колесов, В.В. Ментальные характеристики русского слова в языке и в философской, интуиции / В.В. Колесов // Язык и этнический менталитет. – Петрозаводск : Издательство Петрозаводского государственного университета, 1995. – С. 13–24.

86. Комиссаров, В.Н. Теория перевода: лингвистические аспекты: Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. / В.Н. Комиссаров. – Москва : Высш. шк., 1990. – 253 с.

87. Коновалова, М.В. Глобальные категории когерентности и интертекстуальности в юридическом дискурсе: специальность 10.02.19 «Теория языка» : диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук / Коновалова Мария Владимировна. – Челябинск, 2008. – 215 с.

88. Корнилов, О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. – Москва : ЧеРо, 2003. – 349 с.

89. Костомаров, В.Г. Старые мехи и молодое вино: Из наблюдений над рус. словоупотреблением конца XX в. / В.Г. Костомаров, Н.Д. Бурвикова. – Санкт-Петербург : Златоуст, 2001. – 71 с.

90. Костыгина, К.А. Интертекстуальность в прессе: на материале немецкого языка: специальность 10.02.04 «Германские языки» : диссертация на соискание

учёной степени кандидата филологических наук / Костыгина Ксения Александровна ; Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена. – Санкт-Петербург, 2003. – 308 с.

91. Красных, В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: лекционный курс / В.В. Красных. – Москва : Гнозис, 2002. – 282 с.

92. Красных, В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В.В. Красных. – Москва : Гнозис, 2003. – 374 с.

93. Красных, В.В. Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и коммуникации / В.В. Красных, Д.Б. Гудков, И.В. Захаренко, Д.В. Багаева // Вестник МГУ. Серия: Филология. – 1997. – № 3. – С. 62–85.

94. Красных, В.В. Язык, сознание, коммуникация: сборник статей / Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. – Москва : МАКС Пресс, 2012. – Вып. 44. – 112 с.

95. Кремнева, А.В. Интертекстуальность как одна из форм межтекстового взаимодействия в семиотическом пространстве культуры: монография / А.В. Кремнева. – Барнаул : АлтГТУ им. И.И. Ползунова, 2017. – 378 с.

96. Кремнева, А.В. Интертекстуальность как предмет изучения литературоведения и лингвистики интегративный подход / А.В. Кремнева // Филология и человек. – 2010. – № 1. – С. 7–19.

97. Кристева, Ю. Семиотика. Исследования по семанализу / Ю. Кристева; пер. с фр. Э.А. Орловой. – Москва : Академический проект, 2013. – 285 с.

98. Кристева, Ю. Избранные труды: Разрушение поэтики / Ю. Кристева ; пер. с фр. Г.К. Косиков, Б.П. Нарумов. – Москва : РОССПЭН, 2004. – 652 с.

99. Кристева, Ю. Французская семиотика. От структурализма к постструктурализму / Ю. Кристева ; пер. с фр. и вступ. ст. Г.К. Косикова. – Москва : ИГ Прогресс, 2000. – 533 с.

100. Кубрякова, Е.С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике / Е.С. Кубрякова // Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты: сборник обзоров. – Москва : ИНИОН РАН, 2000. – С. 5–13.

101. Кубрякова, Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: части

речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е.С. Кубрякова. – Москва : Языки славянской культуры, 2004. – 555 с.

102. Кудряшов, И.А. Имплицитные смыслы как лингвистическая основа разграничения факта и мнения в рамках независимых региональных печатных СМИ / И.А. Кудряшов // Юрислингвистика. – 2006. – № 7. – С. 240–248.

103. Кудряшов, И.А. Феномен коммуникативной свободы в устном и письменном дискурсе: специальность 10.02.19 «Теория языка» : диссертация на соискание учёной степени доктора филологических наук / Кудряшов Игорь Александрович ; Ростовский государственный педагогический университет. – Ростов-на-Дону, 2005. – 337 с.

104. Кузнецова, Н.Н. Интертекст и языковая игра / Н.Н. Кузнецова // Интертекст в художественном и публицистическом дискурсе: сборник докладов Международной научной конференции, Магнитогорск, 12–14 ноября 2003 года. – Магнитогорск : Магнитогорский государственный университет, 2003. – С. 406–411.

105. Кузьмина, Н.А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка / Н.А. Кузьмина. – Изд. 3-е, испр. и доп. – Москва : URSS, 2006. – 269 с.

106. Кузьмина, Н.А. Интертекст: тема с вариациями: феномены языка и культуры в интертекстуальной интерпретации / Н.А. Кузьмина. – Изд. 2-е, испр. и доп. – Москва : ЛИБРОКОМ, 2010. – 271 с.

107. Кузьмина, Н.А. Современный медиатекст: учебное пособие / Отв. ред. Н.А. Кузьмина. – 2-е изд., испр. – Москва : Флинта : Наука, 2013. – 409 с.

108. Кузьминская, С.И. Фоновые знания в массовой культур: специальности 10.02.01 «Русский язык», 10.02.19 «Теория языка» : диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук / Кузьминская Светлана Игоревна ; Орловский государственный университет. – Орёл, 2002. – 177 с.

109. Латышев, Л.К. Технология перевода: Учеб. пособие для студ. лингв, вузов и фак. / Л.К. Латышев. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Издательский центр «Академия», 2005. – 320 с.

110. Леонтьев, А.А. Прикладная психолингвистика речевого общения и

массовой коммуникации / А.А. Леонтьев ; под ред. А.С. Маркосян, Д.А. Леонтьева, Ю.А. Сорокина. – Москва : Смысл, 2008. – 271 с.

111. Леонтьев, А.А. Психология общения: учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Психология» / А.А. Леонтьев. – 3-е изд. – Москва : Смысл : Academia, 2005. – 365 с.

112. Линькова, М.В. Лингвокультурологический анализ прецедентных текстов на материале социальных сетей / М.В. Линькова, Т.А. Кадоло // Вестник ХГУ им. Н.Ф. Катанова. – 2014. – № 7. – С. 55–59.

113. Литвиненко, Т.Е. Интертекст в аспектах лингвистики и общей теории текста: монография / Т.Е. Литвиненко. – Иркутск : ИГЛУ, 2008. – 308 с.

114. Лотман, Ю.М. Избранные статьи: Т. 1: Статьи по семиотике и типологии культуры / Ю.М. Лотман. – Таллинн : Александра, 1992. – 479 с.

115. Лотман, Ю.М. Семиотика кино и проблемы киноэстетики / Ю.М. Лотман. – Таллинн : Ээсти раамат, 1973. – 135 с.

116. Лукшик, Л. Интертекстуальность в рекламном дискурсе: на материале рекламы ФРГ: специальность 10.02.04 «Германские языки» : диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук / Лукшик Ливия ; Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. – Москва, 2011. – 155 с.

117. Лунькова, Л.Н. Интертекстуальность художественного текст: оригинал и перевод: специальность 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» : диссертация на соискание учёной степени доктора филологических наук / Лунькова Лариса Николаевна ; Российский университет дружбы народов. – Москва, 2011. – 544 с.

118. Лушникова, Г.И. Интертекстуальность художественного произведения: учебное пособие / Г.И. Лушникова. – Кемерово : КемГУ, 1995. – 82 с.

119. Макаров, М.Л. Основы теории дискурса / М.Л. Макаров. – Москва : Гнозис, 2003. – 276 с.

120. Макарова, А.С. Роль крылатых выражений-галлицизмов в построении публицистических текстов / А.С. Макарова // Медиалингвистика. – 2017. – № 3 (18).

– С. 41–50.

121. Мамаева, А.Г. Лингвистическая природа и стилистические функции аллюзии: специальность 10.02.04 «Германские языки» : автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук / Мамаева Алиса Герцевна ; Московский государственный педагогический институт иностранных языков им. Мориса Тореза. – Москва, 1977. – 24 с.

122. Маслова, В.А. Лингвокультурология: учебное пособие: для студентов вузов / В.А. Маслова. – Москва : Academia, 2001. – 202 с.

123. Мечковская, Н.Б. Семиотика: Язык. Природа. Культура: курс лекций / Н.Б. Мечковская. – 3-е изд., стер. – Москва : Академия, 2008. – 426 с.

124. Миловидов, В.А. Текст, контекст, интертекст. Введение в проблематику сравнительного литературоведения. Пособие по спецкурсу / В.А. Миловидов. – Тверь : Тверской государственный университет, 1998. – 83 с.

125. Михайлова, Е.В. Интертекстуальность в научном дискурсе: на материале статей: специальность 10.02.19 «Теория языка» : диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук / Михайлова Елена Владимировна ; Волгоградский государственный педагогический университет. – Волгоград, 1999. – 205 с.

126. Михеев, А.А. Языковая личность А.С. Пушкина: интертекстуальность и прецедентность в дискурсах разных типов: специальность 10.02.01 «Русский язык» : диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук / Михеев Алексей Анатольевич; Казанский (Приволжский) федеральный университет. – Йошкар-Ола, 2018. – 176 с.

127. Мишанкина, Н.А. Метафорическое познание: как база данных метафорической терминологии отражает картину мира / Н.А. Мишанкина // Лексикография цифровой эпохи: Сборник материалов II Международного симпозиума, Москва-Томск, 20–22 ноября 2024 года. – Томск : Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2024. – С. 269–272.

128. Мишанкина, Н.А. Редактор: субъектная позиция в дискурсе / Н.А. Мишанкина // Медиалингвистика: Материалы докладов участников VII

Международной конференции, 28 июня 2023 года. – Санкт-Петербург : ООО «Медиапир», 2023. – С. 701–705.

129. Моисеенко, Л.В. Прецедентное пространство русского массмедийного дискурса / Л.В. Моисеенко, Э.К. Хервилья // Русистика. – 2021. – Т. 19. – № 4. – С. 453–465.

130. Мокиенко, В.М. В глубь поговорки: Рассказы о происхождении крылатых слов и образных выражений: книга для учащихся старших классов / В.М. Мокиенко. – Москва : Просвещение, 1975. – 173 с.

131. Мосесова, К.Ю. Бульварная пресса: процессы интертекстуальности и игрореализации: специальность 10.01.10 «Журналистика» : диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук / Мосесова Карина Юрьевна ; Московский педагогический государственный университет. – Тверь, 2008. – 150 с.

132. Москвин, В.П. Интертекстуальность: Понятийный аппарат. Фигуры, жанры, стили / В.П. Москвин. – Москва : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. – 164 с.

133. Москвин, В.П. Интертекстуальность и фигуры интертекста в дискурсах разных типов / В.П. Москвин [и др.] ; науч. ред: Т.Н. Колокольцева, В.П. Москвин. – 2-е изд., стер. – Москва : ФЛИНТА, 2015. – 352 с.

134. Москвин, В.П. Цитирование, аппликация, парафраз: к разграничению понятий / В.П. Москвин // Филологические науки. – 2002. – № 1. – С. 63–70.

135. Нахимова, Е.А. Прецедентные имена в массовой коммуникации: монография / Е.А. Нахимова. – Екатеринбург : ГОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет», 2007. – 207 с.

136. Обнорская, М.Е. Библийские мотивы в произведении Д. Стейнбека «На Восток от Эдема» / М.Е. Обнорская, А.В. Кремнева // Культура и текст. – 1997. – № 2. – С. 124–128.

137. Озерова, Е.Г. Интертекстуальность в дискурсе русского лирикопрозаического текста / Е.Г. Озерова. – Москва : Эдитус, 2013. – 104 с.

138. Олизько, Н.С. Интертекстуальный анализ художественного

произведения: учебное пособие / Н.С. Олизько. – Челябинск : Челябинский государственный университет, 2008. – 147 с.

139. Петрова, Н.В. Интертекстуальность как общий механизм текстообразования англо-американского короткого рассказа / Н.В. Петрова. – Иркутск : ИГЛУ, 2004. – 244 с.

140. Пеньковский, А.Б. Очерки по русской семантике / А.Б. Пеньковский. – Москва : Языки славянской культуры, 2004. – 460 с.

141. Попова, Е.А. Интертекстуальность как средство воздействия в политическом дискурсе: на материале англоязычных текстов о политической карьере А. Шварценеггера: специальность 10.02.04 «Германские языки» : диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук / Попова Елена Анатольевна ; Самарский государственный педагогический университет. – Самара, 2007. – 220 с.

142. Прохорова, Л.П. Интертекстуальность в жанре литературной сказки: на материале английских литературных сказок: специальность 10.02.04 «Германские языки» : диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук / Прохорова Лариса Петровна ; Кемеровский государственный университет. – Кемерово, 2002. – 218 с.

143. Прохоров, Ю.Е. Действительность. Текст. Дискурс: учебное пособие / Ю.Е. Прохоров. – Москва : Флинта : Наука, 2004. – 221 с.

144. Пустовалова, О.И. Влияние современных СМИ на формирование новых значений слова / О.И. Пустовалова // Славянский мир: духовные традиции и словесность. – Вып. 8. – Тамбов : Принт-Сервис, 2017. – С. 566–570.

145. Пушкарёв, Л.Н. Что такое менталитет. Историографические заметки / Л.Н. Пушкарёв // Отечественная история. – 1995. – № 3. – С. 158–166.

146. Пьеге-Гро, Н. Введение в теорию интертекстуальности / Н. Пьеге-Гро ; пер. с франц. Г.К. Косикова [и др.] ; общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. – Москва : URSS, 2008. – 238 с.

147. Рогозина, И.В. Медиа-картина мира: когнитивно-семиотический аспект: специальность 10.02.19 «Теория языка» : диссертация на соискание учёной степени

доктора филологических наук / Рогозина Ирина Владимировна ; Алтайский государственный университет. – Барнаул, 2003. – 430 с.

148. Рождественский, Ю.В. Теория риторики / Ю.В. Рождественский. – Москва : Добросвет, 1997. – 597 с.

149. Рождественский, Ю.В. Введение в общую филологию / Ю.В. Рождественский. – Москва : Высшая школа, 1979. – 224 с.

150. Романова, Н.Н. Стилистика и стили: учебное пособие / Н.Н. Романова, А.В. Филиппов. – 2-е изд. – Москва : Флинта : МПСИ, 2009. – 405 с.

151. Рыбачук, К.Ю. Интертекстуальность современного публичного выступления на английском языке: специальность 10.02.04 «Германские языки» : диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук / Рыбачук Ксения Юрьевна ; Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена. – Санкт-Петербург, 2019. – 247 с.

152. Рыженко, Е.С. Виды интертекстуальности в пресс-релизах, размещенных в интернете: специальность 10.02.01 «Русский язык» : диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук / Рыженко Екатерина Сергеевна ; Волгоградский государственный университет. – Волгоград, 2014. – 187 с.

153. Салова, Г.С. Информативные потенции цитаты в литературно-критическом тексте / Г.С. Салова // Разновидности и жанры научной прозы: Лингвостилистические особенности. – Москва : Наука, 1989. – С. 106–120.

154. Слышкин, Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе / Г.Г. Слышкин. – Москва : Academia, 2000. – 125 с.

155. Слышкин, Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты: специальность 10.02.19 «Теория языка» : диссертация на соискание учёной степени доктора филологических наук / Слышкин Геннадий Геннадьевич ; Волгоградский государственный педагогический университет. – Волгоград, 2004. – 323 с.

156. Смирнов, И.П. Порождение интертекста: Элементы интертекстуального анализа с примерами из творчества Б.Л. Пастернака / И.П. Смирнов. – 2-е изд. –

Санкт-Петербург : Языковой центр СПбГУ, 1995. – 191 с.

157. Солганик, Г.Я. К определению понятий «текст» и «медiateкст» / Г.Я. Солганик // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. – 2005. – № 2. – С. 7–15.

158. Солганик, Г.Я. Язык СМИ / Г.Я. Солганик // Вестник Московского университета. – Серия 10. Журналистика. – 2010. – № 5. – С. 130–137.

159. Солганик, Г.Я. О языке и стиле газеты / Г.Я. Солганик // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. – 2003. – С. 261–268.

160. Солодуб, Ю.П. Интертекстуальность как лингвистическая проблема / Ю.П. Солодуб // Филологические науки. – 2000. – № 2. – С. 51–57.

161. Соссюр, Ф. Труды по языкознанию / Фердинанд де Соссюр ; пер. с фр. яз. под ред. А.А. Холодовича ; [Вступ. статьи А.А. Холодовича и др.]. – Москва : Прогресс, 1977. – 695 с.

162. Соссюр, Ф. Курс общей лингвистики / Фердинанд де Соссюр ; пер. с фр. А. Сухотина, Коммент. Туллио де Мауро. – Екатеринбург : Изд-во Уральского университета, 1999. – 426 с.

163. Степанов, Ю.С. «Интертекст», «интернет», «интерсубъект» (к основаниям сравнительной концептологии) / Ю.С. Степанов // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 2001 – Т. 60. – № 1 – С. 3–11.

164. Степанов, Ю.С. Альтернативный мир, дискурс, факт и причины причинности / Ю.С. Степанов // Язык и наука XX века: сборник статей. – Москва : Институт языкознания РАН, 1995. – С. 35–73.

165. Степанов, Ю.С. Константы: словарь русской культуры / Ю.С. Степанов. – 2. изд., испр. и доп. – Москва : Акад. проект, 2001. – 989 с.

166. Стернин, И.А. Типы речевых культур: учебное пособие / И.А. Стернин. – Воронеж : Истоки, 2013. – 23 с.

167. Тарасов, Е.Ф. Язык – Культура – Этнос / С.А. Арутюнов, А.Р. Багдасаров, В.Н. Белоусов, Е.Ф. Тарасов и др. – Москва : Наука, 1994. – 233 с.

168. Толстой, Н.И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике / Н.И. Толстой. – Москва : Индрик, 1995. – 509 с.

169. Топоров, В.Н. Пространство и текст / В.Н. Топоров // Текст: семантика и структура. – Москва : Наука, 1983. – С. 227–284.

170. Ускова, Т.А. Вербализация интертекстуальности в текстах массовой коммуникации: специальность 10.02.04 «Германские языки» : диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук / Ускова Татьяна Анатольевна. – Москва, 2003. – 213 с.

171. Фатеева, Н.А. Интертекст в мире текстов: Контрапункт интертекстуальности / Н.А. Фатеева. – Изд. 2-е, испр. – Москва : URSS, 2006. – 280 с.

172. Филиппова, С.Г. Интертекстуальность как средство объективации картины мира автора: специальность 10.02.04 «Германские языки» : диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук / Филиппова Светлана Геннадьевна ; Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена. – Санкт-Петербург, 2008. – 199 с.

173. Хань, Х. Интертекстуальность в новостных заголовках (на материале китайского периодического издания «Guangming Daily») / Х. Хань // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. – 2024. – № 5. – С. 218–220.

174. Хань, Х. Исследование интертекстуальности российских и китайских новостных заголовков / Х. Хань // Чтения имени А.С. Дембовецкого. 755-летию Могилёва посвящается: сборник статей I Международной научно-практической конференции. – Могилёв : Белорусско-Российский университет, 2022. – Ч. 2. – С. 183–186.

175. Хань, Х. Реализация интертекстуальности в медиа-политическом дискурсе (на материале выступлений председателя КНР Си Цзиньпина) / Х. Хань // Современный учёный. – 2024. – № 2. – С. 17–22.

176. Хань, Х. Сравнительное исследование интертекстуальности в русских и китайских новостных заголовках (на материале периодических изданий «Известия» и «Guangming Daily») / Х. Хань // Современное педагогическое образование. – 2024. – № 1. – С. 421–424.

177. Чернявская, В.Е. Интерпретация научного текста / В.Е. Чернявская. –

Москва : Издательство ЛКИ, 2007. –128 с.

178. Чернявская, В.Е. Интертекст и интердискурс как реализация текстовой открытости / В.Е. Чернявская // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1. – С. 106–111.

179. Чернявская, В.Е. Интертекстуальность как текстообразующая категория вторичного текста в научной коммуникации / В.Е. Чернявская. – Ульяновск : Издательство СВНЦ, 1996. –107 с.

180. Чернявская, В.Е. Лингвистика текста поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность: учебное пособие / В.Е. Чернявская. – Москва : ЛИБРОКОМ, 2009. –245 с.

181. Шаклеин, В.М. Унисон как проекция фреймовой архитектуры связности в русскоязычном блогговом дискурсе / В.М. Шаклеин, И.В. Ковтуненко // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2021. – № 1. – С. 160–171.

182. Шуб, М.Л. Культурная память: сущностные особенности и социокультурные практики бытования / М.Л. Шуб. – Челябинск : ЧГИК, 2018. – 303 с.

183. Щичко, В.Ф. Китайский язык. Теория и практика перевода: учеб. пособие / В.Ф. Щичко. – Москва : Восток-Запад, АСТ, 2004. – 223 с.

184. Ярычев, Н.У. Культурная память как понятие и явление: основания концептуализации / Н.У. Ярычев // Культура и искусство. – 2022. – № 12. – С. 11–20.

185. Fairclough, N. Discourse and Social Change / N. Fairclough. – Cambridge : Polity Press, 1992. – 259 p.

186. Hatim, B. Translation An advanced resource book / B. Hatim, J. Munday. – London & New York : Routledge, 2004. – 394 p.

187. Jakobson, R. On linguistic aspects of translation / R. Jakobson // Word and Languag, 1971. – P. 260–266.

188. Leech, G. Style in Fiction: A Linguistic Introduction to English Fictional Prose / G. Leech, M. Short. – London : Longman, 2007. – 404 p.

189. Waugh, L.R. Reported speech in journalistic discourse: The relation of function and text / L.R. Waugh. – Text – Interdisciplinary Journal for the Study of Discourse. – 1995. – № 15(1). – С. 129–173.

190. 蔡新乐. 语内翻译与语际翻译的比较. 上海外国语大学学报, 2002 (2). – С. 55–61. (Цай, С. Сравнение внутрязыкового и межъязыкового перевода / С. Цай // Журнал Шанхайского университета иностранных языков – 2002. – № 2. – С. 55–61.)

191. 陈永国. 互文性. 外国文学, 2003 (01). – С. 75–81. (Чэнь, Ю. Интертекстуальность / Ю. Чэнь // Иностранная литература. – 2003. – № 01. – С. 75–81.)

192. 程锡麟. 互文性理论概述. 外国文学, 1996 (01). – С. 72–78. (Чэн С. Обзор теории интертекстуальности / С. Чэн // Иностранная литература. – 1996. – № 01. – С. 72–78.)

193. 邓军. 篇章的逻辑语义分析. 黑龙江教育出版社, 1997. – с. 120. (Дэн Ц. Логико-семантический анализ текста / Ц. Дэн. – Хэйлунцзян : Хэйлунцзянское педагогическое издательство, 1997. – 120 с.)

194. 范敏. 目的论对《红楼梦》中谚语翻译的启示. 红楼梦学刊, 2007 (2). – С. 187–202. (Фань, М. Просвещение теории Скопоса о переводе пословиц в романе «Сон в красном тереме» / М. Фань // Журнал «Сон в красном тереме». – 2007. – № 2. – С. 187–202.)

195. 贺显斌. 语言与文化关系的多视角研究. 西安外国语学院学报, 2002 (03). – С. 22–26. (Хэ С. Многогранное исследование отношений языка и культуры / С. Хэ // Журнал Шанхайского университета иностранных языков. – 2002. – № 03. – С. 22–26.)

196. 黄伯荣, 廖旭东. 现代汉语(上册). 北京:高等教育出版社, 2017. – 296 с. (Хуан, Б. Современный китайский язык (Том 1) / Б. Хуан, С. Ляо. – Пекин : Издательство высшего образования, 2017. – 296 с.)

197. 黄国文. 典籍翻译: 从语内翻译到语际翻译——以《论语》英译为例. 中国外语, 2012 (6). – С. 64–71. (Хуан, Г. Перевод классических текстов: от

внутриязыкового перевода к межъязыковому – на примере перевода «Лунь Юй» на английский / Г. Хуан // Иностранные языки в Китае. – 2012. – № 6. – С. 64–71.)

198. 黄念然. 当代西方文论中的互文性理论. 外国文学研究, 1999 (1). – С. 15–21. (Хуан, Н. Теория интертекстуальности в современной западной литературной теории / Н. Хуан // Исследования иностранной литературы. – 1999. – № 1. – С. 15–21.)

199. 黄秋凤. 文学作品中互文单位的翻译表征. 上海外国语大学, 2013. – 140 с. (Хуан, Ц. Переводное представление интертекстуальных единиц в литературных произведениях / Ц. Хуан. – Шанхайский университет иностранных языков, 2013. – 140 с.)

200. 赖彦. 新闻话语的复调与对话研究. 北京: 中国广播电视出版社. 2011. – 246 с. (Лай, Я. Исследование полифонии и диалога в новостном дискурсе / Я. Лай. – Пекин : Издательство Китайского радио и телевидения, 2011. – 246 с.)

201. 赖彦. 新闻标题的话语互文性解读——批评话语分析视角. 四川外语学院学报, 2009, 25 (S1). – С. 78–82. (Лай, Я. Интертекстуальная интерпретация новостных заголовков – с точки зрения критического дискурсивного анализа / Я. Лай // Журнал Сычуаньского университета иностранных языков. – 2009. – № 25 (S1). – С. 78–82.)

202. 李多. 互文性视角下习近平系列论述摘编俄译本的翻译批评研究. 天津外国语大学, 2017. – 347 с. (Ли, Д. Исследование перевода и критика перевода русского издания сборника серии высказываний Си Цзиньпина с точки зрения интертекстуальности / Д. Ли. – Тяньцзиньский университет иностранных языков, 2017. – 347 с.)

203. 李玉平. 互文性定义探析. 文学与文化, 2012 (04). – С.16–22. (Ли, Ю. Исследование определения интертекстуальности / Ю. Ли // Литература и культура. – 2012. № 04. – С. 16–22.)

204. 李玉平. 互文性新论. 南开学报, 2006 (03). – С. 111–117. (Ли, Ю. Теория интертекстуальности в новом взгляде / Ю. Ли // Журнал Нанкайского университета. – 2006. – № 03. – С. 111–117.)

205. 廖七一. 当代西方翻译理论探索. 江苏: 译林出版社, 2000. – 327 с. (Ляо, Ц. Исследования современной западной теории перевода / Ц. Ляо. – Цзянсу : Илин, 2000. – 327 с.)
206. 刘叔新. 汉语描写词汇学. 北京: 商务印书馆, 2005. – 415 с. (Лю, Ш. Описательная лексикология китайского языка / Ш. Лю. – Пекин : Коммерческая Пресса, 2005. – 415 с.)
207. 罗婷. 论克里斯多娃的互文性理论. 国外文学, 2001 (4). – С. 9–14. (Ло, Т. Теория интертекстуальности Ю. Кристевой / Т. Ло // Иностранная литература. – 2001. – № 4. – С. 9–14.)
208. 彭文钊. 俄语语言世界图景的文化释义性研究: 理论与方法. 黑龙江大学, 2002. – 340 с. (Пэн, В. Культурная интерпретация картины мира русского языка: теория и методология / В. Пэн. – Хэйлунцзянский университет, 2002. – 340 с.)
209. 秦海鹰. 互文性理论的缘起与流变. 外国文学评论, 2004 (03). – С. 19–30. (Цинь, Х. Происхождение и развитие теории интертекстуальности / Х. Цинь // Обзор иностранной литературы. – 2004. – № 03. – С. 19–30.)
210. 秦海鹰. 罗兰·巴爾特的互文观. 法国研究, 2008 (02) – С. 1–7. (Цинь, Х. Интертекстуальное восприятие Ролана Барта / Х. Цинь // Французские исследования. – 2008. – № 02. – С. 1–7.)
211. 秦海鹰. 克里斯特瓦的互文性概念的基本含义及具体应用. 法国研究, 2006 (04) – С. 16–27. (Цинь, Х. Основное значение концепта интертекстуальности Ю. Кристовой и его конкретное применение / Х. Цинь // Французские исследования. – 2006. – № 04. – С. 16–27.)
212. 史道仁. 中学语文古诗词教学研究. 文教资料, 2008 (14). – С. 137–138. (Ши, Д. Исследование преподавания древнекитайской поэзии в средней школе / Д. Ши // Данные о культуре и образовании. – 2008. – № 14. – С. 137–138.)
213. 舒奇志. 文化意象的互文性与文化意象翻译. 外语与外语教学, 2007 (08). – С. 58–60. (Шу, Ц. Интертекстуальность культурных образов и перевод культурных образов / Ц. Шу // Иностранные языки и преподавание иностранных языков. – 2007. – № 08. – С. 58–60.)

214. 孙秀丽. 克里斯蒂娃解析符号学研究. 东北师范大学, 2010. – 152 с. (Сунь, С. Исследование семиотики Кристовой / С. Сунь. – Восточно-Китайский педагогический университет, 2010. – 152 с.)

215. 王瑾. 互文性. 广西师范大学出版社, 2005. – 146 с. (Ван, Ц. Интертекстуальность / Ц. Ван. – Гуанси: Издательство Гуансийского педагогического университета, 2005. – 146 с.)

216. 王铭玉. 符号的互文性与解析符号学——克里斯蒂娃符号学研究. 求是学刊, 2010 (3). – С. 17–26. (Ван, М. Интертекстуальность знаков и анализ семиотики – Исследования семиотики Ю. Кристовой / М. Ван // Журнал «Цюши». – 2010. – № 3. – С. 17–26.)

217. 王铭玉. 从符号学看语言符号学. 解放军外国语学院学报, 2004(01). – С. 1–9. (Ван, М. Языковая семиотика с точки зрения семиотики / М. Ван // Журнал Военного университета иностранных языков. – 2004. – № 01. – С. 1–9.)

218. 王钦懿. 政治语言学视域下俄罗斯国家领导人政治演讲文本的互文性研究 (2000-2018). 大连外国语大学, 2020. – 215 с. (Ван, Ц. Исследование интертекстуальности политических речей российских государственных лидеров в контексте политической лингвистики (2000–2018) / Ц. Ван. – Даляньский университет иностранных языков, 2020. – 215 с.)

219. 王泉, 朱岩岩. 解构主义. 外国文学, 2004 (03). – С. 67–72. (Ван, Ц. Деконструктивизм / Ц. Ван, Я. Чжу // Иностранная литература. – 2004. – № 03. – С. 67–72.)

220. 王臻. 语言先例现象探索. 黑龙江: 黑龙江大学出版社, 2011. – 297 с. (Ван, Ч. Исследование по прецедентному феномену языка / Ч. Ван. – Хэйлунцзян: Издательство Хэйлунцзянского университета, 2011. – 297 с.)

221. 武建国. 篇际互文性研究述评. 外语与外语教学, 2012 (02). – С. 17–22. (У, Ц. Обзор исследований дискурсной интертекстуальности / Ц. У // Иностранные языки и преподавание иностранных языков. – 2012. – № 02. – С. 17–22.)

222. 项男. 符号学视角下的媒体语言研究. 黑龙江大学, 2012. – 235 с. (Сян,

Н. Исследование медиатекста с точки зрения семиотики / Н. Сян. – Хэйлунцзянский университет, 2012. – 235 с.)

223. 辛斌. 语篇互文性的语用分析. 外语研究, 2000 (3). – С. 14–16. (Синь, Б. Прагматический анализ дискурсивной интертекстуальности / Б. Синь // Исследования иностранных языков. – 2000. – № 3. – С. 14–16.)

224. 辛斌, 李文艳. 社交平台新闻话语的互文性分析——以Facebook上有关南海问题的新闻为例. 当代修辞学, 2019(05). – С. 26–34. (Синь, Б. Анализ интертекстуальности новостных дискурсов на социальных платформах – на примере новостей о проблеме Южно-Китайского моря на Facebook / Б. Синь, В. Ли // Современная риторика. – 2019. – № 05. – С. 26–34.)

225. 辛斌. 互文性: 非稳定意义和稳定意义. 南京师大学报(社会科学版), 2006 (03). – С.114–120. (Синь, Б. Интертекстуальность: нестабильные и стабильные значения / Б. Синь // Журнал Нанкинского педагогического университета (Социальные науки). – 2006. – № 03. – С. 114–120.)

226. 辛斌. 语篇研究中的互文性分析. 外语与外语教学, 2008 (01). – С. 6–10. (Синь, Б. Анализ интертекстуальности в исследовании дискурса / Б. Синь // Иностранные языки и преподавание иностранных языков. – 2008. – № 01. – С. 6–10.)

227. 辛斌. 体裁互文性的社会语用学分析. 外语学刊, 2002(02). – С. 15–21. (Синь, Б. Социопрагматический анализ жанровой интертекстуальности / Б. Синь // Журнал иностранных языков. – 2002. – № 02. – С. 15–21.)

228. 徐美玲. 俄语媒体语篇的动态化研究. 黑龙江大学, 2018. – 205 с. (Сюй, М. Исследование динамичности русскоязычных медийных дискурсов / М. Сюй. – Хэйлунцзянский университет, 2018. – 205 с.)

229. 杨衍松. 互文性与翻译. 中国翻译, 1994(04). – С.12–15. (Ян, Я. Интертекстуальность и перевод / Я. Ян // Китайский перевод. – 1994. – № 04. – С. 12–15.)

230. 殷企平. 谈“互文性”. 外国文学评论, 1994, (02). – С. 39–46. (Инь, Ц. Рассуждение об интертекстуальности / Ц. Инь // Обзор иностранной литературы. –

1994. – № 02. – С. 39–46.)

231. 赵爱国. 语言文化学方法论. 外语与外语教学, 2007 (11). – С. 9–11.
(Чжао, А. Методология языковой культурологии / А. Чжао // Иностранные языки и преподавание иностранных языков. – 2007. – № 11. – С. 9–11.)

232. 祝朝伟. 互文性与翻译研究. 解放军外国语学院学报, 2004 (04). – С. 71–74.
(Чжоу, Ч. Исследование интертекстуальности и перевода / Ч. Чжоу // Журнал Военного университета иностранных языков. – 2004. – № 04. – С. 71–74.

Словари и энциклопедические источники

233. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов. – Изд. 2-е, стереотипное / О.С. Ахманова. – Москва : Едиториал УРСС, 2004. – 569 с.

234. Большая Российская энциклопедия. Т. 11: Излучение плазмы – Исламский фронт спасения. Т. 11 / Науч.-ред. совет: пред. Ю.С. Осипов [и др.]. – Москва, 2008. – 766 с.

235. Большой академический словарь русского языка. Т. 1: А-Бишь. – Санкт-Петербург : Наука, 2004. – 661 с.

236. Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. – Санкт-Петербург : Норинт; Москва : Рипол классик, 2008. – 1534 с.

237. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / Отв. ред. В.Н. Телия. – Москва : АСТ-Пресс ШКОЛА, 2023. – 781 с.

238. Культурология. XX век: Энциклопедия. Т. 2: М-Я / Ж.М. Арутюнова, В.Н. Басилов, И.С. Вдовина и др.; гл. ред. сост. и авт. проекта С.Я. Левит. – Санкт-Петербург : Университетская книга, 1998. – 446 с.

239. Дубровина, К.Н. Энциклопедический словарь библейских фразеологизмов / К.Н. Дубровина. – Москва : Флинта : Наука, 2010. – 805 с.

240. Жеребило, Т.В. Словарь лингвистических терминов. – Изд. 4-е, испр. и доп / Т.В. Жеребило. – Назрань : Пилигрим, 2005. – 376 с.

241. Ильин, И.П. Постмодернизм: Словарь терминов / И.П. Ильин. – Москва : ИНИОН РАН – INTRADA, 2001. – 384 с.

242. Квятковский, А.П. Школьный поэтический словарь / А.П. Квятковский. – Москва : Дрофа, 1998. – 458 с.
243. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2. изд., доп. – Москва : Большая Рос. энцикл., 2002. – 707 с.
244. Литературная энциклопедия терминов и понятий / Гл. ред. и сост. А.Н. Николюкин. – Москва : Интелвак, 2001. – 1514 с.
245. Матвеева, Т.В. Полный словарь лингвистических терминов / Т.В. Матвеева. – Ростов-на-Дону : Феникс, 2010. – 562 с.
246. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – 4-е изд., доп. – Москва : А ТЕМП, 2006. – 938 с.
247. Складеревская, Г.Н. Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / Г.Н. Складеревская, Е.Ю. Ваулина, И.О. Ткачева, Е.А. Фивейская. – Москва : Эксмо, 2006. – 1131 с.
248. Славянские древности: Этнолингвистический словарь / Под общ. ред. Н.И. Толстого. – Т. 4. – Москва : Международные отношения, 2009. – 649 с.
249. Словарь иностранных слов современного русского языка / Сост. Егорова Т.В. – Москва : Аделант, 2014. – 799 с.
250. Современный толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. – Москва : Рипол-Норинт; Санкт-Петербург : Рипол-Норинт, 2008. – 959 с.
251. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Л.М. Алексеева, В.И. Аннушкин, Е.А. Баженова и др.; под редакцией М.Н. Кожинной. – 2-е изд., стер. – Москва : ФЛИНТА, 2006. – 696 с.
252. Толковый словарь иностранных слов / Л.П. Крысина. – Москва : Русский язык, 1998. – 846 с.
253. Философский энциклопедический словарь / Гл. ред. Л.Ф. Ильичев и др. – Москва : Сов. энциклопедия, 1983. – 839 с.
254. Childers, J. The Columbia Dictionary of Modern Literary and Cultural Criticism / J. Childers, G. Hentzi. – New York : Columbia University Press, 1995. – 362 p.

255. Pearsall, J. The New Oxford Dictionary of English / J. Pearsall. – Shanghai : Shanghai Foreign Language Education Press, 2001. – 2152 p.
256. Prince, G. A Dictionary of Narratology Revised Editio / G. Prince. – Nebraska : University of Nebraska Press, 2003. – 118 p.
257. 辞海. 上海: 上海辞书出版社, 2009. – 3477 с. (Цыхай. – Шанхай : Шанхайское словарное издательство, 2009. – 3477 с.)
258. 方梦之. 中国译学大辞典. 上海: 上海外语教育出版社, 2011. – 699 с. (Фан, М. Большой словарь китайского переводоведения / М. Фан. – Шанхай : Издательство Шанхайского университета иностранных языков, 2011. – 699 с.)
259. 汉语成语词典. 陕西: 陕西人民教育出版社, 2005. – 552 с. (Словарь китайских идиом. – Шэньси : Издательство народного образования Шэньси, 2005. – 552 с.)
260. 乐黛云, 叶朗, 倪培耕. 世界诗学大辞典. – 沈阳: 春风文艺出版社, 1993. – 852 с. (Ле, Д. Большом словаре мировой поэтики / Д. Ле, Л. Е, П. Ни. – Шэньян : Чуньфэн Вэньи, 1993. – 852 с.)
261. 现代俄汉词典. 北京: 外语教学与研究出版社, 1998. – 1328 с. (Современный русско-китайский словарь. – Пекин : Иностранные языки, 1998. – 1328 с.)
262. 现代汉语词典. 中国社会科学院语言研究所词典编辑室编. – 7 版. 北京: 商务印书馆, 2016. – 1800 с. (Словарь современного китайского языка / Редакция словаря Института лингвистики Китайской академии социальных наук. – 7-е изд. – Пекин : Коммерческая Пресса, 2016. – 1800 с.)
263. 新华词典. 北京: 商务印书馆, 2013. – 1452 с. (Словарь Синьхуа. – Пекин : Коммерческая Пресса, 2013. – 1452 с.)
264. 新时代俄汉详解大词典. 北京: 商务印书馆, 2014. – 7676 с. (Современный русско-китайский подробный словарь. – Пекин : Коммерческая Пресса, 2014. – 7676 с.)
265. 赵一凡, 张中载, 李德恩. 西方文论关键词. – 北京: 外语教学与研究出版社, 2006. – 925 с. (Чжао, И. Ключевые слова в западной литературной теории / И.

Чжао, Ч. Чжан, Д. Ли. – Пекин : Издательство по преподаванию и исследованию иностранных языков, 2006. – 925 с.)

266. 中国大百科全书. 第三版网络版. (Китайская энциклопедия. – 3-е изд. онлайн. – URL: <https://www.zgbk.com> (дата обращения: 20 декабря 2023).)

Основные источники исследуемого материала

267. Газета «Известия» [Электронный ресурс]. – URL: <https://iz.ru> (дата обращения: 13 декабря 2023).

268. Новости «РБК» [Электронный ресурс]. – URL: <https://rbc.ru> (дата обращения: 21 сентября 2023).

269. Новости «РИА Новости» [Электронный ресурс]. – URL: <https://ria.ru/> (дата обращения: 26 марта 2024).

270. Газета «Коммерсантъ» [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.kommersant.ru/> (дата обращения: 03 ноября 2024).

271. Новости «Кузнецкий рабочий» [Электронный ресурс]. – URL: <https://kuzrab.ru/> (дата обращения: 28 ноября 2023)

272. Новости «Смотрим» [Электронный ресурс]. – URL: https://smotrim.ru/vesti?utm_source=internal&utm_medium=tabbarmenu&utm_campaign=tabbar-menu (дата обращения: 21 декабря 2023)

273. Новости «Газета. ru» [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.gazeta.ru/> (дата обращения: 04 мая 2024)

274. 新闻网 «光明网» (Новости «Guangming Net») [Электронный ресурс]. – URL: <https://gmw.cn/> (дата обращения: 03 июля 2024)

275. 新闻网 «新华网» (Новости «Xinhua Net») [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.news.cn/> (дата обращения: 15 октября 2024)

276. 新闻网 «人民网» (Новости «People's Daily Online») [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.people.com.cn/> (дата обращения: 17 марта 2022)

277. 报纸 «经济日报» (Газета «Economic Daily») [Электронный ресурс]. – URL: http://paper.ce.cn/pclayout/202308/07/node_01.html (дата обращения: 07

августа 2023)

278. 新闻网 «重庆日报» (Новости «Chongqing Daily») [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.cqrb.cn/> (дата обращения: 10 мая 2024)

279. 新闻网 «中国新闻网» (Новости «China News») [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.chinanews.com/> (дата обращения: 21 ноября 2023)

280. 新闻网 «证券时报网» (Новости «Securities Times») [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.stcn.com/> (дата обращения: 24 августа 2024)

281. 新闻网 «云南日报» (Новости «Yunnan Daily») [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.yndaily.com/> (дата обращения: 27 мая 2024)

Приложение А. Репрезентативная выборка интертекстуальных фрагментов в русском медиатексте

1.	Голову на дуло: что грозит киллеру тамбовской ОПГ за убийство 30-летней давности	Известия, 13 декабря 2023 г.
2.	Ёлочки нам принеси: сколько звёзды потратили на украшение домов	Известия, 13 декабря 2023 г.
3.	Плодитесь и поощряйтесь Можно ли простимулировать рождаемость и чем – кнутом или пряником	Коммерсантъ, 3 ноября 2024 г.
4.	Из пункта М в пункт П «Ъ» напоминает, сколько времени уходило в разные времена на дорогу из Москвы в Петербург по воде, по земле и по воздуху	Коммерсантъ, 30 ноября 2024 г.
5.	Не хочется, а НАТО Йенса Столтенберга не отпускают с поста генсека альянса	Коммерсантъ, 4 июля 2023 г.
6.	Мы все глядим «Наполеона»: хит Ридли Скотта вышел в российских кинотеатрах	Известия, 29 ноября 2023 г.
7.	Игра с престолом: Израиль не допустит Аббаса руководить сектором Газа	Известия, 8 декабря 2023 г.
8.	Кто в ЕС, кто по дрова: решение по Украине ведет Европу к расколу	Известия, 16 декабря 2023 г.
9.	Подмётки не годятся: кабмин просят пресечь фальсификат импортной обуви	Известия, 14 декабря 2023 г.
10.	Готовь плавки зимой: Россияне стали массово скупать пляжные туры на лето	Известия, 8 декабря 2023 г.
11.	«Зимний» близко: в Москве наградили лауреатов фестиваля авторского кино	Известия, 08 декабря 2023
12.	С лёгким – на подъём: для FPV-дронов начали	Известия,

	выпускать штатные боеприпасы	1 декабря 2023 г.
13.	Смартфоны детям не игрушка: Как на Западе борются с вредным влиянием соцсетей на подрастающее поколение	Коммерсантъ, 2 марта 2024 г.
14.	«Мать Армения» зовёт: Армянская оппозиция требует отставки Никола Пашиняна	РБК, 21 сентября 2023 г.
15.	Подкупательная способность Байден получил от произраильского лобби \$4 млн	Известия, 29 ноября 2023 г.
16.	Судим Линча: почему Букеровская премия досталась ирландской антиутопии	Известия, 28 ноября 2023 г.
17.	Трое в Пусане, не считая США: что обсуждали Пекин, Токио и Сеул	Известия, 26 ноября 2023 г.
18.	Круги яда: как остановить гибель животных на полях	Известия, 19 декабря 2023 г.
19.	Суд уйдёт: Израиль не станет военным преступником на уровне ООН	Известия, 15 ноября 2023 г.
20.	Старики и горе: почему частные дома престарелых остаются вне контроля	Известия, 19 декабря 2023 г.
21.	Фунт на корабле: Британия бросает вызов российскому флоту	Известия, 13 декабря 2023 г.
22.	Мал золотник да долог: у США закончились деньги и время на Украину	Известия, 13 декабря 2023 г.
23.	Утильные истории: россияне приобретают автомобили перед повышением платежей	Известия, 13 декабря 2024 г.
24.	Лям и не снилось: россиян с зарплатой от 1 млн стало в 1,5 раза больше	Известия, 5 декабря 2024 г.
25.	Йеменские музыканты: как хуситы влияют на мировое судоходство	Известия, 4 декабря 2024 г.
26.	НАТОлеоновские планы: как и зачем Франция	Известия,

	наращивает влияние в Азии	4 декабря 2023 г.
27.	Яйца раздора: почему статуя льва разделила жителей Екатеринбурга на два лагеря	Комсомольская правда, 6 октября 2023 г.
28.	Здравствуйте, я ваш Эрдоган Тюрколог Юрий Мавашев – о том, чего пытался добиться турецкий лидер во время своего исторического визита в Грецию	Известия, 7 декабря 2023 г.
29.	Познаются в еде: Власти увидели риски ухода из страны «Ашана», Metro и Globus	Известия, 6 декабря 2023 г.
30.	От заката до контента: Единороссы поговорили о демографии в контексте традиционных российских ценностей	Коммерсантъ, 25 января 2023 г.
31.	Шанхай-болтай На саммите ШОС не было места отмолчавшимся	Коммерсантъ, 4 июля 2023 г.
32.	Всё большее – детям: кабмин проработает поручение о продлении «Семейной ипотеки»	Известия, 15 декабря 2023 г.
33.	Обновки с турецкого плеча На российский рынок пришло рекордное число иностранных брендов	РБК, 5 октября 2023 г.
34.	Один пояс, одни чаянья – В Пекине прошли переговоры лидеров России и Китая	РБК, 18 октября 2023 г.
35.	Свопиющие в пустыне – У ряда банков образовалась открытая валютная позиция из-за прекращения торгов	РБК, 21 июня 2023 г.
36.	Голос без Америки – Приезд на президентские выборы наблюдателей из недружественных стран под вопросом	Известия, 8 декабря 2023 г.

37.	Зоны без ответственности: какие военные базы Финляндия передаёт США	Известия, 19 декабря 2023 г.
38.	Мех, да и только Как квадробинг оказался в фокусе публичного интерес	РБК, 19 октября 2024 г.
39.	Развивай и властвуй: мэров и губернаторов оценят по новой методике	Известия, 18 декабря 2023 г.
40.	Остров опасения: тайваньская оппозиция раскололась за месяц до выборов	Известия, 2 декабря 2023 г.
41.	i/o не сразу строился: спустя 21 год Питер Гэбриел выпустил альбом о смерти	Известия, 1 декабря 2023 г.
42.	Неравный дальнобой: в Польше грозят полностью заблокировать КПП с Украиной	Известия, 27 ноября 2023 г.
43.	Искусный интеллект: изменит ли возвращение Альтмана в OpenAI рынок чат-ботов	Известия, 22 ноября 2023 г.
44.	Рок изобилия: россияне тратят на гаджеты всё больше заемных денег	Известия, 8 ноября 2023 г.
45.	Временами приток оказывается существенно ниже оттока, и работа HR-специалиста становится похожа на сизифов труд или попытку наполнить дырявое ведро, из которого всё время вытекает вода.	РБК, 3 июля 2024 г.
46.	Конфискация заблокированных в Европе российских активов может «открыть ящик Пандоры » и привести к падению доверия инвесторов, заявила новый гендиректор бельгийского депозитария Euroclear Валери Урбэн в интервью L'Echo.	РБК, 7 мая 2024 г.
47.	Ориентация американской промышленности на производство по схеме «точно в срок» (Just In	РБК, 17 февраля 2023 г.

	Time, JIT) – « ахиллесова пята » США.	
48.	Другой спикер назвал Эпштейна «загадочной фигурой, как Гэтсби » и добавил, что тому «нравится, когда люди думают, что он очень богат, и он активно культивирует этот имидж».	РБК, 15 января 2024 г.
49.	Евросоюз своими руками создаёт мир из романа Джорджа Оруэлла «1984 ». Об этом 5 октября заявил премьер-министр Венгрии Виктор Орбан.	Известия, 5 октября 2023 г.
50.	НБД-Банк собрал предпринимателей на информационной встрече « 7 смертных грехов собственника в HR», посвящённой кадровой политике и работе с персоналом.	Коммерсантъ, 19 декабря 2023 г.
51.	Если мы будем также продолжать надеяться на манну небесную с федерального центра, то рано или поздно этот вопрос справедливо может встать на повестке дня.	Коммерсантъ, 10 июня 2024 г.
52.	Вместо сотрудничества со странами БРИКС ЕС предпочёл отгородиться от этой структуры и возвести «экономический железный занавес », сказал «Известиям» депутат Европарламента от Люксембурга Фернан Картхайзер.	Известия, 18 декабря 2024 г.
53.	Он отметил, что немало обращений и от деятелей культуры, не желающих вмещать своё творчество в прокрустово ложе квот и критериев, созидать с оглядкой на соответствие чуждым им неолиберальным стандартам.	РИА Новости, 12 сентября 2024 г.
54.	«Всё это организовано [премьером Косово] Альбином Курти с его большим желанием, чтобы произошёл конфликт между сербами и НАТО, а	Известия, 29 мая 2023 г.

	он, единственный виновный в происходящем, умывает руки, как Пилат , и говорит, что это с ним никак не связано», – высказался Вучич, обращаясь к гражданам.	
55.	Комментируя спор Токио и Сеула в беседе с «Известиями», политолог Дмитрий Солонников также отметил, что спорные острова не станут яблоком раздора в отношениях Японии и Южной Кореи.	Известия, 16 апреля 2024 г.
56.	Санду регулярно заявляет о возможных связях Стояногло с Россией. На теледебатах 27 октября она назвала Стояногло « троянским конём », за которым стоят интересы и деньги другой страны.	РИА Новости, 3 ноября 2024 г.
57.	«Евросоюз осознанно избрал путь долгосрочной конфронтации с нашей страной, и бывший премьер-министр Эстонии является наилучшим воплощением антироссийского курса Брюсселя. Безусловно, она достойно примет от Жозепа Борреля эстафету в « крестовом походе » против России».	Коммерсантъ, 26 ноября 2024 г.
58.	В рекламе – всё поправимо: Онегин играет свадьбу с Татьяной , Раскольников не тревожит старушку-процентщицу, а Чичиков забывает про мёртвые души ради инвестиций.	Коммерсантъ, 12 декабря 2024 г.
59.	Народный депутат Украины Марьян Заболоцкий сообщил, что полиция Майами передала 101 единицу оружия. По его словам, в дальнейшем украинские полицейские получают более 600 единиц оружия из других городов США, «по	Коммерсантъ, 16 августа 2023 г.

	всему маршруту бега Форреста Гампа ».	
60.	Причина вторая: короля играет свита. Каким бы супергероем не рисовали сейчас Трампа, бесконечно быть Фигаро он не сможет, и он будет вынужден делегировать важные направления другим людям, у которых на жизнь свои взгляды.	РИА Новости, 8 ноября 2024 г.
61.	В конце прошлого года некоторые международные организации – ООН, Комиссия США по международной религиозной свободе – прямо указали Киеву на необходимость сменить курс. Но политики, по мнению эксперта, дошли «до гоголевского абсурда ».	РИА Новости, 29 февраля 2024 г.
62.	«Правь, Америка! В этом суть пресловутого “порядка, основанного на правилах”», – заявил господин Лавров и тут же отметил, что суть этого порядка в прошлом веке раскрыл писатель Джордж Оруэлл в повести « Скотный двор ». «Все животные равны, но некоторые более равны, чем другие».	Коммерсантъ, 16 июля 2024 г.
63.	В словаре главы WADA это слово означает «не вызывающее доверия». Главе МОК для того, чтобы его, как Остапа Бендера «понесло», пранкеры не понадобились. Но итог тот же – мы продолжаем избавляться от иллюзий.	РИА Новости, 30 марта 2024 г.
64.	Уверен, что в ваших предложениях кроется тот самый « эффект бабочки », именно они станут началом новых ярких проектов и приведут к повышению качества жизни всех нижегородцев.	РБК, 21 июля 2023 г.

65.	Что ему говорила во время встреч и телефонных разговоров « Мефистофель » Украины Виктория Нуланд?	Известия, 20 февраля 2024 г.
66.	«Все угрозы политического и военного руководства Украины сродни лаю Моськи из всем нам хорошо известной басни», – сказал Гемпель.	РИА Новости, 26 ноября 2023 г.
67.	По его мнению, народ задаёт вопрос элитам и правящей силе, могут ли они создать условия, чтобы он просто жил. «Чтобы не было креста на нашей шее, который мы должны тащить по пути к Голгофе наверх или вниз».	РИА Новости, 26 марта 2024 г.
68.	Соответственно, второй вариант – это партнёрство нескольких ключевых лиц, и мы в «S&K Вертикаль» стараемся придерживаться именно такой коллегиальной модели. Она касается как вопросов оперативного управления, так и принятия всех стратегических решений. Как в басне Толстого « Отец и сыновья ».	Коммерсантъ, 26 июня 2024 г.
69.	Не кажется ли вам, что таким образом альянс превращается в тот самый воз из басни Крылова, который не в состоянии двигаться вперёд из-за того, что впряглись в него лебедь, рак да щука ?	РИА Новости, 15 октября 2024 г.
70.	Что же такое случилось с нашим птицеводством, что такими темпами обычные яйца от несушек скоро будут стоять как их драгоценные «собратья» – яйца от Фаберже ?	Кузнецкий рабочий, 28 ноября 2023 г.
71.	Вскоре то, что выглядело авангардом в перестроечные годы, стало разочаровывать, мир	Коммерсантъ, 12 июля 2024 г.

	без берлинских стен и железных занавесов предоставлял другие возможности.	
72.	Он как кот Шрёдингера : взаимодействует с платформой с точки зрения получения заказов, но он сам к этой платформе никакого отношения не имеет.	РБК, 22 мая 2023 г.
73.	«Мохнатой персидской шапкой» назвал эту гору лермонтовский Печорин , описывая пейзаж за окном пятигорской квартиры.	РИА Новости, 2 августа 2024 г.
74.	Матёрый правонарушитель Дональд МАГА Трамп с блеском избран президентом США. Брависсимо! Как жалок плюгавый вид американской Фемиды !	РИА Новости, 30 декабря 2024 г.
75.	Во время переговоров по восстановлению экономики блока после пандемии Рютте получил прозвище Мистер Нет у южных и восточных европейцев.	РБК, 1 октября 2024 г.
76.	« Эмили » не пускают из Парижа в Рим	Коммерсантъ, 11 октября 2024 г.
77.	Между тем накануне старта российского председательства появились новые признаки того, что БРИКС намерен сосредоточиться на конкретных проектах и не выглядеть « бумажным тигром », как его многие годы представляли на Западе.	Коммерсантъ, 27 декабря 2024 г.
78.	На их фоне Камила Валиева, а уж тем более Александра Трусова, выглядят стреляными воробьями с огромным соревновательным опытом.	РИА Новости, 23 сентября 2022 г.

79.	Ковёр и самолёт: за что бывшему топ-менеджеру «Ростеха» дали 8 лет колонии	Известия, 27 ноября 2023 г.
80.	Путин заявил, что Россия не собирается закрывать окно в Европу .	РИА Новости, 17 ноября 2023 г.
81.	Она возможна лишь с полным уважением к правам постоянных членов Совета Безопасности, иначе окажется совсем неэффективной. И тогда ООН канет в Лету как институт, не оправдавший надежд свободных народов.	РИА Новости, 2 июля 2023 г.
82.	Отнюдь не милосердным толстовством , но мрачной Достоевщиной пропитаны многие страницы «Чисто российского преступления».	Известия, 30 июня 2024 г.
83.	«Похоже, с миллионом была совершенно идиотская идея, это моя ошибка. В случае признания нашей вины я хотел сделать добро и как-то компенсировать людям созданные проблемы. Но благими намерениями вымощена дорога в ад », — отметил предприниматель.	РБК, 27 мая 2024 г.
84.	Это тоже Азия, Азия сверхбогатая нефтегазовая, Азия, торгующая и потребляющая, и Азия постоянных войн и трагедий. Саудовская Аравия, Эмираты, Израиль с Палестиной, Турция, Сирия, Иран, Ирак, Катар, Йемен... «Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему» .	Коммерсантъ, 3 сентября 2024 г.
85.	«Для Андрея вопрос сейчас стоит остро – “быть или не быть” . Магсудлу абсолютно ему по зубам	РИА Новости, 4 ноября 2023 г.

	и нельзя сказать, что он для него неудобен».	
86.	Учиться, учиться... Согласно исследованию, проведенному hh.ru, в 2023 году обучение проводилось в 73% микрокомпаний РФ с численностью штата 6–15 человек.	Коммерсантъ, 30 августа 2024 г.
87.	«Здоровье – не всё, но всё без здоровья – ничто» , – эта цитата, приписываемая древнегреческому философу Сократу, идеально подходит для описания значимости для человека состояния его здоровья. Жаль только, что вспоминаем мы об этом не всегда вовремя.	Коммерсантъ, 17 июля 2023 г.
88.	Тарасова заявила, что Кремлёв просто «неумный человек». «Есть такая поговорка: не судите, да не судимы будете. Считаю, что его высказывание очень вредное для всех русских атлетов – для тех, кто поедет на Игры, и для тех, кто останется не по своей вине», – заключила она.	РБК, 5 июля 2024 г.
89.	На израильском телевидении теперь открыто говорят, что раз Ирану можно покушаться на Биби, то и Али Хаменеи легитимная цель. А если так, то боюсь, что ликвидация Синвара может остаться лишь малозначимым эпизодом в бесконечном ближневосточном «око за око» .	Коммерсантъ, 21 октября 2024 г.
90.	«Там, где появляется дорога, жизнь бьёт ключом », – подчеркнул президент в эфире телеканала «Россия 24».	Смотрим, 21 декабря 2023 г.
91.	Считаю, что не надо специально искать символизма и усложнять этот вопрос. Вполне можно совместить участие в голосовании со	РИА Новости, 12 марта 2024 г.

	следованием церковному календарю. Ведь в Евангелии нам заповедано отдавать «кесарево кесарю, а Божие Богу» , – сказал Легойда.	
92.	Не верь глазам своим: в Россию пришла мода на блюда-обманки	Известия, 16 декабря 2023 г.
93.	Путешествия из Петербурга в Москву Как изменится Большой театр при Валерии Гергиеве	Известия, 4 декабря 2023 г.
94.	«На мой взгляд, очередная слабая игра «Спартака». Вратарь «Динамо» помог команде. Но в целом играли красно-белые «кто в лес, кто по дрова» . По-прежнему они не показывают хорошей игры.	Football.ru, 7 апреля 2024 г.
95.	Бобы до добра не довели	РБК, 14 декабря 2023 г.
96.	Европейские компании надолго потеряли российский рынок, и теперь кусают локти , подсчитывая убытки, но из-за трусости перед заокеанским сюзереном молчат, заявил зампред Совбеза РФ Дмитрий Медведев.	РИА Новости, 2 июля 2023 г.
97.	Для хлеба и зрелищ – Как изменят правила строительства торговых центров	Известия, 16 декабря 2023 г.
98.	Завяли помидоры: между Арменией и Россией зреет новый скандал	Известия, 30 ноября 2023 г.
99.	«Это явно был враждебный акт, совершенно ясно, что без ведома хозяев киевские террористы совершить его не могли бы. Мы будем отвечать не разговорами о том, casus belli это или нет, а	Коммерсантъ, 5 мая 2023 г.

	будем отвечать конкретными действиями. У нас терпения много – есть такая пословица: “Русские долго запрягают” и так далее», – сказал господин Лавров на брифинге.	
100.	«Один в поле не воин»: чемпион Игр оценил слова Овечкина после вылета «Вашингтона»	газета. ру 4 мая 2024 г.

**Приложение Б. Репрезентативная выборка интертекстуальных фрагментов в
китайском медиатексте**

1.	渝北：满园春色关不住 万亩梨花俏枝头 Юйбэй (Чунцин): Весенние краски переполняют сады – сдержать невозможно, на ветвях мириады груш белоснежным цветением горделиво кичатся	人民网，2022年3月17日 People's Daily Online, 17 марта 2022 г.
2.	这些年，我们努力完善交通基础设施，蜀道不再难于上青天。 За эти годы нам удалось существенно улучшить транспортную инфраструктуру – теперь «дорога в Сычуань» больше не «труднее, чем подняться на небо».	人民网，2024年12月20日 People's Daily Online, 20 декабря 2024 г.
3.	山东省利津县：念好“三字诀” 打好高质量招商引资“组合拳” Провинция Шаньдун, уезд Лицзинь: три ключевых принципа и комплексный подход для привлечения высококачественных инвестиций	新华网，2024年11月26日 Xinhua Net, 26 ноября 2024 г.
4.	“铁公机”串起九寨沟文旅明珠 Железные дороги, автотрассы и авиасообщения: транспортный «каркас» связывает жемчужину культурного туризма – Цзючжайгоу	新华网，2024年11月15日 Xinhua Net, 15 ноября 2024 г.
5.	2024年“村BA”球王争霸赛全国总决赛收官 «Деревенская BA» – национальный финал турнира за титул «короля мяча»-2024	新华网，2024年10月15日 Xinhua Net, 15 октября 2024 г.

	завершился	
6.	春到齐鲁 万象“耕”新：山东推进农业高质量发展一线观察 Весна пришла в Цилу, всё вокруг обновляется с весенней пахотой: наблюдения с передовой по высококачественному развитию сельского хозяйства в Шаньдуне	新华网，2024年04月06日 Xinhua Net, 6 апреля 2024 г.
7.	发展新质生产力要“喜新”不“厌旧” Развивая новые производительные силы: «любите новое», но «не отвергайте старое»	新华网，2024年4月9日 Xinhua Net, 9 апреля 2024 г.
8.	美国选举政治的“钱规则” «Денежные правила» избирательной политики США	新华网，2024年4月9日 Xinhua Net, 9 апреля 2024 г.
9.	湖畔小城“新”潮澎湃 Маленький город у озера: новая волна захлёстывает	新华网，2024年4月15日 Xinhua Net, 15 апреля 2024 г.
10.	《平“语”近人——习近平喜欢的典故》第三季（哈萨克语版）在哈萨克斯坦开播 «Простой язык, близкий к людям» – третий сезон (на казахском языке) стартовал в Казахстане	光明网，2024年07月03日 Guangming Net, 3 июля 2024 г.
11.	一路“童”行，筑梦六一 «Вместе с детьми по дороге мечты, строим мечты на День защиты детей»	新华网，2024年05月31日 Xinhua Net, 31 мая 2024 г.
12.	日光显微镜为何能独领风骚近百年 Почему микроскоп с естественным	人民网，2023年3月31日 People's Daily Online, 31

	освещением царит в науке безраздельно почти век	марта 2023 г.
13.	华侨城打造“中国好景区” Хуачяочэн создает « лучшие туристические зоны Китая »	新华网, 2024年9月4日 Xinhua Net, 4 апреля 2024 г.
14.	坚持“民呼我应” 提供更暖心细致服务 Неуклонно следуя принципу « Народ зовёт – мы отвечаем », оказывать более чуткие и внимательные услуги	光明网, 2024年12月14日 Guangming Net, 14 декабря 2024 г.
15.	中国“飞鱼”勇“潘”高峰 Китайская «плывущая рыба» (Пань Чжанле) решительно преодолевает вершины	新华网, 2024年08月02日 Xinhua Net, 2 августа 2024 г.
16.	“点菌成金”: 重庆高新区的振兴“菇事” « Из грибов – золото »: как Чунцинская зона высоких технологий возрождается через «грибную историю»	新华网, 2024年08月09日 Xinhua Net, 9 августа 2024 г.
17.	成也共享, 败也共享。 不少企业人士认为, 共享单车风潮对自行车企业的冲击是全面的, 不仅打乱了企业生产节奏, 也提高了生产成本。 Успех – в шеринговой экономике, крах – в шеринговой экономике. Многие представители бизнеса считают, что волна шеринговых велосипедов нанесла всеобъемлющий удар по велосипедным производителям: не только нарушила производственные ритмы предприятий, но и	经济日报, 2023年8月7日 Economic Daily, 7 августа 2023 г.

	повысила производственные издержки.	
18.	守住不发生重大食品安全事件底线，切实守护人民群众“舌尖上的安全”。 Твёрдо придерживаться базовых стандартов, не допуская серьёзных инцидентов в сфере продовольственной безопасности, и надёжно защищать «безопасность на кончике языка» населения.	重庆日报网，2024年5月10日 Chongqing Daily, 10 мая 2024 г.
19.	唱出“六谷丰登”曲 Песнь обильного урожая: гимн процветанию	新华网，2024年08月22日 Xinhua Net, 22 августа 2024 г.
20.	春风又绿长江岸，坚持生态优先、绿色发展 Весенний ветер вновь зеленил берега Янцзы: приоритет экологии и устойчивое развитие	人民网，2022年3月18日 People's Daily Online, 18 марта 2022 г.
21.	青海省贵南县沙拉村——青稞亩产节节高 Деревня Шала (уезд Гуйнань, провинция Цинхай) – урожай ячменя на акр растёт с каждым годом	人民网，2023年11月01日 People's Daily Online, 1 ноября 2023 г.
22.	清明时节为何雨纷纷？(把自然讲给你听) Почему во время праздника Цинмин дождик моросит? (Природа расскажет вам)	人民网，2023年4月6日 People's Daily Online, 6 апреля 2023 г.
23.	梯田新雨后 美景入画来 Террасные поля после дождя – живописный пейзаж, словно сошедший с картины	新华网，2024年05月19日 Xinhua Net, 19 мая 2024 г.
24.	四个月价格暴涨5倍，印尼巧妇难为无“辣”之炊	中新网，2023年11月21日 China News, 21 ноября 2023

	«Без перца и кулинарка не повар»: за 4 месяца цены на перец в Индонезии взлетели в 5 раз	г.
25.	路遥知“实力”全新红旗H5环驾中国长测收官 Долгий путь доказал силу: завершение масштабного тест-драйва новой Hongqi H5 вокруг Китая	人民网, 2022年07月04日 People's Daily Online, 4 июля 2022 г.
26.	高校专业调整忌“新瓶装旧酒” Корректировка вузовских специальностей не должна быть «новой бутылки для старого вина»	人民网, 2024年12月25日 People's Daily Online, 25 декабря 2024 г.
27.	如今, 春风又绿中原大地, 中部地区发展站到了更高起点上。 Весенний ветер вновь озеленил земли Центрального Китая, развитие региона выходит на новый, более высокий этап.	人民网, 2024年04月29日 People's Daily Online, 29 апреля 2024 г.
28.	端牢“中国饭碗” 激发振兴活力——中部地区推进农业农村改革发展 Крепко держать «китайскую чашу риса»: стимулирование жизненной силы возрождения – продвижение реформ и развития сельского хозяйства в центральных районах Китая	光明网, 2024年06月11日 Guangming Net, 11 июня 2024 г.
29.	我从《光明日报》走来 Мой путь начался в «Гуанмин Жибао»	光明网, 2024年06月11日 Guangming Net, 11 июня 2024 г.
30.	乐见全球“中文热”持续升温	光明网, 2024年06月11日

	Радостно наблюдать, как глобальный «бум китайского языка» продолжает набирать обороты	Guangming Net, 11 июня 2024 г.
31.	老字号“鹤发”如何添“新颜” Как старинным брендам обновить свой имидж , сохранив традиции?	光明网, 2024年06月11日 Guangming Net, 11 июня 2024 г.
32.	文明如水润物无声——世界瞩目中国以对话推动文明和谐共生 Цивилизация, подобно воде, питает мир безмолвно : глобальные ожидания диалога Китая для гармоничного сосуществования культур	光明网, 2024年06月13日 Guangming Net, 13 июня 2024 г.
33.	“南果北种”结硕果: 增收致富有新路 Южные фрукты на северной земле : богатый урожай открывает новые пути к процветанию	新华网, 2024年09月10日 Xinhua Net, 10 сентября 2024 г.
34.	耕耘在雪域 桃李遍高原 Трудом взращивая ростки в снежных краях – плоды знаний покрывают высокогорье	新华网, 2024年09月11日 Xinhua Net, 11 сентября 2024 г.
35.	从“扫一屋”到“扫天下” 机器人“独角兽”云鲸智能成长记 От «уборки комнаты» к «покорению мира» : история роста «единорога» робототехники – компании Yunjing Intelligence	新华网, 2024年09月22日 Xinhua Net, 22 сентября 2024 г.
36.	闻“汛”而动, 迅速集结! 黔东南司法行政人在行动 Услышав о наводнении , быстро	人民网, 2024年07月02日 People's Daily Online, 2 июля 2024 г.

	собираемся! Судебные и административные работники в Гуйчжоу действуют молниеносно	
37.	<p>长沙东塘街道政院社区：“诸葛亮”会议集众智 基层治理聚合力</p> <p>Сообщество Чжэньюань района Дунтан (г. Чанша): Совещание <u>«Чжугэ Лян»</u> как механизм коллективного интеллекта для консолидации ресурсов низового управления</p>	<p>人民网，2024年08月15日</p> <p>People's Daily Online, 15 августа 2024 г.</p>
38.	<p>湖南浏阳：“电雷锋”助力浏阳花炮产业高质量发展</p> <p>Люян, провинция Хунань: «Энергетический Лэй Фэн» как катализатор устойчивого развития пиротехнической промышленности</p>	<p>人民网，2024年12月5日</p> <p>People's Daily Online, 5 декабря 2024 г.</p>
39.	<p>损失30多万元后，她当起了安全宣讲“祥林嫂”</p> <p>Потеряв более 300 тысяч юаней, она стала «Сянлинъ Сао» на встречах, посвящённых безопасности, рассказывая о своём опыте.</p>	<p>人民网，2023年11月16日</p> <p>People's Daily Online, 16 ноября 2023 г.</p>
40.	<p>4年建成1.8个三峡水电站！ 新能源“陆上三峡”崛起陇原</p> <p>За четыре года были построены энергетические объекты суммарной мощностью, в 1,8 раза превышающей мощность ГЭС «Три ущелья»! Новый энергетический проект «Наземные Три</p>	<p>新华网，2025年1月20日</p> <p>Xinhua Net, 20 января 2025 г.</p>

	ущелья» активно развивается в провинции Ганьсу	
41.	<p>2013年11月，习近平总书记视察临沂时指出，沂蒙精神与延安精神、井冈山精神、西柏坡精神一样，是党和国家的宝贵精神财富，要不断结合新的时代条件发扬光大。</p> <p>В ноябре 2013 года, когда генеральный секретарь Си Цзиньпин посетил Линьши, он отметил, что дух Имэн, как и дух Яньань, дух Цзинганшань и дух Сибайпо, является ценным духовным богатством партии и страны, и необходимо постоянно развиваться с учётом условий новой эпохи.</p>	<p>人民网，2024年4月19日</p> <p>People's Daily Online, 19 апреля 2024 г.</p>
42.	<p>毛泽东评价他有“大禹治水之功”—马克思主义理论家翻译家吴亮平的治学之道</p> <p>Мао Цзэдун, высший руководитель страны, охарактеризовал вклад У Лянпина как «подвиг Великого Юя в усмирении потоков» — методология научной деятельности теоретика-переводчика марксизма У Лянпина</p>	<p>人民网，2023年1月11日</p> <p>People's Daily Online, 11 января 2023 г.</p>
43.	<p>如何避免鞠躬道歉沦为“鳄鱼的眼泪”</p> <p>Как избежать превращения ритуального поклона с извинениями в «крокодиловы слёзы»</p>	<p>人民网，2024年12月23日</p> <p>People's Daily Online, 23 декабря 2024 г.</p>
44.	<p>一块固态电池背后的“设备长征路”</p> <p>За созданием твердотельного аккумулятора стоит «Великий поход» разработки</p>	<p>证券时报网，2024年8月24日</p> <p>Securities Times, 24 августа</p>

	оборудования»	2024 г.
45.	<p>鱼水相依，唇亡齿寒。咱们要时刻牢记园区企业永远是我们的命根子。企业复工复产关乎全市民生大事。</p> <p>Как рыба и вода неразрывно связаны, как губы и зубы зависят друг от друга. Мы должны всегда помнить, что предприятия промпарка — это основа нашего существования. Возобновление работы и производства предприятий касается жизненно важных вопросов всего города.</p>	<p>人民网，2022年4月19日</p> <p>People's Daily Online, 19 апреля 2022 г.</p>
46.	<p>北京大学国家发展研究院副院长余淼杰表示，如果各个国家两两之间签署贸易协定，各协定的不同规则就会出现“意大利面碗”现象。</p> <p>Юй Мяоцзе, вице-президент Национального исследовательского института развития при Пекинском университете, считает, что если страны будут заключать торговые соглашения исключительно на двусторонней основе, то различные правила каждого соглашения приведут к появлению феномена «клубка спагетти».</p>	<p>新华网，2022年1月1日</p> <p>Xinhua Net, 1 января 2022 г.</p>
47.	<p>凡尔赛宫“遇见”紫禁城一场双向奔赴的文明交融盛举</p> <p>«Встреча Версаля и Запретного города: грандиозное взаимное слияние цивилизаций»</p>	<p>新华网，2024年04月03日</p> <p>Xinhua net, 3 апреля 2024 г.</p>

48.	<p>如果生与死之间是一条河，那么周丽娟等人体器官捐献协调员便是这条河上的摆渡人。</p> <p>Если между жизнью и смертью протекает река, то Чжоу Лицзюань и другие координаторы по донорству органов являются перевозчиками на этой реке.</p>	<p>新华网，</p> <p>2024年04月06日</p>
49.	<p>年轻一代跨太平洋“以球会友”，重温“破冰之旅”，续写中美人民半个多世纪的“乒乓友谊”新篇。</p> <p>Молодое поколение через Тихий океан «завязывает дружбу через мяч», возрождает «ледокольную миссию» и продолжает писать новую главу «пинг-понг дружбы» между народами Китая и США, которая длится уже более полувека.</p>	<p>新华网，2024年04月10日</p> <p>Xinhua net, 10 апреля 2024 г.</p>
50.	<p>水中博尔特！</p> <p>Усэйн Болт в воде!</p>	<p>新华网，2024年08月06日</p> <p>Xinhua Net, 8 августа 2024 г.</p>
51.	<p>全球市场短期会否再遇“黑色星期一”</p> <p>Будет ли мировой рынок снова сталкиваться с «чёрным понедельником» в краткосрочной перспективе?</p>	<p>新华网，2024年08月07日</p> <p>Xinhua Net, 7 августа 2024 г.</p>
52.	<p>这里不是霍格沃茨，而是“课间快乐星球”！</p> <p>Здесь не Хогвартс, а «Планета весёлой перемены»!</p>	<p>人民网，2025年03月12日</p> <p>People's Daily Online, 12 марта 2025 г.</p>
53.	<p>守护“一河三山” 让“塞上江南”越来越秀美</p> <p>Сохраняя «одну реку и три горы», превращаем «Цзяннань за Великой стеной» всё прекраснее</p>	<p>新华网，2024年08月16日</p> <p>Xinhua net, 16 августа 2024 г.</p>

54.	<p>正如加西亚·马尔克斯所言：“我们都是马克洛尔。”穆蒂斯의诗文是一方开阔且不难进入的空间，每个读者都会在其中照见自己生命的某个瞬间。</p> <p>Как сказал Габриэль Гарсиа Маркес: «Все мы – Макроль (Maqroll el Gaviero)». Поэзия Мутиса – это открытое пространство, где каждый читатель встречает отражение мгновений своей жизни.</p>	<p>人民网，2023年11月08日 People's Daily Online, 8 ноября 2023 г.</p>
55.	<p>摆脱“长衫”焦虑 不只是大学生的事</p> <p>Избавиться от тревоги «длинного халата» – задача не только студентов</p>	<p>人民网，2023年03月17日 People's Daily Online, 17 марта 2023 г.</p>
56.	<p>既做青年学生的学问之师，更做他们的品行之师，努力成为一名“大先生”，成为学生为学、为事、为人的榜样。</p> <p>Быть для студентов не только наставником в знаниях, но и учителем нравственности, стремиться стать «Великим Учителем» – примером для учеников в учёбе, делах и жизни.</p>	<p>光明网，2024年06月11日 Guangming Net, 11 июня 2024 г.</p>
57.	<p>王小谟：用一生为祖国打造“千里眼”</p> <p>Ван Сяомо: посвятивший жизнь созданию «глаз, видящих на тысячу ли» для своей Родины</p>	<p>新华网，2024年09月18日 Xinhua Net, 10 сентября 2024 г.</p>
58.	<p>合肥有个“包青天”</p> <p>В Хэфэе есть «Бао Цинтянь»</p>	<p>人民网，2023年11月22日 People's Daily Online, 22 декабря 2023 г.</p>
59.	<p>今天，郑和精神焕发着新的光彩，成为中马</p>	<p>云南日报，2024年5月27日</p>

	<p>关系深化发展的宝贵财富。</p> <p>Сегодня дух Чжэн Хэ излучает новый свет и рассматривается как ценное достояние, способствующее дальнейшему развитию китайско-малайзийских отношений.</p>	Yunnan daily, 27 мая 2024 г.
60.	<p>一直以来，民族英雄岳飞的精忠报国精神，激励着一代又一代中华儿女奋勇向前、报效国家。</p> <p>На протяжении веков дух национального героя Китая Юэ Фэя, воплощающий беззаветную преданность Родине, вдохновляет поколение за поколением сынов и дочерей китайского народа смело идти вперёд, отдавая все силы служению стране.</p>	<p>人民网，2023年1月29日</p> <p>People's Daily Online, 29 января 2023 г.</p>
61.	<p>如今，传承白求恩精神已经成为我的心灵归属和毕生追求。</p> <p>Сегодня наследие духа Бэй Цюэна стало моим духовным домом и жизненной целью.</p>	<p>人民网，2024年07月10日</p> <p>People's Daily Online, 10 июля 2024 г.</p>
62.	<p>泉州方舱医院护士长“阿Q”与“14个娃”：治愈他们的同时，我也被治愈</p> <p>Медсестра «А-Кью» из карантинного госпиталя Цюаньчжоу и её «14 детей»: исцеляя их, я исцелилась сама</p>	<p>人民网，2022年04月12日</p> <p>People's Daily Online, 12 апреля 2022 г.</p>
63.	<p>让“闰土”昂起头——助农村孩子阳光成长</p> <p>Пусть «Жунь Ту» поднимет голову – Помогаем сельским детям расти под солнечным светом</p>	<p>人民网，2024年07月12日</p> <p>People's Daily Online, 12 июля 2024 г.</p>
64.	<p>我们不甘于变成被生活磨平的格雷高尔，而</p>	<p>人民网，2023年09月21日</p>

	<p>愿成为满怀清澈的爱的守边战士、抗洪英雄。</p> <p>Мы отказываемся становиться Грегором Замзой, сломленным жизнью, — мы хотим быть пограничниками и героями наводнений, чьи сердца наполнены кристальной любовью.</p>	<p>People's Daily Online, 21 сентября 2024 г.</p>
65.	<p>2015年，一磺厂被政策性关停，不少失去“铁饭碗”的工人选择搬出社区。</p> <p>В 2015 году сульфурный завод был закрыт в рамках государственной политики, и многие рабочие, потерявшие «железную чашку» (устойчивую работу), решили покинуть сообщество.</p>	<p>新华网，2024年5月28日 Xinhua Net, 28 мая 2024 г.</p>
66.	<p>“科技红娘”帮助真的大！”浙江斯普智能科技股份有限公司的负责人感叹。</p> <p>Роль «технологических Хун-нян» действительно велика! — говорит руководитель Zhejiang Spu Intelligent Technology Co., Ltd.</p>	<p>人民网，2024年12月13日 People's Daily Online, 13 декабря 2024 г.</p>
67.	<p>与其说是剧集本身“结尾烂”，倒不如说是导演画蛇添足的“阐释”，让这个项目“烂了尾”。</p> <p>Не столько сам сериал «испортил финал», сколько излишние «творческие интерпретации» режиссёра, словно «рисующие ноги змее», превратили проект в «неудачное завершение».</p>	<p>光明网，2024年5月27日 Guangming Net, 27 мая 2024 г.</p>

68.	<p>崔天凯称，如果对中国毫无了解，仅是凭想象甚至怀疑来定位中国，那就是“杯弓蛇影”，害了自己。</p> <p>Цуй Тянькай заявил, что если определять позицию Китая, не имея о нём никаких знаний, а лишь полагаясь на домыслы и подозрения, то это подобно «змее в кубке, отражённой луком» – такой подход лишь вредит самому себе.</p>	<p>人民网，2023年10月29日 People's Daily Online, 29 октября 2023 г.</p>
69.	<p>现有的数字法学领域的研究存在现象描述过多而理论论证较弱的问题，或者仅仅是“盲人摸象”，只看到局部问题，使得数字法学的学术研究表现为大杂烩、大拼盘的特征。</p> <p>В современных исследованиях цифрового права наблюдается переко́с в сторону описания явлений при слабой теоретической аргументации. Многие работы напоминают притчу о «слепцах, ощупывающих слона» – они фокусируются лишь на фрагментарных аспектах, превращая академический дискурс в эклектичную «сборную солянку».</p>	<p>光明网，2024年12月16日 Guangming Net, 16 декабря 2024 г.</p>
70.	<p>记者在采访中了解到，尽管明知道会浪费，但多数新人及其家庭还是骑虎难下，担心档次低了丢面子。</p> <p>Как выяснилось в ходе интервью, хотя многие понимают, что это приводит к излишним расходам, большинство</p>	<p>人民网，2024年5月10日 People's Daily Online, 10 мая 2024 г.</p>

	<p>молодожёнов и их семей оказываются в положении «оседлавших тигра»: они боятся, что более скромное торжество будет воспринято как признак бедности и «потери лица».</p>	
71.	<p>这一举措可谓一箭双雕，不仅减轻了黄河的防凌压力，还可改善沙漠生态环境，形成沙海湿地，减少流沙进入黄河。</p> <p>Данная мера бьёт сразу двух зайцев: не только снижает нагрузку на противопаводковые системы Хуанхэ, но и улучшает экологию пустыни, формируя водно-болотные угодья среди песков и сокращая поступление наносов в реку.</p>	<p>光明网，2024年4月2日</p> <p>Guangming Net, 2 апреля 2024 г.</p>
72.	<p>水能载舟，亦能覆舟。国依民而立，民心所向是时代发展的风向标。</p> <p>Вода может нести лодку, но может и опрокинуть её. Государство зиждется на народе, а устремления народа – это флюгер, указывающий направление развития эпохи.</p>	<p>人民网，2022年09月27日</p> <p>People's Daily Online, 27 сентября 2022 г.</p>
73.	<p>“新华视点”记者近期调研发现，一些地方仍存为基层减负的“拦路虎”，不尽科学的考核让部分基层干部“忙”上加“盲”，影响基层工作成效。</p> <p>Недавнее исследование журналистов «Синьхуа Шидао» показало, что в некоторых местах по-прежнему существуют «препятствующие дороги тигры»,</p>	<p>新华网，2024年8月22日</p> <p>Xinhua Net, 22 августа 2024 г.</p>

	<p>мешающие снижению нагрузки на местные органы власти. Несоответствующие методы оценки приводят к тому, что некоторые местные кадры «усердно работают», но часто «вслепую», что отрицательно сказывается на эффективности работы на местах.</p>	
74.	<p>亡羊补牢不如防患于未然。要通过建立全方位、广覆盖的反诈宣传教育体系，让防范电信网络诈骗违法犯罪知识进社区、进家庭、进学校、进企业。</p> <p>Лучше предупредить, чем потом лечить.</p> <p>Необходимо создать всестороннюю и широкую систему пропаганды и образования по борьбе с мошенничеством, чтобы знания о предотвращении телефонных и интернет-мошенничеств проникли в сообщества, семьи, школы и предприятия.</p>	<p>广州日报, 2024年11月28日</p> <p>Guangzhou Daily, 28 ноября 2024 г.</p>
75.	<p>美国张罗的所谓第三届“民主峰会”3月18日至20日在韩国粉墨登场</p> <p>Третий по счёту так называемый «Саммит за демократию», организованный США, театрально стартовал в Южной Корее с 18 по 20 марта</p>	<p>人民网, 2024年3月22日</p> <p>People's Daily Online, 22 марта 2024 г.</p>
76.	<p>到群众中去，才能对那些发展所需、改革所急、基层所盼、民心所向的问题洞若观火。只有 через тесное взаимодействие с</p>	<p>人民网, 2023年12月5日</p> <p>People's Daily Online, 5 декабря 2023 г.</p>

	населением можно чётко выявить ключевые проблемы: потребности развития, срочность реформ, ожидания базового уровня и устремления народных масс.	
77.	英国政治危机： 四面楚歌 之下，约翰逊下一步怎么走？ Политический кризис в Британии: оказавшись в «окружении с четырёх сторон» , каким будет следующий шаг Джонсона?	中国新闻网，2019年9月26日 China News, 26 сентября 2019 г.
78.	天上不会掉馅饼，努力奋斗才能梦想成真。 Пироги с неба не падают – лишь упорный труд претворяет мечты в реальность.	人民网，2023年1月1日 People's Daily Online, 1 января 2023 г.
79.	真人互动新鲜有趣，而搭载了新技术的场馆则凭借高科技带领游客“一日看尽长安花”。 Интерактив с реальными людьми свежо и интересно, а павильоны, оснащённые новыми технологиями, позволяют посетителям «увидеть все цветы Чанъаня за один день» .	内蒙古日报，2024年8月20日 Inner Mongolia Daily, 20 августа 2024 г.
80.	这种符合各国市场需求、体现产业发展潮流的竞争力优势，在部分西方媒体和政客眼中却成为了“匹夫无罪，怀璧其罪”。 Такое конкурентное преимущество, соответствующее потребностям различных рынков и отражающее тенденции развития отрасли, но в глазах некоторых западных СМИ и политиков превращается в «винят за	新华网，2024年4月12日 Xinhua Net, 12 апреля 2024 г.

	то, что носит драгоценный камень».	
81.	<p>功夫不负有心人，经过调试的系统很成功。在智能设备帮助劳动者摆脱又苦又累的高强度作业环境时，郭东妮看到了自己从事这项工作的意义。</p> <p>Терпение и труд всё перетрут, после многочисленных испытаний система наконец заработала успешно. Когда интеллектуальные устройства помогают рабочим избавиться от тяжёлых и изнурительных условий труда, Го Дуни осознала подлинную значимость своей профессиональной деятельности.</p>	<p>人民网，2024年12月20日 People's Daily Online, 20 декабря 2024 г.</p>
82.	<p>对这些讨论，廖新生的要求是，“‘三个臭皮匠顶一个诸葛亮’，我们要让‘臭皮匠’发言。廖 Синьшэн призвал: «Ум хорошо, а два лучше» – необходимо привлечь больше участников к обсуждению.</p>	<p>人民网，2024年4月28日 People's Daily Online, 28 апреля 2024 г.</p>
83.	<p>前事不忘，后事之师。铭记这段历史，是为了从中汲取教训，珍惜来之不易的和平。</p> <p>Незабытое прошлое – урок для будущего. Помнить эту историю – значит извлекать из неё уроки и беречь мир, завоеванный ценой великих усилий.</p>	<p>新华网，2024年12月16日 Xinhua Net, 16 декабря 2024 г.</p>
84.	<p>三亚旅游怎样避免“一只苍蝇坏了一锅粥”</p> <p>Как избежать ситуации, когда «одна муха портит всю кашу» в туризме Санья</p>	<p>人民网，2024年04月01日 People's Daily Online, 1 апреля 2024 г.</p>
85.	水稻博物馆里感受“粒粒皆辛苦”	新华网，2023年08月27日

	Почувствовать «каждое зёрнышко требует тяжкого труда» в Музее риса	Xinhua Net, 27 августа 2023 г.
86.	<p>“众人拾柴”的托举，还烧旺了当地的俄色产业。</p> <p>Поддержка «всеобщими усилиями» разжигала и развивала местную индустрию с российскими элементами.</p>	<p>人民网，2024年09月29日</p> <p>People's Daily Online, 29 сентября 2024 г.</p>
87.	<p>雄关漫道真如铁 而今迈步从头越。锦西220千伏变电站改革发展纪实</p> <p>Несмотря на непреодолимые преграды, которые кажутся железными, сегодня мы начинаем новый этап, полные решимости двигаться вперёд. Хроника реформы и развития подстанции 220 кв. в городе Цзиньси</p>	<p>新华网，2024年01月13日</p> <p>Xinhua Net, 13 января 2024 г.</p>
88.	<p>浦晓坤深知自己学历不高，设备智能化及自动化程度越高，对他来说就意味着挑战越大，并且工作上没有“船到桥头自然直”的说法，不学习、不进步，只会被时代抛弃。</p> <p>Пу Сяокуна хорошо осознаёт, что его уровень образования не высок, и чем выше степень автоматизации и интеллектуализации оборудования, тем больше для него будет вызов. Он понимает, что в работе не существует принципа «как-нибудь получится», и если не учиться и не развиваться, то можно оказаться позади времени.</p>	<p>人民网，2023年08月13日</p> <p>People's Daily Online, 13 августа 2023 г.</p>

89.	<p>罗马不是一天建成的。推动共建“一带一路”高质量发展是一项长周期、跨国界、系统性的世界工程、世纪工程。</p> <p>Рим не был построен за один день.</p> <p>Продвижение высококачественного развития инициативы «Один пояс, один путь» — это долгосрочный, транснациональный и системный проект мирового масштаба, проект века.</p>	<p>新华网，2024年12月3日</p> <p>Xinhua Net, 3 декабря 2024 г.</p>
90.	<p>1840年鸦片战争成为“压倒骆驼的最后一根稻草”。</p> <p>Опиумная война 1840 года стала «последней соломинкой, сломавшей спину верблюда».</p>	<p>新华网，2024年12月31日</p> <p>Xinhua Net, 31 декабря 2024 г.</p>
91.	<p>打蛇打七寸。从近些年的反诈实践中不难看出，电信网络诈骗领域多发、高发的恰恰是涉“两卡”（电话卡和银行卡）的违法犯罪行为。</p> <p>Бить в корень проблемы. Из недавнего опыта борьбы с мошенничеством видно, что в области телефонного и интернет-мошенничества часто возникают преступления, связанные с использованием «двух карт» (сим-карт и банковских карт).</p>	<p>新华网，2024年11月28日</p> <p>Xinhua Net, 28 ноября 2024 г.</p>
92.	<p>中秋月盈时，千里共婵娟</p> <p>В полнолуние Праздника середины осени луна сияет ярко — даже вдали друг от друга мы любимся одной луной</p>	<p>人民网，2024年09月17日</p> <p>People's Daily Online, 17 сентября 2024 г.</p>
93.	<p>“蝶后”张雨霏7天摘9金，这是努力克服先天</p>	<p>人民网，2024年04月30日</p>

	<p>性脊柱侧弯后的破茧成蝶，此刻，青春是永不言弃，是我命由我不由天。</p> <p>Чжан Юйфэй за 7 дней завоевала 9 золотых медалей. Это её преобразование из кокона, достигнутое упорным преодолением врождённого сколиоза. Сегодня молодость – это отказ сдаваться, это «моя судьба зависит от меня, а не от судьбы».</p>	<p>People's Daily Online, 30 апреля 2024 г.</p>
94.	<p>有点可爱但武力值爆表的“三弟”张飞，在互联网时代备受网友青睐，他的经典台词“俺也一样”至今都是社交平台上的热梗。</p> <p>Чжан Фэй, «третий брат», который немного мил, но обладает невероятной силой, завоевал популярность среди пользователей интернета в эпоху цифровых технологий. Его культовая фраза «Я тоже!» до сих пор остаётся популярным мемом в соцсетях.</p>	<p>人民网，2024年4月21日</p> <p>People's Daily Online, 21 апреля 2024 г.</p>
95.	<p>莲花寺街小区是典型的老旧小区，破烂的楼房和道路，捂鼻而过的群众和游客，曾让基层社区“敢问路在何方”。</p> <p>Жилой район Ляньхуасыцзе – типичный старый квартал: обветшалые здания, разбитые дороги, прохожие и туристы, зажимающие носы от вони. Местные власти долго ломали голову над тем, «куда же ведёт эта дорога» – как спасти такой район от упадка.</p>	<p>人民网，2024年7月31日</p> <p>People's Daily Online, 31 июля 2024 г.</p>
96.	<p>或许很多人会说，“既生瑜何生亮”，其实陈</p>	<p>成都日报，2024年8月7日</p>

	<p>芋汐和全红婵之所能够在这个周期表现得如此完美，就是两人互相促进、互相进步的结果，少了任何一个人，也许都无法成就如今的成绩。</p> <p>Многие, возможно, воскликнут: «Если есть Чжоу Юй, зачем рождать Чжугэ Ляна?». Однако феноменальный успех Чэнь Юйси и Цюань Хунчань в этом цикле соревнований – именно результат их взаимного стимулирования и совместного роста. Без одного из них достичь таких высот было бы невозможно.</p>	Chengdu Daily, 7 августа 2024 г.
97.	<p>一篇专访稿，满纸荒唐言，宛若“台独白皮书”。</p> <p>Одна из материалов интервью, полная абсурдных высказываний, напоминает «Декларацию независимости Тайваня».</p>	<p>新华网，2023年08月19日</p> <p>Xinhua Net, 19 августа 2023 г.</p>
98.	<p>“道路千万条，安全第一条。”无论机动车还是非机动车，无论暴走还是骑行，各行其道，遵守规则，才是对自己的最好保护。</p> <p>«Дорог много, но безопасность – на первом месте». Независимо от того, едешь ли ты на автомобиле или велосипеде, или же просто идёшь пешком, важно соблюдать правила и двигаться по своему пути – это лучший способ защитить себя.</p>	<p>人民网，2024年8月14日</p> <p>People's Daily Online, 14 августа 2024 г.</p>
99.	<p>己所不欲勿施于人，霸权主义虽可强横一时，最终结果只能是害人又害己。</p>	<p>中国新闻网，2024年6月21日</p>

	<p>Не делай другим того, чего не хочешь для себя. Хотя гегемонизм может быть силен в краткосрочной перспективе, в итоге его результатом станет только вред как для других, так и для самого себя.</p>	China News, 21 июня 2024 г.
100	<p>山重水复疑无路，柳暗花明又一村。不论前路多么难行，坚定信心，勇于开拓，京剧必将走向一个充满光明和希冀的新境界。</p> <p>Горные хребты громоздятся, река извивается изгибами, кажется, пути уже нет... И вдруг среди цветущих ив и персиков село. Сколь бы трудной ни была дорога, сохраняя решимость и смело ища новые пути, пекинская опера неизбежно войдёт в новую эру света и надежды.</p>	<p>人民网，2024年11月26日</p> <p>People's Daily Online, 26 ноября 2024 г.</p>